

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

МГПУ

Международное научное издание
№1/2019

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Международное научное издание
2019 г. Том 10. № 1

International scientific journal
2019. Vol. 10. No. 1

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

Международный научный журнал

Включен в перечень ВАК. Включен в РИНЦ.

Включен в базу Web of Science

Главный редактор

Наталия Толстых

Ответственный секретарь

Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.А. Гулевич, Е.М. Дубовская, Ю.М. Забродин, В.А. Ильин,

В.А. Лабунская, Н.К. Радина, О.Е. Хухлаев,

Л.А. Цветкова, Н.М. Швалева, Т.И. Шульга (Россия),

Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель

Александр Донцов

Заместитель председателя

Наталия Толстых

Заместитель председателя

Вера Лабунская

Члены редакционного совета

Ю.М. Забродин, Л.А. Цветкова, Т.И. Шульга (Россия),

Ф. Зимбардо (США), И. Маркова (Великобритания),

Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия),

А.А. Файзуллаев (Узбекистан), К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический
университет»

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Базовый побудительный механизм социальной активности личности
М.В. Григорьева 5

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Волевые качества как предикторы значимости
социальной активности студентов
Р.М. Шамионов, М.В. Григорьева, А.В. Григорьев 18

Особенности ценностно-смысловой сферы спасателей с разным
уровнем профессиональной социально-психологической адаптации
А.В. Котенева, С.А. Кобзарев 35

Роль типа социальной группы и особенностей самоотношения
в проявлениях социальной перцепции студентов
М.В. Балева 53

Предикторы выбора русскими стратегии поведения
в межкультурном конфликте
А.А. Батхина, Н.М. Лебедева 70

Доверие как модератор связи отношения к этническому
многообразию и аккультурационных ожиданий принимающего населения
А.Н. Татарко, З.Х. Лепиокова, Д.И. Дубров 92

Взаимосвязь стиля привязанности и коммуникационных
реакций на ревность: половые сходства и различия
И.А. Фурманов 115

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

Становление ролевой позиции тьютора в школе как индикатор
социальных ожиданий от обучения детей в частной школе
(на примере Хорошколы)
П.О. Крайнова, А.С. Обухов 134

Амок: актуальность изучения нападений в школах, причины,
возможности первичной профилактики
С.В. Книжникова 152

Мнение и установки университетского сообщества к донорству в биобанк
Н.А. Антонова, К.Ю. Ерицян, Л.А. Цветкова 169

Спрос на тренинговые услуги по командообразованию
в современных российских организациях
Д.А. Зверев, В.А. Штроо 182

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

XVI Международная встреча интернационального сообщества
психологов дорожного движения (Каунас, 29–30 ноября 2018 г.)
Т.В. Кочетова 199

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Принцип ситуационизма в современной социальной психологии.
Рецензия на книгу Т. Гиловича и Л. Росса «Наука мудрости».
М.: Индивидуум, 2019. 368 с.
Е.П. Белинская 202

CONTENTS

THEORETICAL RESEARCH

- The basic incentive mechanism of social activity of the individual
M.V. Grigoryeva 5

EMPIRICAL RESEARCH

- Volitional qualities as predictors of the importance of social activity of students
R.M. Shamionov, M.V. Grigoryeva, A.V. Grigoryev 18
- Features of the value-semantic sphere of rescuers with different levels of professional socio-psychological adaptation
A.V. Koteneva, S.A. Kobzarev 35
- The role of the group type and the characteristics of self-attitude in students' social perception
M.V. Baleva 53
- Predictors of behavioral strategy choice among Russians in intercultural conflict
A.A. Batkhina, N.M. Lebedeva 70
- Trust as a moderator of attitude towards ethnic diversity and acculturation expectations of the host population
A.N. Tatarko, Z.K. Lepshokova, D.I. Dubrov 92
- Interrelation of attachment style and communicative reactions to jealousy: sexual likeness and differences
I.A. Fourmanov 115

APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

- The Formation of the Tutor's Role in the School as an Indicator of Social Expectations from Educating Children in a Private School (on the Example of Horoshkola)
P.O. Kraynova, A.S. Obuhov 134
- Amok: Relevance of School Attacks Exploring, Causes, and Primary Prevention Possibilities
S.V. Knizhnikova 152
- Attitudes towards Biobank Donation Among University Community
N.A. Antonova, K.Y. Eritsyayn, L.A. Tsvetkova 169
- Study of the demand for teambuilding training services in contemporary russian organizations
D.A. Zverev, W.A. Stroh 182

SCIENTIFIC LIFE

- XVI Traffic Psychology International Meeting (Kaunas on November 29–30, 2018)
T.V. Kochetova 199

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

- The principle of situationism in modern social psychology. Review of the book by T. Gilovich and L. Ross "The Science of wisdom". Moscow: Individual, 2019. 368 p.
E.P. Belinskaya 202

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Базовый побудительный механизм социальной активности личности

М.В. ГРИГОРЬЕВА*,
ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»,
Саратов, Россия
grigoryevamv@mail.ru

Обосновано применение системно-диахронического подхода к исследованию социальной активности личности. Социальная активность, с точки зрения системно-диахронического подхода, должна быть рассмотрена как разноуровневое образование, включающее когнитивные, эмоционально-оценочные, мотивационные и социально-психологические явления, объединенные в актах взаимодействия личности и социальной среды, претерпевающих качественные изменения во времени. Описание прошлого, настоящего и будущего состояния системы «личность—социальная группа», выделение элементов системы, прогрессивно или регрессивно трансформирующихся, — необходимые условия системно-диахронического анализа социальной активности. Раскрыт базовый побудительный механизм социальной активности личности — диахроническое рассогласование в системе «личность—социальная среда», а также частные когнитивные, эмоционально-оценочные, мотивационные и социально-психологические механизмы социальной активности личности и группы.

Ключевые слова: социальная активность, личность, системно-диахронический подход, базовый побудительный механизм, диахроническое рассогласование, психологические механизмы.

Для цитаты:

Григорьева М.В. Базовый побудительный механизм социальной активности личности // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 1. С. 5–17. doi:10.17759/sps.2019100101

* Григорьева Марина Владимировна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогической психологии и психодиагностики, Саратовский государственный университет (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), Саратов, Россия, grigoryevamv@mail.ru

Проблема социальной активности личности и выявление ее побудительных механизмов в настоящее время чрезвычайно актуальна и имеет культурно-историческую специфику. Социальная активность личности на протяжении достаточно долгого времени в эпоху ориентации на коллективную собственность и единство ценностей и коллективного сознания рассматривалась как включение в общее дело, цели которого определялись отдельными личностями в соответствии с единой программой общественного развития. В настоящее время изменение социально-экономических отношений и общественно-политических ориентиров влияет на трансформации социальной активности личности. Она становится более вариативной, сфера ее реализации расширяется, акценты переносятся с внешней доминантной инициализации на внутренние пусковые механизмы. В то же время социальная активность личности в настоящих условиях многовариативности ценностных ориентаций может стать диффузной, просоциальные формы могут сопровождаться асоциальными. Особенно уязвима в этом плане молодежь, находящаяся в состоянии профессионального, социального и личностного самоопределения. Перед психологией оформляется социальный заказ, требующий выявления форм просоциальной и асоциальной активности молодежи, базовых побудительных механизмов ее социальной активности, соотносящейся с целями развития общества и общегуманными целями социальных взаимодействий.

Являясь одной из форм социализации личности, социальная активность направлена на осознание и освоение ценностей и социальных норм. Какие из них станут ориентирами в процессе реализации социальной активности, зависит

от множества внешних и внутренних причин, от прошлого жизненного опыта личности, от характеристик ситуации, происходящей в настоящем, и от того, каким образом приобретаемый опыт будет использован в будущем. В то же время социальная активность является фактором, определяющим содержание и направление социализации личности [11].

В психологии социальная активность личности рассматривается как реализация субъектных качеств личности, прежде всего инициативности и ответственности, в сфере социальных контактов [7; 15] и социальном пространстве личности [16]; как форма лидерства и социального обучения [13; 14], способ политической, общественной деятельности и развития гражданской идентичности [10; 12], замещающая форма другой активности в ситуациях жизненных изменений [3]; предлагаются критерии уровней, классификация форм и видов социальной активности личности [22; 25]; намечаются направления работы с молодежью в целях развития просоциальной активности [17].

Исследователи акцентируют внимание на детерминирующих социальную активность личности факторах и, соответственно, на иницирующих эту активность механизмах. В качестве иницирующих рассматривают как общие детерминанты активности человека, так и специфические для социальной активности факторы.

Исследования общих пусковых механизмов активности личности связаны, прежде всего, с субъектным подходом и его реализацией в социально-психологических исследованиях [23].

К.А. Абульханова-Славская и В.А. Кольцова, анализируя историю развития методологии психологического исследования, делают вывод о естествен-

ном сближении методологических подходов отечественной психологии и актуализации психосоциального подхода, когда активность субъекта понимается не столько как реализация действий в конкретной деятельности, но и в широком смысле, с учетом включения личности в различные социальные общности. При этом активность личности нелинейно детерминруется множеством подчас противоречивых факторов [2].

Характеризуя общие механизмы, иницирующие и регулирующие социальную активность, Е.С. Соколова использует понятие «структура мотивов социальной активности», которая понимается как динамическая система мотивационных компонентов и факторов, формирующих различные мотивы, побуждающих человека к совершению определенных действий и поступков, определяющих степень его активности и направленность поведения для достижения конкретных социально значимых целей [21].

В качестве особых детерминант для социальной активности личности психологи выделяют некоторые личностные качества, например, социальную смелость [18], активную жизненную позицию [1], коммуникативную компетентность [4].

А.В. Погодина, К.С. Есаулова рассматривают феномен социальной активности личности через представления о социально смелом человеке в реальном и виртуальном взаимодействии. Исследователи показывают, что понятие «социально смелая личность» имеет высокую семантическую значимость, позитивную эмоциональную окрашенность независимо от возраста респондентов. Данный факт свидетельствует о ценности социальной активности лич-

ности и о ее реализации как в реальном, так и в виртуальном взаимодействии. Смелый и социально активный человек воспринимается молодыми людьми как привлекательный и вызывающий симпатию; в среднем возрасте, по мнению авторов, в представлениях возрастает роль собственно активных характеристик, связанных с внешне выраженными признаками напряжения, деятельности и эмоциональной неустойчивости; в пожилом возрасте в представлениях о социально активной и смелой личности преобладают характеристики энергичности, разговорчивости, доминирования и невозмутимости [18].

Социальная активность личности реализуется в результате социальных взаимодействий, ее содержание наполняется и раскрывается через содержание общих и индивидуальных целей участников взаимодействия, а направление задается притязаниями, достижениями, успехами личности в конкретных областях освоения мира, эмоционально-оценочными отношениями в социальных контактах индивида с другими людьми. В любом случае социальная активность проявляется через социальное взаимодействие, которое определяется как сложное явление, включающее взаимную ориентацию действий, способствующую организации действий отдельных субъектов в единое целое во времени и пространстве, и преобразующее индивидуальные действия в другое качество [9]. Новое качество действий позволяет рассматривать взаимодействующих субъектов как единую согласованную систему с постоянной динамикой процессов познания и понимания конкретной ситуации, целеполагания, принятия решений, контроля и самоконтроля, эмоциональной саморегуляции и других необходимых и опре-

деляемых контекстом социальной ситуации психических процессов [9].

Представленные выше и другие исследования социальной активности личности, ее пусковых механизмов и детерминации свидетельствуют о направленности исследователей на раскрытие явления во временной динамике и с учетом разнокачественных детерминант. При этом используются различные научные подходы: системно-функциональный, системногенетический, синергетический и др., позволяющие акцентировать исследовательское внимание на процессуальных аспектах изучаемого явления. Выполненные с учетом процессуального аспекта исследования социализации личности и детерминации ее активности не только представляют научные данные об актуальных признаках данных процессов, но и обращены к анализу развития явления на определенном историческом промежутке. Вместе с тем, если говорить о специфике механизмов инициации и развертывания социальной активности личности, то необходимо отметить возрастающую сложность и неоднозначность самого процесса ее детерминации, когда в ситуации взаимодействия личности и социальной среды соединены воедино многоуровневые и разнокачественные явления, взаимовлияние которых происходит нелинейно и вероятно. Для более адекватного описания механизмов инициации и реализации социальной активности личности необходим поиск новых оснований и детерминант ее развития. Одним из путей может быть применение диахронического подхода в социально-психологическом исследовании. По мнению О.С. Разумовского, «... диахрония — это важнейшая характеристика формы и архитектоники основного процесса, в котором находят-

ся все бытие и мышление. Динамическое бытие без диахронии невозможно» [19].

Приходится признать, что в современной психологии пока отсутствует целостный анализ базовых психологических механизмов, лежащих в основе развертывания и развития социальной активности личности, нет теоретико-методологических основ изучения социальной активности личности как сложного многоуровневого и чрезвычайно динамичного социально-психологического явления.

Целью настоящего исследования является раскрытие базового побудительного механизма социальной активности личности — диахронического рассогласования в системе «личность—социальная среда».

Социальная активность личности — это ее собственная активность, в которой проявляются индивидуальные свойства, обладающие определенной спецификой, формирующейся под влиянием не только индивидуально-психологических факторов, но и социальных внешних факторов. Реализация социальной активности личности происходит в конкретной ситуации социальных контактов и взаимодействий. Контекст этой ситуации определяется всем прошлым опытом субъектов взаимодействия, наличными настоящими процессами оперативных действий и отражает предполагаемые будущие события. Учет такой сквозной временной протяженности в исследовании феномена — основное требование диахронического подхода. Ситуация включает не только конкретного субъекта, но и социальную среду, обладающую также субъектностью. Формируется система «личность—социальная среда», функционирующая как постоянный поток акций, интеракций, реакций и других видов инициативной

и ответной активности в соответствии с контекстом ситуации.

Системно-диахронический подход, позволяя рассматривать социальную активность личности в системе «личность—социальная среда» в динамике на протяжении некоторого времени, связан с определением единицы анализа, т. е. системы, перерастающей в своем развитии себя и переходящей в другую систему. Ранее нами были предложены такие системы, как система взаимодействия обучающихся с образовательной средой, система школьной или академической адаптации, система социальных взаимодействий личности в процессе ее социализации и др. [8]. Было обосновано, что системообразующей категорией является категория взаимодействия, так как именно в ней сочетаются такие характеристики, как активность личности в процессе ее вхождения в социальную среду, приспособления к ней с последующей интеграцией; возможность реализации идеи взаимовлияния личности и среды; последовательность во времени инициативных и ответных личностных и средовых влияний [8]. Использование категории взаимодействия позволяет конкретизировать систему «личность—социальная среда» до системы «личность—социальная группа».

Основной пусковой механизм активности в системе «личность—социальная группа» связан с наличием рассогласования между требованиями и возможностями ее составляющих. Рассогласование приводит к диахроничному существованию системы, когда социальной средой целенаправленно или спонтанно задаются новые требования, которым личность соответствовать в данный момент времени не может. Возможен вариант изменения требований к социальной среде со

стороны личности. В этом случае также возможно возникновение диахронии, т. е. определенного временного процесса, в котором происходит согласование требований и возможностей составляющих элементов системы, ее качественное изменение и переход на другой уровень соответствия. Диахрония в определенный момент существования системы переходит в синхронию — такое функционирование, когда требования и возможности, различных составляющих системы согласованы. В этом случае возникает динамическое равновесие: требования со стороны одной составляющей системы, например, социальной среды, понимаются личностью и воспринимаются ею как возможность реализовать свои способности, учитывая динамику ситуации, свою индивидуальность и весь ситуативный контекст.

Социальная активность личности в момент диахронного существования системы «личность—социальная группа» может быть направлена на самоизменение, изменение средовых явлений или одновременно на то и другое. Эти направления определяются личностью по критериям доступности, оптимальности внутренних затрат и значимости изменений, по социальным ожиданиям участников взаимодействий, типичным применяемым стратегиям поведения, характерным для той или иной социальной группы и общества в целом и другим критериям.

Общий системный пусковой механизм социальной активности личности — наличие рассогласования между требованиями и возможностями личности и среды — протекает в форме разноуровневых и разномодальных процессов когнитивного, эмоционального, оценочного, потребностно-мотивационного, социального планов. В зависимости от

этого можно различать когнитивные, эмоциональные, мотивационные и социально-психологические механизмы инициации и разворачивания социальной активности личности. Кроме этого, можно выделить общесистемные механизмы, которые организуют слаженную работу всей системы «личность—социальная группа» и объясняют направление и специфику социальной активности личности. Механизмы социальной активности — это последовательные взаимосвязанные изменения в отдельных частях системы «личность—социальная группа», иницирующие и задающие направление и специфику изменений в других ее частях или во всей системе в целом.

Когнитивные механизмы социальной активности личности связаны, в первую очередь, с оценкой субъектом ситуации взаимодействия с социальным окружением как знакомой или новой. В знакомой ситуации актуализируется образ предыдущих социальных действий, приводящих к достижению определенного результата, и этот образ становится когнитивной основой реальных действий. Процесс может быть автоматизирован и плохо осознаваться. В этом случае свернутыми оказываются не только эффективные, но и ошибочные и ограниченные действия. Кроме того, автоматизация действий может быть плохо соотнесена с критической оценкой новизны ситуации, и тогда социальная активность может быть неадекватной и неоптимальной для ситуации, новизна которой субъектом не замечена и, соответственно, не понята.

Если представить любое изменение ситуации взаимодействия человека и социальной среды как проблемную ситуацию, то достижение оптимальности данного взаимодействия будет процессом преобразования проблемной ситуации,

т. е. ее решением. Непредсказуемость динамичного взаимодействия с миром оказывает влияние на необходимость предвосхищения результатов собственной социальной активности. Человек, реализуя социальную активность для решения проблемы, формирует в своих репрезентациях несколько предвосхищенных вариантов разворачивания событий.

Социально успешные люди, по данным Д. Дёрнера, используют следующие когнитивные механизмы: представляющие (использование наглядно-действенных средств репрезентации и преобразования проблемной ситуации), понимание (активно пытаются понять суть собственного взаимодействия и различных переменных социальной ситуации), аналогии (абстракции соотносят с другими более конкретными или более абстрактными уровнями), рекурсия (психологическое структурирование задачи по типу многократного вложения ментальных пространств друг в друга, постепенное «погружение» в задачу путем неоднократного задавания себе вопроса «зачем?», позволяющее сформировать личностный смысл решения задачи социального взаимодействия и в то же время найти ее общее решение), варьирование (представление максимального разнообразия реализаций ментальных контекстов в терминах пространственных, лексических, семантических, прагматических и др. характеристик), метафоризация (сравнения объектов разных по уровню обобщения репрезентаций), отрицание (сомнение в общепринятых знаниях) и др. [5].

Эмоциональные и оценочные механизмы социальной активности личности обеспечивают возможность заметить негативное влияние на личность несоответствия требований социальной среды вну-

тренним инстанциям личности, а также оценить риски и потенциал диахронного развития инстанций личности в процессе социальных взаимодействий [24]. В результате субъективно значительного несоответствия формируются внутреннее напряжение и мотивационная структура социальной активности личности.

Менее значительные рассогласования между требованиями социальной среды и возможностями личности соответствовать им могут сопровождаться тревогой и стремлением ее оптимизировать. Особая роль в этом принадлежит эмоциональной устойчивости личности. Долговременная или остро переживаемая фрустрация, превышение потенциала эмоциональной и, в целом, психологической устойчивости личности приводит к тому, что направленность процессов взаимодействия человека и социальной среды меняется с обеспечения самораскрытия и самоактуализации на обеспечение защиты внутренних личностных ориентиров социальной и индивидуальной активности, индивидуальных особенностей, выживания [20].

В социальной психологии традиционно изучались отдельные социально-психологические механизмы социальной активности личности, связанные с включением личности в группу. Наиболее общим социально-психологическим механизмом регуляции социальной активности личности является механизм социального контроля, конкретизирующийся в механизмах экспектаций, норм и санкций и действующий по принципу обратной связи, когда субъекты социального управления (лидер, малая группа, любая социальная группа и т. п.) реагируют на дестабилизацию социальной системы. Поскольку социальная активность личности проявляется вследствие

ее включения в различные социальные группы, личность испытывает влияние нескольких социально-психологических механизмов. Результат их соотношения зависит от согласованности и неконфликтности требований различных социальных групп, в которые входит личность, а также от возможности личности быть гибкой в этом соотношении и одновременно ориентированной на собственные внутренние ценностно-смысловые ориентиры.

Реализация системно-диахронического подхода к изучению социальной активности личности позволяет акцентировать исследовательское внимание на трех моментах: опыт и результаты взаимодействия личности с конкретной социальной группой в прошлом; специфика содержания этого взаимодействия в настоящем; антиципация содержания и результатов этого взаимодействия в будущем. Причем каждое из трех выделенных направлений должно рассматриваться как с позиции личности, так и с позиции группы, в терминах требований и возможностей им соответствовать. В результате получается, как минимум, шесть планов исследования, сравнительный анализ результатов которых и позволит определить направления социальной активности личности или группы и вероятность стабилизации или изменения этих направлений и содержания социальной активности. Комплексность исследования, объединяющего эти шесть планов, дает возможность раскрыть содержание и личностно-ситуационную и временную специфику социальной активности личности; становится возможным раскрытие социальной активности в диахронии, т. е. сквозь время и с учетом соотношения системных (личностно-средовых) рассогласований и согласова-

ний требований и возможностей ответа на эти требования.

Важным в системно-диахроническом подходе является вопрос о масштабе времени, который будет определен для анализа функционирования системы «личность—социальная группа». Возможно несколько вариантов ответа на этот вопрос. Первый, самый очевидный, связать временной этап, взятый для анализа, с временем существования специфического взаимодействия личности и социальной группы. Этот вариант удобен, когда анализируется социальная активность личности в условиях, например, образовательных организаций, поскольку требования социальной группы здесь привязаны к этапу обучения, а специфика взаимодействия обучающихся и социальной среды школы определяется, в основном, социальной ситуацией развития (ведущим видом деятельности, психологическими новообразованиями и т. п.). Но социальная активность в условиях образования — это не единственный вид социальной активности личности. Исследователями выделены другие виды социальной активности личности, связанные с различными сферами проявления активности: профессией, карьерой, спортом, туризмом, культурой, развлечением, саморазвитием, дружбой, творчеством, интернетом, политикой, религией, волонтерством, хобби, семьей [6]. При анализе этих видов социальной активности затруднительно выделение четких этапов, поэтому масштаб времени анализа будет определяться в соответствии с другими критериями, наиболее общим из которых будет возникновение значительного для личности рассогласования ее возможностей или потребностей с требованиями социальной группы. В этом случае син-

хронное существование системы «личность—социальная группа» нарушается. Некоторое время система существует диахронно, в результате или разрушается с переходом личности в другую группу и возникновением системы «личность—новая социальная группа», или переходит в другое качественно новое состояние, связанное с другими взаимодействиями внутри оставшейся группы. Психологический анализ социальной активности личности необходим во время как диахронного, так и синхронного существования системы, поскольку только сочетание информации о синхронии и диахронии даст возможность предсказать вероятность стабилизации или трансформации социальной активности личности или группы.

Таким образом, системно-диахронический подход в исследованиях социальной активности личности или группы позволяет проследить закономерности ее динамики, развитие системы, выбранной в качестве предмета анализа, раскрыть закономерности перехода неэффективной системы, неоптимальной деструктивной социальной активности на необходимый продуктивный уровень развития, предсказать возможные нелинейные траектории диахронного и синхронного процесса развития системы «личность—социальная группа». Социальная активность личности в диахронии раскрывается как непрерывный процесс «сквозь время», с учетом прошлого опыта социальных взаимодействий личности и социальных групп, содержания и направления социальной активности личности и группы в настоящем и вероятностного развития социальной активности в будущем. Системно-диахроническое рассогласование требований и возможно-

стей соответствовать им как со стороны личности, так и со стороны групп является базовым пусковым механизмом социальной активности, направленной на осознание этого рассогласования, поиск

наиболее оптимальных социальных взаимодействий и установление динамического равновесия между требованиями и возможностями в системе «личность—социальная группа».

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00298).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова К.А.* Методологический принцип субъекта: исследование жизненного пути личности // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 2. С. 5–18.
2. *Абульханова К.А., Кольцова В.А.* Интеграция методологических принципов отечественной психологии на рубеже веков // Человек и мир. 2017. Т. 1. № 1. С. 6–52.
3. *Белан Е.А.* Ситуационные предикторы активности личности. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 140 с.
4. *Буртовая Н.Б.* Коммуникативная компетентность личности и социально-психологические факторы ее развития: на примере студентов — будущих педагогов-психологов: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Красноярск, 2004. 23 с.
5. *Величковский Б.М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2006. Т. 2. 432 с.
6. *Григорьев А.В.* Отношение к социальной активности во взаимосвязи с субъектными характеристиками личности, направленностью реализуемой активности и социально-психологической адаптацией: дисс. ... канд. психол. наук. Саратов, 2014. 178 с.
7. *Григорьев А.В.* Субъектные характеристики личности в зависимости от степени проявления социальной активности [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7166> (дата обращения: 02.05.2018).
8. *Григорьева М.В.* Диахронический подход к исследованию социально-психологической адаптации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. № 1. С. 54–58.
9. *Григорьева М.В.* Психологическая структура и динамика взаимодействий образовательной среды и ученика в процессе его школьной адаптации: дисс. ... д-ра психол. наук. Саратов. 2010. 521 с.
10. *Гудкова Т.В., Матвеева Н.С., Матвеев К.А.* Социальная активность как фактор формирования гражданской идентичности у студенческой молодежи // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 4. С. 52–57.
11. *Джиоева О.Ф., Маргиева З.Г.* Социальная активность как фактор социализации личности // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2010. № 2. С. 120–125.

12. *Кириленко Н.П.* Формирование гражданской идентичности у подрастающего поколения: значение, структура, возрастные особенности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16. № 4. С. 471–476.
13. *Логвинов И.Н.* Психология эффективного лидерства: современные исследования курских психологов [Электронный ресурс] // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. № 2 (34). URL: <http://scientific-notes.ru/en/undefined> (дата обращения: 25.04.2018).
14. *Лунев Ю.А., Чернышев А.С.* Социальное обучение молодежи: оптимальные условия, принципы, технологии. Курск: Издательство Курского государственного педагогического университета, 1999. 136 с. : ил., табл.
15. *Мальшев И.В.* Особенности социально-психологических и индивидуальных адаптационных характеристик личности подростков разных субкультур // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17. № 3. С. 308–313.
16. *Марцинковская Т.Д.* Социальное пространство: теоретико-эмпирический анализ [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 30. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 30.04.2018).
17. *Осипова Л.Б., Панфилова Е.А.* Молодежная политика как фактор социального развития молодежи // Вестник Вятского государственного университета. 2014. № 15. С. 28–33.
18. *Погодина А.В., Есаулова К.С.* Социально смелая личность в реальном общении и интернет-коммуникации: анализ представлений людей разного возраста // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 1. С. 38–55. doi:10.17759/sps.2017080103
19. *Разумовский О.С.* Диахрония [Электронный ресурс]. URL: http://www.chronos.msu.ru/TERMS/razumovsky_diakhronia.htm (дата обращения: 03.07.2018).
20. *Селье Г.* Стресс без дистресса. М.: ЁЁ Медиа, 2012. 66 с.
21. *Соколова Е.С.* Структурный подход к пониманию мотивации социальной активности молодежи [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 2. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/2/Sokolova/> (дата обращения: 02.05.2018).
22. *Ситаров В.А., Маралов В.Г.* Социальная активность личности (уровни, критерии, типы и пути ее развития) // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 164–176.
23. Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 619 с.
24. *Шамионов Р.М.* Социализация личности: системно-диахронический подход [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 27. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.04.2018).
25. *Шамионов Р.М., Григорьева М.В.* Психология социальной активности молодежи: проблемы и риски. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2012. 384 с.: ил.

The basic incentive mechanism of social activity of the individual

M.V. GRIGORYEVA*,
Saratov State University, Saratov, Russia,
grigoryevamv@mail.ru

The main provisions of the system-diachronic approach to the study of the phenomenon of social activity of the individual are developed. Social activity, from the point of view of the system-diachronic approach, should be considered as a multi-level education, including cognitive, emotional-evaluative, motivational and socio-psychological phenomena combined in acts of interaction between the individual and the social environment undergoing qualitative changes in time. Description of the past, present and future state of the system “personality – social group”, the identification of elements of the system, progressively or regressively transformed, are the necessary conditions for a system-diachronic analysis of social activity. The basic incentive mechanism of the person’s social activity is revealed – diachronic mismatch in the system “personality – social environment”, as well as private cognitive, emotional-evaluative, motivational and socio-psychological mechanisms of social activity of the individual and the group.

Keywords: *social activity, personality, system-diachronic approach, psychological mechanisms.*

Funding

This work was supported by grant of the Russian Science Foundation № 18-18-00298.

REFERENCES

1. Abul’hanova K.A. Metodologicheskij princip sub”ekta: issledovanie zhiznennogo puti lichnosti [Methodological principle of the subject: the study of the individual’s life path]. *Psihologicheskij zhurnal [Psychological Journal]*, 2014. Vol. 35, no. 2, pp. 5–18.
2. Abul’hanova K.A., Kol’cova V.A. Integraciya metodologicheskikh principov otechestvennoj psihologii na rubezhe vekov [Integration of the methodological principles of Russian psychology at the turn of the century]. *CHelovek i mir [Man and the world]*, 2017. Vol. 1, no. 1, pp. 6–52.
3. Belan E.A. Situacionnye prediktory aktivnosti lichnosti [Situational predictors of personality activity]. Saarbrücken: Publ. LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 140 p.
4. Burtovaya N.B. Kommunikativnaya kompetentnost’ lichnosti i social’no-psihologicheskie faktory ee razvitiya: na primere studentov-budushchih pedagogov-psihologov. Avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk [Communicative competence of the

For citation:

Grigoryeva M.V. The basic incentive mechanism of social activity of the individual. *Sotsial’naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10, no. 1, pp. 5–17. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100101

* Grigoryeva Marina V. – Doctor of Science in Psychology, Professor, Division Head of Pedagogical Psychology and Psychological Diagnostics, Saratov State University, Saratov, Russia, grigoryevamv@mail.ru

- individual and socio-psychological factors of its development: on the example of students-future pedagogues-psychologists. PhD (Psychology) Thesis]. Krasnoyarsk, 2004. 23 p.
5. Velichkovskij B.M. Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya: v 2 t. T. 2. [Cognitive Science: The Basics of Psychology of Cognition: in 2 vol. Vol. 2]. Moscow: Publ. Smysl, Akademiya, 2006. 432 p.
6. Grigorev A.V. Otnoshenie k socialnoj aktivnosti vo vzaimosvyazi s subektnymi karakteristikami lichnosti napravlennoyu realizuemoj aktivnosti i socialno-psihologicheskoy adaptaciej. Diss. kand. psikhol. nauk. [Attitude to social activity in the relationship with the subject characteristics of the individual, the direction of the activity being realized and the socio-psychological adaptation. PhD (Psychology) diss.]. Saratov. 2014. 178 p.
7. Grigorev A.V. Subektnye karakteristiki lichnosti v zavisimosti ot stepeni proyavleniya socialnoj aktivnosti [Elektronnyi resurs] [Subjective characteristics of the individual, depending on the degree of manifestation of social activity]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2012, no. 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7166> (Accessed 02.05.2018). (In Russ.).
8. Grigoryeva M.V. Diahronicheskij podhod k issledovaniyu socialno-psihologicheskoy adaptacii [Diachronic approach to the study of socio-psychological adaptation]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika* [Proceedings of the Saratov University. New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2013. Vol. 13, no. 1, pp. 54–58. (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Grigoryeva M.V. Psihologicheskaya struktura i dinamika vzaimodejstvij obrazovatel'noj sredy i uchenika v processe ego shkol'noj adaptacii: diss. ... dokt. psikhol. nauk [Psychological structure and dynamics of interactions between the educational environment and the student in the process of his school adaptation. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Saratov. 2010. 521 p.
10. Gudkova T.V., Matveeva N.S., Matveev K.A. Socialnaya aktivnost kak faktor formirovaniya grazhdanskoj identichnosti u studencheskoj molodezhi [Social activity as a factor in the formation of civic identity in student youth]. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal* [Siberian pedagogical journal], 2016, no 4, pp. 52–57. (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Dzhioeva O.F., Margieva Z.G. Social'naya aktivnost' kak faktor socializacii lichnosti [Social activity as a factor of socialization of personality]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Kosta Levanovicha Hetagurova* [Vestnik of the North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov], 2010, no. 2, pp. 120–125.
12. Kirilenko N.P. Formirovanie grazhdanskoj identichnosti u podrastayushchego pokoleniya znachenie struktura vozrastnye osobennosti [Formation of civil identity in the younger generation: the meaning, structure, age features]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*. [Proceedings of the Saratov University. New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2016. Vol. 16, no. 4, pp. 471–476. (In Russ., abstr. in Engl.).
13. Logvinov I.N. Psihologiya ehffektivnogo liderstva: sovremennyye issledovaniya kurskih psihologov [Elektronnyi resurs]. [Psychology of effective leadership: modern studies of Kursk psychologists]. *Uchenye zapiski: ehlektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Scientific notes: electronic scientific journal of the Kursk State University], 2015, no. 2 (34). URL: <http://scientific-notes.ru/en/undefined> (Accessed 25.04.2018). (In Russ., abstr. in Engl.).

14. Lunev YU.A., Chernyshev A.S. Socialnoe obuchenie molodezhi: optimalnye usloviya, principy, tekhnologii [Social Youth Training: Optimal Conditions, Principles, Technologies]. Kursk: Publ. Kurskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 1999. 136 p.: il. tabl.
15. Malyshev I.V. Osobennosti socialno-psihologicheskikh i individualnykh adaptacionnykh harakteristik lichnosti podrostkov raznykh subkultur [Features of socio-psychological and individual adaptation characteristics of the personality of adolescents of different subcultures]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*. [Proceedings of the Saratov University. New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2017. Vol. 17, no. 3, pp. 308–313. (In Russ., abstr. in Engl.).
16. Marcinkovskaya T.D. Socialnoe prostranstvo: teoretiko-ehmpiricheskij analiz [Elektronnyi resurs] [Social space: theoretical and empirical analysis]. *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2013. Vol. 6, no. 30, p. 12. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 30.04.2018). (In Russ., abstr. in Engl.).
17. Osipova L.B., Panfilova E.A. Molodezhnaya politika kak faktor socialnogo razvitiya molodezhi [Youth policy as a factor of social development of youth]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State University], 2014, no. 15, pp. 28–33. (In Russ., abstr. in Engl.).
18. Pogodina A.V., Esaulova K.S. Socially bold personality in the real communication and Internet communication: the analysis of representations of people of the different age. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2017. Vol. 8, no. 1, pp. 38–55. doi:10.17759/sps.2017080103. (In Russ., abstr. in Engl.).
19. Razumovskij O.S. Diahroniya [Elektronnyi resurs] [Diachrony]. URL: http://www.chronos.msu.ru/TERMS/razumovsky_diakhronia.htm (Accessed 03.07.2018).
20. Sele G. Stress bez distressa [Stress without distress]. Moscow: Publ. YOYO Media, 2012. 66 p.
21. Sokolova E.S. Strukturnyj podhod k ponimaniyu motivacii social'noj aktivnosti molodezhi [Elektronnyi resurs] [Structural approach to understanding the motivation of social activity of young people]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. [Knowledge. Understanding. Skill.], 2008, no. 2. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/2/Sokolova/> (Accessed 02.05.2018).
22. Sitarov V.A., Maralov V.G. Socialnaya aktivnost lichnosti (urovni kriterii tipy i puti ee razvitiya) [Social activity of the individual (levels, criteria, types and ways of its development)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill.], 2015, no. 4, pp. 164–176. (In Russ., abstr. in Engl.).
23. Sub"ektnyj podhod v psihologii. [Subjective approach in psychology]. In A.L. Zhuravlev, V.V. Znakov, Z.I. Ryabikinoj, E.A. Sergienko (Ed.). Moscow: Publ. «Institut psihologii RAN», 2009. 619 p.
24. Shamionov R.M. Socializaciya lichnosti sistemno-diahronicheskij podhod [Elektronnyi resurs] [Socialization of the person: system-diachronic approach]. *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2013. Vol. 6, no. 27, p. 8. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 21.04.2018). (In Russ., abstr. in Engl.).
25. Shamionov R.M., Grigoreva M.V. Psihologiya socialnoj aktivnosti molodezhi problemy i riski [Psychology of social activity of youth: problems and risks]. Saratov: Publ. Sarat. un-ta, 2012. 384 p.: il.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Волевые качества как предикторы значимости социальной активности студентов

Р.М. ШАМИОНОВ*,
ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»,
Саратов, Россия, shamionov@mail.ru

М.В. ГРИГОРЬЕВА**,
ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»,
Саратов, Россия, grigoryevamv@mail.ru

А.В. ГРИГОРЬЕВ***,
ООО МИП «Техносферная безопасность»
Саратов, Россия, tuadibone@gmail.com

Рассматривается проблема определения детерминант социальной активности студентов. Предполагается наличие сходства и различий в субъектно-личностной детерминации направлений социальной активности студентов. В исследовании приняли участие 261 студент (средний возраст составил 20,11; SD=1,2; мужчин — 41%). Использована стандартизированная методика «Опросник волевых качеств личности» (М.В. Чумаков) и оригинальные шкалы для оценки направленностей социальной активности и субъективной оценки степени социальной активности студентов. Установлены наиболее (досугово-коммуникативная, образовательно-развивающая, активность в сфере саморазвития) и наименее (добровольческая, духовно-религиозная и социально-политическая) выраженные

Для цитаты:

Шамионов Р.М., Григорьева М.В., Григорьев А.В. Волевые качества как предикторы значимости социальной активности студентов // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 1. С. 18–34. doi:10.17759/sps.2019100102

* Шамионов Раиль Мунирович — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, Саратовский государственный университет (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), Саратов, Россия, shamionov@mail.ru

** Григорьева Марина Владимировна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогической психологии и психодиагностики, Саратовский государственный университет (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), Саратов, Россия, grigoryevamv@mail.ru

*** Григорьев Антон Владимирович — кандидат психологических наук, психолог, ООО МИП «Техносферная безопасность», Саратов, Россия, tuadibone@gmail.com

направленности социальной активности. Показано, что реализация различных видов социальной активности детерминирована разными комбинациями волевых качеств. Наиболее значимыми детерминантами различных видов социальной активности являются настойчивость и целеустремленность.

Ключевые слова: личность, субъект, социальная активность, волевые качества.

Введение

Многочисленные исследования социальной активности молодежи охватывают различные стороны этого явления. Однако анализ публикаций по данной теме позволяет сделать вывод о преобладании теоретических работ над эмпирическими. Имеется явный дефицит конкретно-научных исследований, раскрывающих меняющиеся предпочтения молодых людей в тех или иных формах активности, их интенсивность, психологические характеристики активности и ее детерминанты.

Социальная активность личности и группы предполагает не только участие в общественной жизни, но, прежде всего, инициативно-творческое отношение к сферам социальной жизнедеятельности, а также к самой себе как субъекту социального бытия. Это реализация отношения человека к окружающей действительности, она определяется потребностно-мотивационной сферой личности, связана с субъектными качествами, реализуется в процессе социальных взаимодействий и направлена на самоизменение и преобразование действительности в соответствии с собственными потребностями и убеждениями, а также требованиями социальной среды.

К.А. Абульханова считает, что активность исходит из потребности человека в деятельности и тем самым является «... движущей силой, источником пробужде-

ния его ... потенциалов» [1, с. 41]. Такой подход к пониманию социальной активности позволяет рассмотреть ее сквозь призму не только ее реализуемых направленностей, но и существенных субъектно-личностных детерминант. В реальной социальной активности личности и групп, как подчеркивает автор, необходимым условием ее конструктивности является соотношение *инициативы* и *ответственности*, которые совершенно обязательно противоположны друг другу. Очевидно, обусловленность направлений активности инициативой во взаимосвязи с ответственностью является важным фактором ее просоциальности. Субъектно-бытийный подход, предполагающий анализ активности личности в контексте бытийных пространств, реализуется в работах З.И. Рябикиной и ее коллег [16; 17]. Совершенно справедливо З.И. Рябикина подчеркивает, что в результате человеческой активности изменяется личностное бытие; личность может быть понята только сквозь призму пространства ее реализаций, т. е. бытийных пространств [16]. Иначе говоря, субъект как носитель активности и личность как направляющая ее инстанция проявляются и способствуют изменению друг друга. Поэтому исследование социальной активности должно базироваться на представлении не просто о единстве субъекта и личности, но на их системных взаимосвязях, рассматриваемых в динамическом аспекте. Такой подход был реализован в

ряде исследований социальных психологов [13; 14; 20; 22] и др. На него опирается и данное исследование.

Отечественные исследования социальной активности молодежи сосредоточены вокруг ряда областей наук — педагогики, психологии, социологии и политологии. Это связано с тем, что социальная активность молодежи раскрывается с различных ее сторон — психологических механизмов, образовательных инициатив, социальных и политических эффектов. Так, Т.Г. Киселева рассматривает социальную активность сквозь призму социальной одаренности [9], А.С. Моисеев — социального самоопределения [14], С.С. Кудинов — самореализации личности [12] и т. д. Вместе с тем необходимо отметить относительно длительный период обсуждения теоретических вопросов социальной активности личности в отечественной педагогике и социальной психологии [3; 10] сквозь призму ее общественной полезности, просоциальности. Ряд современных исследований охватывают теоретические проблемы социальной активности — начиная с его определения, анализа детерминант и завершая теоретическим моделированием социальной активности как процесса и как результата (эффекта) социализации личности [1; 6; 7; 12; 14; 19]. Кроме того, теоретические вопросы социальной активности молодежи поднимались на площадках съезда психологов образования России [21].

В эмпирических исследованиях раскрываются особенности конкретных видов и сфер социальной активности в интернет-сети [11], в образовательной среде [6; 20], в социально-преобразующей деятельности [8], как элемент социального самоопределения [2], как фактор социализации личности [7], гражданской активности [29], добровольческой

(волонтерской) активности [5; 15], социально-культурной активности [27]. В последнее время развернулись исследования, направленные на анализ психологических эффектов реализуемого социального поведения. В частности изучаются последствия, отражающиеся на ответственности и функции контроля, а также на соответствующих поведенческих эффектах [29]; влияние сетевой активности в условиях размещения информации в социальной сети и мессенджерах на алкогольное поведение подростков и юношества [28]; наконец, влияние киберактивности на политическую и гражданскую активность молодежи [17; 27].

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что в отечественных исследованиях социальной активности преобладает направленность на просоциальные ее виды (волонтерство, образовательно-развивающая активность, гражданская активность и др.), а также ее характеристики, универсальные для разных направленностей (интенсивность, креативность, результативность, полинаправленность и др.) Исследования опираются на традиционные для отечественной психологии личностный, субъектный, системный подходы. В исследованиях зарубежных авторов обращается внимание на «резонансные» формы социальной активности — те, которые оказывают «поведенческие» эффекты. Весьма активно изучаются вопросы социальной активности в интернет-пространстве и ее влияние на реализуемое, как правило политическое, поведение молодежи. Эти вопросы становятся постепенно более актуальными и в отечественных исследованиях. Можно констатировать стремление отечественных исследователей к накоплению эмпирических данных о характеристиках социальной активности, ее мотиви-

вации и проявлениях на разных уровнях (групповом, личностном), о специфике отдельных форм и др. для последующих теоретических обобщений.

Социальная активность личности и групп предполагает не только ее участие в общественной жизни, но, прежде всего, инициативно-творческое отношение к сферам своей социальной жизнедеятельности, а также самой себе как субъекту социального бытия. Это реализация отношения человека к окружающей действительности, она определяется потребностно-мотивационной сферой личности, связана с субъектными качествами, реализуется в процессе социальных взаимодействий и направлена на самоизменение и преобразование действительности в соответствии с собственными потребностями и убеждениями и требованиями социальной среды.

Направления социальной активности молодежи характеризуются большим разнообразием, и это становится фактором социального риска [23]. Поэтому изучение характеристик и факторов этого явления необходимо вести с учетом ее полинаправленности.

Эмпирическое исследование

Цель данного исследования заключается в изучении выраженности направлений социальной активности и их субъектно-личностных детерминант. **Объектом** исследования стала социальная активность, а **предметом** — волевые качества как детерминанты направлений активности молодежи. Мы предположили, что имеются сходство и различия в детерминации направлений социальной активности молодежи и отдельные виды социальной активности могут составлять группы по

близости своей значимости для личности. Исследование построено на базе системно-диахронического подхода, в соответствии с которым социальная активность личности рассматривается как многомерная система «... со встроенным мета-системным уровнем социальной действительности, строится по иерархическому принципу и описывается пространственными, временными, энергетическими и информационными характеристиками» [24, с. 381], где каждое направление активности может актуализироваться или деактуализироваться в единицу времени в зависимости от ситуации ее реализации и, соответственно, рост усиления одного может сопровождаться либо усилением, либо спадом другого. Кроме того, ранее нами было показано, что конкретные направления активности разворачиваются во времени и в пространстве, имеют различные эффекты на уровне самой личности, группы или общества в целом, где различные характеристики имеют положительную и отрицательную динамику, в результате чего происходит согласование и рассогласование как на уровне системы (личности или группы), так и на уровне метасистемы (социума) [24].

Методы. Для определения показателей субъектно-личностных характеристик использована методика М.В. Чумакова «Опросник волевых качеств личности» [22]. Методика направлена на оценку степени развития волевой регуляции, обеспечивающей сознательное, намеренное поведение. Опросник содержит 7 шкал: Ответственность, Инициативность, Решительность, Самостоятельность, Выдержка, Настойчивость, Энергичность, Внимательность, Целеустремленность. Опросник содержит 78 пунктов, каждый из которых оценивается от 0 до 3 баллов.

Показатели значимости социальной активности и общая ее самооценка выявлялись с помощью специально разработанных шкал, выделенных на основе пилотажного исследования. В пилотажном исследовании приняли участие 70 студентов Саратовского государственного университета в возрасте от 18 до 23 лет. Им было предложено определить социальную активность и указать наиболее распространенные ее формы. Затем были разработаны 11 шкал социальной активности (размерность шкалы составляет 10 единиц), которые были оценены пятью квалифицированными психологами на предмет их соответствия конкретным формам социальной активности. Надежность шкал оценена с помощью альфа Кронбаха (χ^2 Friedman = 1048,99; $p < 0,001$). Показатели находятся в зоне достаточной приемлемости (табл. 1).

Выборка. В исследовании приняли участие 261 студент дневного отделения Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, принимающих участие в различных формах социальной активности (средняя самооценка социальной активности по десятибалльной шкале составляет $M=6,94$; $SD=1,8$): 70 человек в пилотажном исследовании и 191 – в основном исследовании (возраст $M=20,11$; $SD=1,2$; 41% мужчин).

Для определения предикторов направленности социальной активности использован прямой пошаговый регрессионный анализ с использованием пакета SPSS, версия 22.

Результаты и их обсуждение

Из табл. 1 видно, что наиболее значимой для студенческой молодежи является

Таблица 1

Значимость форм социальной активности студенческой молодежи

Вид социальной активности	Средняя (M)	Стандартное отклонение (SD)	Альфа
Рекреационно-познавательная (РПСА)	6,90	2,84	0,64
Активность в сфере саморазвития, работе над собой (АССР)	7,86	2,46	0,68
Образовательно-развивающая (ОРА)	7,02	2,49	0,66
Досугово-коммуникативная (ДКСА)	8,52	1,80	0,65
Интернет-сетевая активность (ИСА)	5,53	2,48	0,66
Социально-политическая активность (СПА)	2,52	2,88	0,63
Культурно-массовая (КМСА)	5,83	2,42	0,64
В духовно-религиозной сфере (САДРС)	2,01	2,20	0,64
Неформальная активность в учебной группе (НСАТК)	4,88	2,41	0,64
Социальная активность творческого характера (САТХ)	6,14	2,94	0,64
Добровольческая (ДСА)	1,96	2,24	0,62
Общая (генерализованная) субъективная оценка значимости социальной активности	6,94	1,77	0,66

ся досугово-коммуникативная социальная активность. Потребность в дружбе и интимно-личностных взаимоотношениях, актуальная в юношеском возрасте, направляет социальную активность студентов на установление социальных контактов. Следует отметить, что вариативность оценок значимости по сравнению с другими видами социальной активности здесь наименьшая, что свидетельствует об однородности оценок студентов и относительном единстве оценочных мнений.

Вторая по значимости — активность в сфере саморазвития, работе над собой. Стараясь развить у себя необходимые жизненные умения и навыки, студенты посещают социально-психологические тренинги, читают психологическую литературу, применяют рефлексивный анализ своего поведения и т. п.

Следующие по значимости — образовательно-развивающая и рекреационно-познавательная социальная активность. Активность, связанная с образовательной сферой, обусловлена самим включением студентов в образовательный процесс, однако не ограничивается им. Студенты участвуют в первых профессиональных конкурсах, олимпиадах, многие начинают научную деятельность. Все это ориентирует социальную активность на установление профессиональных контактов на основе профессионального обучения и исследований.

Несколько другая по форме — рекреационно-познавательная активность, связанная со спортом и туризмом. Познание направлено при этом не только на окружающий мир и природу, собственные личностные особенности, но и на свои физические возможности. Эта форма социальной активности достаточно широко распространена в студенческой среде

и дополняет другие формы социальной активности.

Несмотря на низкую выраженность духовно-религиозной, добровольческой и социально-политической активности высокая вариативность показателей свидетельствует о наличии как неактивных в этих сферах, так и небольшого количества весьма активных студентов.

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют в пользу сопряженности различных видов активности. Выделяются две структуры. Наиболее сильно связаны с другими структурообразующие (1) рекреационно-познавательная, активность в работе над собой, образовательно-развивающая и досугово-коммуникативная активность и (2) добровольческая, социальная активность творческого характера и социально-политическая активность. Эти данные свидетельствуют в пользу того, что активность студентов может быть дифференцирована по общей направленности на *познавательно-развивающую* и *общественно-добровольческую*.

Из табл. 2 видно, что волевые качества личности имеют различную степень и направленность взаимосвязей с оценкой значимости видов социальной активности. Только положительные взаимосвязи имеют инициативность (с образовательно-развивающей и досугово-коммуникативной, $r=0,219^{**}$ и $0,15^*$ соответственно) и энергичность (с образовательно-развивающей, досугово-коммуникативной и активностью в духовно-религиозной сфере, $r=0,219^{**}$, $0,15^*$ и $0,25^{**}$ соответственно). Ответственность, решительность, выдержка, настойчивость, внимательность и целеустремленность имеют разнонаправленные взаимосвязи с различными видами социальной активности (табл. 2) и не

всегда способствуют повышению значимости социальной активности личности. Значительно снижает значимость досугово-коммуникативной социальной активности и социальной активности творческого характера ответственность ($r = -0,238^{**}$ и $0,208^{**}$ соответственно), а значимость социально-политической, культурно-массовой и добровольческой социальной активности — настойчивость ($r = -0,239^{**}$, $-0,167^*$ и $-0,247^{**}$ соответственно). В целом, повышению интегрированной оценки значимости социальной активности способствуют такие волевые качества, как инициативность ($r = 0,247^{**}$), решительность ($r = 0,305^{**}$), настойчивость ($r = 0,202^{**}$) и энергичность ($r = 0,241^{**}$), а ее снижению — ответственность ($r = -0,155^*$). Большое

количество разнонаправленных статистических взаимосвязей между оценкой значимости видов социальной активности и волевыми качествами личности требует их систематизации с помощью метода регрессионного анализа, в результате которого можно четче определить весовые коэффициенты и направления влияния отдельных волевых качеств на оценку значимости видов социальной активности личности. Интерпретация выявленных взаимосвязей дана далее по результатам регрессионного анализа.

Обратимся к результатам регрессионного анализа.

Прямой пошаговый регрессионный анализ позволил выявить пять предикторов значимости образовательно-развивающей активности личности со стороны

Таблица 2

Показатели корреляционного анализа социальной активности и волевых качеств личности

Виды активности	Волевые качества личности								
	Ответственность	Инициативность	Решительность	Самостоятельность	Выдержка	Настойчивость	Энергичность	Внимательность	Целеустремленность
РПСА	-0,1	-0,018	-0,024	0,138	,239**	-0,069	0,133	0,016	0,028
АССР	-0,07	0,072	0,096	0,037	0,104	0,132	0,046	-0,073	0,125
ОРА	,175*	,219**	,193**	-0,121	0,088	,151*	,265**	-0,032	,212**
ДКСА	-,238**	,150*	,270**	0,046	,155*	0,068	,184*	-0,081	-0,019
ИСА	0,015	-0,075	0,01	0,052	-,180*	-0,02	-0,092	,301**	-0,106
СПА	-0,011	0,009	-0,029	-0,144	-0,133	-,239**	-0,01	-0,101	-,185*
КМСА	-0,142	-0,084	0,051	0,103	-0,016	-,167*	0,107	-0,099	-0,129
САДРС	-0,004	-0,036	-,215**	-0,007	0,136	-0,08	,250**	-,345**	,182*
НСАТК	-0,079	-0,061	0,141	0,143	0,001	-0,036	0,08	-0,097	-0,019
САТХ	-,208**	0,071	-0,032	-0,052	0,011	-0,131	0,056	-0,117	-,150*
ДСА	0,116	-0,035	-0,099	-0,029	-0,029	-,247**	0,007	-0,024	-0,074
Соц. актив.	-,155*	,247**	,305**	0,139	0,078	,202**	,241**	0,06	-0,057

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; «***» — $p < 0,001$.

Таблица 3

Волевые качества как предикторы видов социальной активности

Зависимые переменные	Субъектные качества	Стандартизованные коэффициенты (β)	t	Значимость (p)
Образовательно-развивающая активность	Энергичность	0,190	2,64	0,01
	Целеустремленность	0,303	3,99	0,001
	Самостоятельность	-0,319	-4,10	0,001
	Решительность	0,265	3,23	0,001
	Внимательность	-0,167	-2,14	0,03
$R^2=0.21$ $F=9.23$ $p<0.001$				
Досугово-коммуникативная активность	Решительность	0,332	4,78	0,001
	Ответственность	-0,336	-4,81	0,001
	Выдержка	0,175	2,55	0,01
$R^2=0.20$ $F=14.38$ $p<0.001$				
Интернет-сетевая активность	Внимательность	0,486	5,65	0,001
	Выдержка	-0,226	-3,26	0,001
	Решительность	-0,160	-2,08	0,04
	Ответственность	-0,155	-1,97	0,05
$R^2=0.18$ $F=9.82$ $p<0.001$				
Социально-политическая активность	Настойчивость	-0,239	-3,28	0,001
	$R^2=0.06$ $F=10.76$ $p<0.001$			
Культурно-массовая социальная активность	Настойчивость	-0,259	-3,22	0,001
	Энергичность	0,217	2,70	0,01
	$R^2=0.07$ $F=6.29$ $p<0.01$			
Религиозная активность	Внимательность	-0,358	-4,85	0,001
	Целеустремленность	0,258	3,83	0,001
	Энергичность	0,299	4,37	0,001
	Решительность	-0,192	-2,55	0,01
$R^2=0.29$ $F=17.55$ $p<0.001$				
Добровольческая социальная активность	Настойчивость	-0,271	-3,72	0,001
	Ответственность	0,156	2,14	0,03
$R^2=0.09$ $F=8.23$ $p<0.001$				
Рекреационно- познавательная социальная активность	Выдержка	0,239	3,28	0,001
	$R^2=0.06$; $F=10.77$, $p<0.001$			
Субъективная оценка степени социальной активности	Решительность	0,305	4,13	0,001
	Ответственность	-0,241	-3,42	0,001
	Энергичность	0,170	2,34	0,02
$R^2=0.17$ $F=12.12$ $p<0.001$				

Примечание: β – стандартизированный регрессионный коэффициент; t – критерий Стьюдента; p – уровень значимости; R^2 – коэффициент множественной детерминации; F – критерий Фишера.

волевых качеств (см. табл. 2). Среди трех положительных предикторов наиболее влиятельным оказалась целеустремленность ($\beta=0,303$). Это качество помогает направить образовательно-развивающую активность студентов в соответствии с образом результата. Положительными предикторами значимости образовательно-развивающей активности студентов являются также решительность ($\beta=0,265$) и энергичность ($\beta=0,19$). Достаточная скорость принимаемых решений и умение использовать внутренние ресурсы на достижение цели способствуют инициации и поддержанию образовательно-развивающей активности личности.

Отрицательными предикторами значимости образовательно-развивающей активности у студентов являются самостоятельность ($\beta= -0,319$) и внимательность ($\beta= -0,167$). Очевидно, образовательно-развивающая активность личности в вузе обусловлена общей логикой образовательных целей, задаваемых образовательными стандартами и программами. При этом самостоятельность студентов реализуется в процессе освоения учебного материала и поиска соответствующей ему новой информации. Если же самостоятельность студента реализуется вне образовательного контекста, то она снижает значимость образовательно-развивающей активности. Это также может свидетельствовать о некоторой противоположности процессов социальной активности и самостоятельной индивидуальной активности студентов. Внимательность также снижает значимость образовательно-развивающей активности студентов, что, возможно, связано со снижением динамики и темпа действий в процессе образовательно-развивающей активности и задержкой студента на осознании и пони-

мании определенной информации. Это, с одной стороны, может свидетельствовать о высокой динамике образовательной деятельности в вузе, с другой стороны, затрудняет проявление социальной активности при необходимости более прочного и осознанного освоения учебного материала в соответствии с индивидуальными особенностями личности.

Высокая значимость досугово-коммуникативной активности студенческой молодежи обусловлена решительностью ($\beta=0,332$) и выдержкой ($\beta=0,175$). Снижает эту значимость ответственность ($\beta= -0,336$). Умение принимать решение, волевое торможение импульсивных реакций способствуют высокому оцениванию своей социальной активности в дружеско-приятельских отношениях и организации совместного досуга с друзьями. Можно отметить отсутствие широкой предикции значимости досугово-коммуникативной активности студентов со стороны их субъектных качеств при одновременной высокой значимости этого вида активности.

Положительным предиктором значимости интернет-сетевой активности у студентов является внимательность ($\beta=0,486$). Она помогает замечать и запоминать поток важной информации, классифицировать ее и использовать для организации своей социальной активности в виртуальной среде. Выдержка, решительность и ответственность снижают значимость интернет-сетевой активности студентов ($\beta= -0,226, -0,16$ и $-0,155$ соответственно). Эти волевые качества, должно быть, переориентируют студенческую молодежь на реальные взаимодействия, связанные с более значимыми видами деятельности, например, на учебу, досугово-коммуникативную активность, саморазвитие, спорт и др.

Значимость социально-политической активности студентов имеет слабую предикцию со стороны их субъектно-личностных качеств, и она отрицательная. Кроме того, средняя оценка значимости социально-политической активности студенческой молодежи низкая (2,518). Настойчивость снижает значимость социально-политической активности ($\beta = -0,239$). Очевидно, настойчивость в мнениях и действиях связана с некоторой шаблонностью и отсутствием гибкости во взглядах, а в современных условиях развития общества требования к социально-политической активности личности связаны с гибкостью и динамикой отношений личности к общественно-политическим процессам.

Значимость культурно-массовой социальной активности студентов также имеет небольшую предикцию со стороны субъектно-личностных качеств. Выявлено два предиктора: один положительный — энергичность ($\beta = 0,217$), другой отрицательный — настойчивость ($\beta = -0,259$). Энергичность повышает у студентов значимость культурно-массовой социальной активности, поскольку именно энергичность создает условия для организации и реализации культурно-массовой активности, требующей достаточно больших энергетических затрат от индивида. Настойчивость снижает значимость культурно-массовой социальной активности, что связано, возможно, с динамикой и гибкостью поведенческих стратегий в данном виде активности, чему не способствует настойчивость.

Средняя оценка значимости религиозной активности у студентов низкая (2,005), но она достаточно широко детерминирована субъектно-личностными качествами: энергичность и целеустремленность повышают социальную

активность в этой сфере ($\beta = 0,299$ и $0,258$ соответственно), внимательность и решительность — снижают ($\beta = -0,358$ и $-0,192$ соответственно). Социальная активность в духовно-религиозной сфере требует достаточно много внутренних затрат от личности, достижения целей служения в соответствии с верой, и поэтому наличие энергичности и целеустремленности способствует повышению значимости этого вида активности у студенческой молодежи. Внимательность снижает значимость социальной активности в духовно-религиозной сфере, возможно, за счет того, что способствует осознанию деталей и противоречий, ведущих к сомнению и критичному отношению к информации, что не приветствуется в религии. Не практикуется в религии и решительность, связанная с самостоятельным принятием личностью решения, поскольку мировоззрение и связанные с ним традиции четко и неоднозначно задаются религиозными нормами и правилами.

Значимость добровольческой социальной активности студентов детерминируется ответственностью ($\beta = 0,156$) и настойчивостью ($\beta = -0,271$). Ответственность повышает добровольческую социальную активность студентов, при этом возрастает интернальность, которая способствует поиску сферы, субъектов и средств помощи. Студенты стремятся не просто к взаимодействию с теми, кто нуждается в помощи, а к помогающим действиям. Это становится возможным в силу осознания трудностей или потребностей других людей, животных или природы в целом, а также своих возможностей в помощи по преодолению трудностей других субъектов. Настойчивость, наоборот, снижает значимость добровольческой социальной активности

студентов, что связано, возможно, в этом случае не с альтруистической направленностью личности, а с ориентацией на собственные потребности.

Единственным предиктором значимости рекреационно-познавательной активности студентов со стороны субъектно-личностных качеств является выдержка ($\beta=0,239$). Волевое усилие по задержке нежелательных действий и волевая поддержка желательных действий способствуют рекреационно-познавательной активности студентов, проявляющейся в туризме и физических занятиях, что вполне объяснимо и связано с тренировкой физической силы и ее постоянным использованием в этом виде активности.

В целом, предикторами общей субъективной оценки студентами значимости социальной активности со стороны волевых качеств являются решительность ($\beta=0,305$), энергичность ($\beta=0,17$) и ответственность ($\beta= -0,241$). Быстрое и уверенное принятие решения и готовность к внутренним энергетическим затратам способствуют повышению значимости, а ответственность снижает выраженность социальной активности у студенческой молодежи.

Выводы

Проведенный анализ результатов исследования позволяет сделать следующие **выводы**.

1. Социальная активность студентов характеризуется полинаправленностью. Наиболее значимыми являются досугово-коммуникативная активность,

активность в сфере саморазвития и образовательно-развивающая активность; наименее значимы социально-политическая активность, социальная активность в духовно-религиозной сфере и добровольческая социальная активность. Две подструктуры социальной активности отражают общую направленность на познавательно-развивающую (наиболее выраженную) и общественно-добровольческую (наименее выраженную).

2. Различные виды социальной активности обусловлены определенными комбинациями волевых качеств. Наиболее сложная предикция образовательно-развивающей активности студентов связана с прямым влиянием целеустремленности, решительности, энергичности и обратным влиянием самостоятельности и внимательности. Наименее выражена предикция социально-политической, культурно-массовой, добровольческой и рекреационно-познавательной активности. Обнаружено отсутствие влияния волевых качеств на вариации оценки значимости активности в сфере саморазвития, творчества и неформальной социальной активности в учебной группе.

3. Быстрое и уверенное принятие решения и готовность к внутренним энергетическим затратам способствуют усилению социальной активности студентов, а ответственность — ее снижению. Самостоятельность, ответственность и настойчивость в основном снижают значимость социальной активности в различных сферах и не способствуют социальным контактам и взаимодействиям, ориентируя студентов на индивидуальную активность.

Финансирование

Работа выполнена в рамках проекта РНФ №18-18-00298.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова-Славская К.А.* Психология и сознание личности (проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): избр. психол. тр. М.; Воронеж, 1999. 224 с.
2. *Акбарова А.А.* Социальная активность как элемент социального самоопределения молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. № 1. С. 41–45.
3. *Арефьева Г.С.* Социальная активность. М.: Высшая школа, 1974. 142 с.
4. *Васильева С.Н., Мазина О.Н.* Теоретические предпосылки исследования проблемы формирования социальной активности молодежи [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2015. № 10. С. 1105–1108. URL <https://moluch.ru/archive/90/18707/> (дата обращения: 18.06.2018).
5. *Гунбина С.В.* Модель развития социальной активности студентов в молодежных общественных объединениях // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 1–3. С. 13–16.
6. *Гунбина С.В., Литвак Р.А.* Проблема развития социальной активности студентов в современном обществе // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2014. № 3 (4). С. 86–88.
7. *Джиоева О.Ф.* Социальная активность как фактор социализации личности // В мире научных открытий. 2015. № 7.1 (67). С. 483–493.
8. *Еремينا Л.И.* Соотношение креативности и социальной активности студентов в социально-преобразующей деятельности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. № 2. С. 155–159.
9. *Киселёва Т.Г.* Рефлексивно-аксиологический подход к формированию социальной одаренности и социальной активности подростков и молодежи // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2014. Т. 20. № 2. С. 136–141.
10. *Коган В.З.* Понятие «активность личности» как категория социальной психологии // Некоторые проблемы личности. М.: Мысль, 1971. С. 69–82.
11. *Красильщиков В.В., Осетров М.А.* Анализ активности студентов в социальной сети // Высшее образование в России. 2017. № 2. С. 52–62.
12. *Кудинов С.С.* Социальная активность как основа самореализации личности // Акмеология. 2014. № S1–2. С. 124–125.
13. *Кутрейченко А.Б., Моисеев А.С.* Социальное самоопределение российского городского среднего класса // Учен. зап. ИМЭИ. 2011. № 2 (2). С. 71–84.
14. *Моисеев А.С.* Психологические типы социального самоопределения представителей среднего класса московского региона [Электронный ресурс] // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 1 (январь–февраль). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Moiseev_Social-Self-determination-Middle-Class/ (дата обращения: 14.04.2018).
15. *Перминова М.С.* Специфика формирования социальной активности молодежи в условиях волонтерской деятельности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т. 16. № 1. С. 22–25.

16. *Рябикина З.И.* Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. 384 с.
17. *Рябикина З.И., Богомолова Е.И.* Взаимосвязь личностных характеристик пользователей социальных сетей интернета с особенностями их активности в сети // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 109. С. 1041–1057.
18. *Ситаров В.А., Моралов В.Г.* Социальная активность личности (уровни, критерии, типы и пути ее развития) // Знание. Умение. Понимание, 2015. № 4. С. 164–176. doi: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2015.4.15>
19. *Скорнякова Э.Р.* Социальная активность учащихся в рамках деятельности детских общественных объединений // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2015. № 35. С. 113–117.
20. *Соколова Е.С.* Социальная активность современной российской молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 197–202.
21. *Чернышев А.С., Сарычев С.В.* Секция «Социальное самоопределение и социальная активность: психологические проблемы молодежной политики» // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 5. С. 112–113.
22. *Чумаков М.В.* Диагностика волевых особенностей личности // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 169–178.
23. *Шамионов Р.М., Григорьева М.В.* Психология социальной активности молодежи: проблемы и риски. Саратов: Изд-во Саратов.ун-та, 2012. 384 с.
24. *Шамионов Р.М.* Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 4. С. 379–394.
25. *Шарковская Н.В.* Социально-культурная активность – понятие современной социально-культурной деятельности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 3 (71). С. 116–121.
26. *Chan M., Guo J.* The Role of Political Efficacy on the Relationship Between Facebook Use and Participatory Behaviors: A Comparative Study of Young American and Chinese Adults // Cyberpsychology Behavior and Social Networking. 2013. Vol. 16 (6). P. 460–463.
27. *Pegg K.J., O'Donnell A.W., Lala G., Barber B.L.* The Role of Online Social Identity in the Relationship Between Alcohol-Related Content on Social Networking Sites and Adolescent Alcohol Use // Cyberpsychology Behavior and Social Networking. 2018. Vol. 21 (1). P. 50–55.
28. *Savrasova-V'un T.* Social networks and their role in development of civic activity of the Ukrainian youth // Communication Today. 2017. Vol. 8 (1). P. 104–112.
29. *Sherman L.E., Greenfield P.M., Hernandez L.M., Dapretto M.* Influence Via Instagram: Effects on Brain and Behavior in Adolescence and Young Adulthood // Child Development. 2018. Vol. 89 (1). P. 37–47.

Volitional qualities as predictors of the importance of social activity of students

R.M. SHAMIONOV*,
Saratov State University, Saratov, Russia,
shamionov@mail.ru

M.V. GRIGORYEVA**,
Saratov State University, Saratov, Russia,
grigoryevamv@mail.ru

A.V. GRIGORYEV***,
MIP LTD "Technosphere safety"
muadibone@gmail.com

The problem of studying the determinants of social activity of students is considered. It is assumed that there are similarities and differences in the subjective and personal determination of the directions of social activity of students. The study involved 261 students (the average age was 20.11 SD=1.2; men – 41%). The standardized questionnaire of volitional qualities of personality (M.V. Chumakov) and original scales for assessing the directions of social activity and subjective assessment of the degree of social activity of students are used. The most (leisure-communicative, educational-developing, activity in the sphere of self-development) and least (voluntary, spiritual-religious and socio-political) expressed directions of social activity are established. It is shown that the realization of different types of social activity is determined by different combinations of subjective and personal properties.

Keywords: *personality, subject, social activity, volitional qualities.*

Funding

This work was supported by the Russian Science Foundation, grant № 18-18-00298.

REFERENCES

1. Abul'hanova-Slavskaja K.A. Psihologija i soznanie lichnosti (problemy metodologii, teorii i issledovanija real'noj lichnosti) [Psychology and consciousness of the person

For citation:

Shamionov R.M., Grigoryeva M.V., Grigoryev A.V. Volitional qualities as predictors of the importance of social activity of students. *Sotsial'naja psikhologija i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 1, pp. 18–34. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/sps.2019100102

* *Shamionov Rail M.* – Doctor of Science in Psychology, Professor, Division Head of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University, Saratov, Russia, shamionov@mail.ru

** *Grigoryeva Marina V.* – Doctor of Science in Psychology, Professor, Division Head of Pedagogical Psychology and Psychological Diagnostics, Saratov State University, Saratov, Russia, grigoryevamv@mail.ru

*** *Grigoryev Anton V.* – PhD in Psychology, psychologist MIP LTD "Technosphere safety", Saratov, Russia, muadibone@gmail.com

- (problems of methodology, theory and research of the real person)]. Moscow; Voronezh, 1999. 224 p.
2. Akbarova A.A. Social'naja aktivnost' kak jelement social'nogo samoopredelenija molodezhi [Social activity as an element of social self-determination of youth]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Akmeologija obrazovanija. Psihologija razvitiya* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology], 2015. V. 4, no. 1, pp. 41–45.
  3. Aref'eva G.S. Sotsial'naya aktivnost' [Social activity]. Moscow: Vysshaya shkola, 1974. 142 p.
  4. Vasil'eva S.N., Mazina O.N. Teoreticheskie predposylki issledovaniya problemy formirovaniya sotsial'noj aktivnosti molodezhi [Elektronnyi resurs] [Theoretical background of the study of the problem of formation of social activity of young people]. *Molodoj uchenyj* [Young scientist], 2015, no. 10. pp. 1105–1108. URL <https://moluch.ru/archive/90/18707/> (Accessed 18.06.2018).
  5. Gunbina S.V. Model' razvitiya sotsial'noj aktivnosti studentov v molodezhnykh obshhestvennykh ob"edineniyakh [Model of development of social activity of students in youth public associations]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Buryat state University], 2014, no. 1–3, pp. 13–16.
  6. Gunbina S.V., Litvak R.A. Problema razvitiya sotsial'noj aktivnosti studentov v sovremennom obshhestve [Problem of development of social activity of students in modern society.]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of Omsk state pedagogical University. Humanitarian research], 2014, no. 3 (4), pp. 86–88.
  7. Dzhioeva O.F. Social'naja aktivnost' kak faktor socializacii lichnosti [Social activity as a factor of personality socialization]. *V mire nauchnykh otkrytij* [In the world of scientific discoveries], 2015, no. 7.1 (67), pp. 483–493.
  8. Eremina L.I. Sootnoshenie kreativnosti i social'noj aktivnosti studentov v social'no-preobrazujushhej dejatel'nosti [Correlation of creativity and social activity of students in the socio-reformative activity]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Akmeologija obrazovanija. Psihologija razvitiya* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology], 2015, no. 4 (2), pp. 155–159.
  9. Kiseljova T.G. Refleksivno-aksiologicheskij podhod k formirovaniju social'noj odarennosti i social'noj aktivnosti podrostkov i molodezhi [Reflexive-axiological approach to the formation of social endowments and social activity of adolescents and youth]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Serija: Pedagogika. Psihologija. Social'naja rabota. Juvenologija. Sociokinetika* [Vestnik of Kostroma state University. N. Nekrasov. Series: Pedagogics. Psychology. Social work. Juvenile. Sociokinetic], 2014, no. 20 (2), pp. 136–141.
  10. Kogan V.Z. Ponyatie «aktivnost' lichnosti» kak kategoriya sotsial'noj psikhologii [The Concept of “personality activity” as a category of social psychology]. *Nekotorye problemy lichnosti* [Some problems of personality]. Moscow: Mysl', 1971, pp. 69–82.
  11. Krasil'shnikov V.V., Osetrov M.A. Analiz aktivnosti studentov v social'noj seti [Analysis of students activity in social networks]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2017, no. 2, pp. 52–62.

12. Kudinov S.S. Social'naja aktivnost' kak osnova samorealizacii lichnosti [Social activity as the basis of self-identity]. *Akmeologija* [Acmeology], 2014, no. S1–2, pp. 124–125.
13. Kuprejchenko A.B., Moiseev A.S. Sotsial'noe samoopredelenie rossijskogo gorodskogo srednego klassa [Social self-determination of the Russian urban middle class]. *Uchenye zapiski IMENI* [Scientific Papers IWEI], 2011, no. 2 (2), pp. 71–84.
14. Moiseev A.S. Psihologicheskie tipy social'nogo samoopredelenija predstavitelej srednego klassa moskovskogo regiona [Psychological types of social self-determination of representatives of the middle class of the Moscow region] [[Elektronnyi resurs]]. *Informacionno-gumanitarnyj portal "Znanie. Ponimanie. Umenie"* [Information and humanitarian portal "Knowledge. Understanding. Skill"], 2013, no. 1. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Moiseev_Social-Self-determination-Middle-Class/ (Accessed 14.04.2018).
15. Perminova M.S. Specifika formirovaniya social'noj aktivnosti molodezhi v usloviyah volonterskoj dejatel'nosti [Formation specific of social activity of youth in terms of volunteer activity]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Sociologija. Politologija* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology], 2016, no. 16 (1), pp. 22–25.
16. Ryabikina Z.I. Lichnost' kak sub"ekt formirovaniya bytijnykh prostranstv [Personality as a subject of formation of existential spaces]. In V.V. Znakov i Z.I. Ryabikina (ed.). *Sub"ekt, lichnost' i psikhologiya chelovecheskogo bytiya* [Subject, personality and psychology of human existence]. Moscow: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2005. 384 p.
17. Ryabikina Z.I., Bogomolova E.I. Vzaimosvyaz' lichnostnykh kharakteristik pol'zovatelej sotsial'nykh setej interneta s osobennostyami ikh aktivnosti v seti [Interrelation of personal characteristics of users of social networks of the Internet with features of their activity in a network]. *Politematicheskij setevoy ehlektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban state agrarian University], 2015, no. 109, pp. 1041–1057.
18. Sitarov V.A., Moralov V.G. Sotsial'naya aktivnost' lichnosti (urovni, kriterii, tipy i puti ee razvitiya) [Elektronnyi resurs] [Social activity of the personality (levels, criteria, types and ways of its development)]. *Znanie. Umenie. Ponimanie, [Znanie. Skill. Understanding]*, 2015, no. 4. pp. 164–176. doi: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2015.4.15>
19. Skornjakova Je.R. Social'naja aktivnost' uchashhihsja v ramkah dejatel'nosti detskih obshhestvennykh ob'edinenij [Social activity of pupils within activity of children's public associations]. *Problemy i perspektivy razvitiya obrazovanija v Rossii* [Problems and prospects of development of education in Russia], 2015, no. 35, pp. 113–117.
20. Sokolova E.S. Sotsial'naya aktivnost' sovremennoy rossiyskoj molodezhi [Social Activity of Contemporary Russian Youth]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2011, no. 1, pp. 197–202.
21. Chernyshev A.S., Sarychev S.V. Sektsiya «Sotsial'noe samoopredelenie i sotsial'naya aktivnost': psikhologicheskie problemy molodezhnoj politiki» [Section "social self-determination and social activity: psychological problems of youth policy"]. *Psikhologicheskij zhurnal*. [Psychological journal], 2011, no. 32(5), pp. 112–113.
22. Chumakov M.V. Diagnostics of volitional characteristics of personality. *Voprosy psikhologii*, 2006, no. 1, pp. 169–178.

23. Shamionov R.M., Grigoryeva M.V. Psihologija social'noj aktivnosti molodezhi: problemy i riski [Psychology of social activity of youth: problems and risks]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2012. 384 p.
24. Shamionov R.M. Sotsial'naya aktivnost' lichnosti i gruppy: opredelenie, struktura i mekhanizmy [Social activity of personality and group: definition, structure and mechanisms]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics]*, 2018, no. 15(4), pp. 379–394.
25. Sharkovskaja N.V. Social'no-kul'turnaja aktivnost' – ponjatie sovremennoj social'no-kul'turnoj dejatel'nosti [Socio-cultural activity – the concept of modern socio-cultural activities]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Vestnik of the Moscow state University of culture and arts]*, 2016, no. 3 (71), pp. 116–121.
26. Chan M., Guo J. The Role of Political Efficacy on the Relationship Between Facebook Use and Participatory Behaviors: A Comparative Study of Young American and Chinese Adults. *Cyberpsychology behavior and social networking*, 2013. Vol. 16 (6), pp. 460–463.
27. Pegg K.J., O'Donnell A.W., Lala G., Barber B.L. The Role of Online Social Identity in the Relationship Between Alcohol-Related Content on Social Networking Sites and Adolescent Alcohol Use. *Cyberpsychology behavior and social networking*, 2018, no. 21 (1), pp. 50–55.
28. Savrasova-V'un T. Social networks and their role in development of civic activity of the Ukrainian youth. *Communication today*, 2017. Vol. 8 (1), pp. 104–112.
29. Sherman L.E., Greenfield P.M., Hernandez L.M., Dapretto M. Influence Via Instagram: Effects on Brain and Behavior in Adolescence and Young Adulthood. *Child development*, 2018, no. 89 (1), pp. 37–47.

Особенности ценностно-смысловой сферы спасателей с разным уровнем профессиональной социально-психологической адаптации

А.В. КОТЕНЕВА*,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
akoteneva@yandex.ru

С.А. КОБЗАРЕВ**,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
sseriyvolk@mail.ru

В настоящее время исследование личностных ресурсов профессиональной адаптации спасателей является социально значимым, поскольку экстремальные факторы и условия деятельности предъявляют повышенные требования к специалистам, их профессиональной и психологической подготовке. В статье представлены результаты изучения особенностей адаптивности, ценностей и смыслов спасателей с разным уровнем профессиональной социально-психологической адаптации. В эмпирическом исследовании участвовали 60 спасателей-пожарных Пожарно-спасательного центра, из них все мужчины: средний возраст — 38,5 лет; средний стаж — 11,7 лет. Результаты показали, что успешность профессиональной адаптации спасателей определяется в значительной степени как уровнем личностного адаптационного потенциала, так и конкретными его компонентами — нервно-психической устойчивостью, коммуникативными способностями, моральной нормативностью. Наиболее значимыми ценностями для всех специалистов оказались материальное вознаграждение, духовное удовлетворение, достижения и социальные контакты. Однако успешность профессиональной социально-психологической адаптации повышается, если эти ценности связаны с профессиональной сферой жизнедеятельности. Экзистенциальные ценности (принятие жизни и себя, онтологическая защищенность, ответственность, принятие смерти, наличие смысла в кризисной ситуации и концепция кризисной ситуации) выступают основой осуществления как профессиональной деятельности, так и адаптации спасателей к экс-

Для цитаты:

Котенева А.В., Кобзарев С.А. Особенности ценностно-смысловой сферы спасателей с разным уровнем профессиональной социально-психологической адаптации // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 1. С. 35–52. doi:10.17759/sps.2019100103

* Котенева Анна Валентиновна — доктор психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, akoteneva@yandex.ru

** Кобзарев Сергей Анатольевич — магистрант, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, sseriyvolk@mail.ru

тремальных условиям. Вместе с тем спасателей с высоким уровнем профессиональной социально-психологической адаптации отличает дифференциация и интеграция жизненных смыслов и смыслов смерти в концепции кризисной ситуации, принятие жизненных изменений, понимание жизни как возможности для реализации в большей степени бытийных мотивов и смыслов, игнорирование своих чувств и переживаний по отношению к смерти.

Ключевые слова: профессиональная социально-психологическая адаптация, личностные ресурсы, адаптационный личностный потенциал, экзистенциальные ценности, спасатели, экстремальная ситуация.

Введение

Природные и техногенные катастрофы, военные и национальные конфликты, террористические акты и другие экстремальные ситуации нарушают нормальную жизнедеятельность человека и общества, приводят к гибели людей и разрушению материальных ценностей. Представители многих профессий — спасатели, пожарные, медицинские работники, полицейские, психологи и др. — оказывают экстренную медицинскую и психологическую помощь пострадавшим, участвуют в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций и поддержании общественной и личной безопасности. При выполнении своих профессиональных обязанностей специалисты сталкиваются с различными экстремальными стрессорами, в частности, с человеческими жертвами, с реальной опасностью для жизни и здоровья, как для самих себя, так и для окружающих людей.

Деятельность аварийно-спасательных формирований связана с высоким уровнем профессионального, нравственного, психологического, физического и материального риска. Она осуществляется в крайне неблагоприятных природных условиях, характеризующихся резкими перепадами температур, давления, наличием токсичных веществ в окружающей

среде, что требует применения средств индивидуальной защиты, специализированных инструментов, снаряжения и техники. Работа спасателей отличается чрезмерными физическими и психическими нагрузками, высокой степенью ответственности за жизнь людей и сохранность материальных ценностей, необходимостью принимать сложные решения в условиях дефицита времени и информации [2; 18].

Более того, спасатели рискуют пострадать от негативных психологических последствий катастрофы или экстремальной ситуации. По данным ряда авторов, у спасателей, работающих в зоне бедствий, могут появиться признаки острого стрессового расстройства, первичных экстремальных состояний тревоги и депрессии, а впоследствии — и посттравматического стрессового расстройства [24]. У 17,1% спасателей, участвовавших в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, наблюдаются проявления ПТСР, у 57% — синдрома эмоционального выгорания и у 72,8% — нарушения психологического благополучия [23]. Последствия для психики спасателей, столкнувшихся с травматическим событием, могут быть как негативные, так и позитивные. Благодаря личностным ресурсам, активному соуправлению, планированию, обращению к религии, поиску социальной поддержки,

самоотдаче, у спасателей после перенесенной травмы наблюдается посттравматический рост, проявляющийся в изменении ценностей, в осознании смысла жизни, в пересмотре жизненных перспектив [25]. Однако, в любом случае, экстремальные факторы деятельности влияют на профессиональную социально-психологическую адаптацию (ПСПА), предъявляют повышенные требования к адаптационным ресурсам специалистов, их профессиональной, психологической подготовке и совершенствованию системы мероприятий профилактики дезадаптивных нервно-психических состояний. С экономической точки зрения выгодно поддерживать оптимальный уровень ПСПА профессионала, так как его реабилитация или обучение нового специалиста потребуют значительно больше средств и времени [4; 7].

Сегодня исследование ПСПА спасателей является социально значимой проблемой. Снижение уровня ПСПА сказывается на успешности деятельности специалиста, его профессионализме и самореализации, а также способствует формированию синдрома эмоционального выгорания. Понятие профессиональной социально-психологической адаптации означает процесс вхождения специалиста в профессию и гармонизацию его взаимодействий с профессиональной средой, удовлетворенность своей профессией, содержанием деятельности, условиями ее осуществления, коллективом, межличностными отношениями и руководством, а также собственной личностью как профессионалом [14]. Успешность ПСПА во многом определяется личностными ресурсами человека.

В психологии психологические ресурсы ПСПА рассматриваются в контексте исследования адаптационного потенциала и адаптивности личности.

Под адаптационным потенциалом отечественные исследователи (А.М. Богомолов, В.А. Кулганов, А.Г. Маклаков, А.А. Налчаджян, А.А. Реан и др.) понимают совокупность качественно своеобразных индивидуально-психологических свойств, определяющих эффективность адаптационных изменений, системное свойство личности, ресурсы, обуславливающие границы ее адаптационных возможностей [5; 13; 14].

Последние десятилетия появилось много работ, посвященных исследованию личностных, психологических и профессионально важных качеств, необходимых для обеспечения эффективной деятельности спасателя, их подготовке к решению профессиональных задач в экстремальных ситуациях [1; 6; 9; 12; 22]. В исследовании Д.В. Каширского, А.Н. Овчинниковой, Н.В. Сабельниковой выявлена связь между эмоциональным выгоранием и особенностями ценностно-смысловой сферы личности спасателей, их семейным статусом, возрастом и стажем работы [8].

Вместе с тем, фактически не изучены особенности ПСПА спасателей и такие личностные ресурсы, как ценности и смыслы. Совокупность сложившихся ценностей образует своего рода ось сознания, обеспечивающую психологическую устойчивость и направленность личности. Жизненные позиции специалистов, работающих в экстремальных условиях, отличаются от жизненных взглядов людей, выбирающих относительно безопасную для жизни работу.

Психологи и психотерапевты, работающие в русле христианской, гуманитарной и гуманистической парадигм, считают, что столкновение со смертью переводит человека из повседневного состояния в онтологический модус бытия,

необходимый для осознания своего предназначения, высших смыслов и ценностей жизни, а также может способствовать личностному росту человека [10; 11]. Как считают А.А. Баканова и Г.И. Фоменко, профессиональная деятельность в экстремальных ситуациях способствует более острому, чем у других людей, осознанию и переживанию ими ценности как жизни, так и смерти. Принятие смерти и включение ее в контекст своего бытия является необходимым условием для работы в экстремальных условиях и выбора личностью стратегий совладания с психотравмирующими переживаниями [3; 21].

Эмпирическое исследование

Цель нашего исследования — выявить личностные ресурсы повышения профессиональной социально-психологической адаптации спасателей.

Гипотеза исследования состояла в том, что успешность профессиональной социально-психологической адаптации повышают личностный адаптационный потенциал спасателя (его нервно-психическая устойчивость, коммуникативные способности и моральная нормативность), экзистенциальные и духовно-нравственные ценности, связанные с осмыслением жизни и смерти, самореализацией, достижениями и духовным удовлетворением от работы в экстремальных условиях деятельности.

В эмпирическом исследовании были поставлены следующие **задачи**: выявить роль личностного адаптационного потенциала в повышении успешности ПСПА; определить особенности ценностно-смысловой сферы спасателей с разным уровнем ПСПА, а также характер связей ценностей, личностного адаптационного

потенциала и успешности адаптации к деятельности в экстремальных условиях.

Программа исследования

Выборку исследования составили 60 спасателей-пожарных государственного казенного учреждения г. Москвы «Пожарно-спасательный центр» в возрасте от 24 до 57 лет (средний возраст — 38,5 лет) со стажем работы от 2 до 30 лет (средний стаж — 11,7 лет), все участники опроса мужчины.

Методику исследования: «Опросник для оценки уровня профессиональной социально-психологической адаптации работника» Р.Х. Исмаилова [17]; многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина [17]; «Морфологический тест жизненных ценностей» В.Ф. Сопова и Л.В. Карпушиной [20]; опросник «Отношение к жизни, смерти и кризисной ситуации» А.А. Бакановой [19]. Использовались методы математической статистики: критерий Краскела—Уоллиса для сравнения значимости различий между показателями личностного адаптационного потенциала и ценностей спасателей с разным уровнем их адаптации к деятельности, корреляционный и факторный анализ. Компьютерная обработка данных проводилась с использованием прикладной программы SPSS 22.

Результаты исследования и их обсуждение

По результатам применения «Опросника для оценки уровня профессиональной социально-психологической адаптации работника» Р.С. Исмаилова были выде-

лены три группы спасателей с разным уровнем профессиональной социально-психологической адаптации (ПСПА). Чем выше уровень ПСПА, тем выше степень удовлетворенности специалиста условиями и содержанием своей профессиональной деятельности, статусом, сложившимися межличностными отношениями с коллегами и руководством, а также организацией совместного труда.

Первую группу с низким уровнем ПСПА ($x_{cp}=50,45$; $S=1,88^1$) составили 15% спасателей в возрасте 40,2 лет и стажем работы 14,7 лет. Из них 78% получили высшее образование и 22% – среднее.

Вторая группа со средним уровнем ПСПА ($x_{cp}=68,05$; $S=3,66$) включает 66,7% участников исследования, средний возраст которых составил 37,9 лет, а стаж работы – 10,7 лет. Все респонденты имеют высшее и среднее образование (82,5% и 17,5%).

В третьей группе с высоким уровнем ПСПА ($x_{cp}=91,72$; $S=1,95$) оказалось 18,3% испытуемых со средним возрастом 39,5 лет и стажем профессиональной деятельности 12,8 лет. 73% спасателей имеют высшее и 27% – среднее образование.

Сравнение показателей возраста, стажа и образования между группами с по-

мощью критерия Краскела–Уоллиса не выявило значимых различий. То есть эти характеристики не могут объяснить особенности ценностей и успешности профессиональной адаптации специалистов в данной выборке.

Результаты по методике многоуровневого личностного опросника «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина представлены в табл. 1.

Спасатели с высоким уровнем ПСПА имеют высокий личностный адаптационный потенциал, который позволяет им легко приспосабливаться к экстремальным условиям деятельности и адекватно ориентироваться в незнакомой обстановке, принимая верные профессиональные решения. Они обладают хорошими коммуникативными способностями, необходимыми для сплоченной работы в отряде, а также ориентируются в своем поведении на моральные нормы и традиции, созданные в Пожарно-спасательном центре. Показатели личностно адаптационного потенциала в группах со средним и низким уровнями ПСПА указывают на снижение нервно-психической устойчивости, появление конфликтности в отношениях, трудностях в оценке незна-

Таблица 1

Различия в показателях личностных адаптивных качеств между группами с разным уровнем ПСПА (средние значения, критерий Краскела–Уоллиса)

Личностные адаптивные качества	Показатели в группах с разным уровнем ПСПА			Р (между всеми группами)
	1, низкий	2, средний	3, высокий	
Нервно-психическая устойчивость	13,5	24,5	30,7	0,012
Коммуникативные способности	9,5	12,5	13,3	0,048
Моральная нормативность	7,5	8,8	9,6	0,425
Личностный адаптационный потенциал	30,6	45,9	53,7	0,019

¹ Хср – среднее значение показателя и S – стандартное отклонение.

комых ситуаций и принятии решения в условиях дефицита времени и информации. Статистически значимые различия выявлены по показателям нервно-психической устойчивости и личностного адаптационного потенциала между всеми группами ($p=0,012$; $p=0,019$). То есть чем выше устойчивость и общий личностный потенциал, тем выше уровень ПСПА. При высоком и среднем уровне ПСПА отмечаются значимо более высокие показатели коммуникативных способностей у специалистов, чем при низком уровне адаптации. Моральная нормативность характеризуется средними значениями по всем группам, значимых различий между ними не обнаружено. Работа спасателя осуществляет в команде, в составе аварийно-спасательных формирований строго на основе выработанных моральных норм поведения и совместной деятельности. Поэтому наличие этого качества является профессионально важным качеством специалиста, без которого становится невозможным

решение трудовой задачи. Однако уровень ПСПА повышается с возрастанием общего личностного потенциала спасателя, его коммуникативных способностей и нервно-психической устойчивости.

С помощью «Морфологического теста жизненных ценностей» В.Ф. Сопова и Л.В. Карпушиной были выявлены ценности спасателей с разным уровнем профессиональной социально-психологической адаптации (рис. 1).

Так, в группе спасателей с высоким уровнем ПСПА наиболее значимыми ценностями оказались материальное положение ($x_{cp}=47,5$), духовное удовлетворение от выполнения работы ($x_{cp}=45,5$), достижения ($x_{cp}=43,5$) и социальные контакты ($x_{cp}=42,4$). Сохранение собственной индивидуальности, престиж и развитие себя имеют меньшую значимость и соответствуют средним нормативным показателям ($x_{cp}=41,64$; $x_{cp}=40,64$ и $x_{cp}=38,45$). Наименьшую ценность представляет креативность ($x_{cp}=35,18$). В целом, эгоистически-престижные

Рис. 1. Ценности спасателей с разным уровнем ПСПА

ценности ($x_{cp}=43,29$) преобладают над духовно-нравственными ($x_{cp}=40,39$)². Применение критерия Краскела—Уоллиса выявило значимые различия между ними ($p=0,005$).

В группе со средним уровнем ПСПА наблюдается сходная тенденция: духовное удовлетворение ($x_{cp}=43,25$), материальное положение ($x_{cp}=42,95$), социальные контакты ($x_{cp}=41,25$) и достижения ($x_{cp}=41,15$), развитие себя ($x_{cp}=40,53$), сохранение индивидуальности ($x_{cp}=39,35$), престиж ($x_{cp}=37,35$) и креативность ($x_{cp}=36,65$). Направленность ценностей — конфликтная, эгоистически-престижные ценности ($x_{cp}=40,25$) и духовно-нравственные ценности ($x_{cp}=40,42$) выражены в одинаковой степени, статистически значимых различий по критерию Краскела—Уоллиса не выявлено ($p=0,486$).

В группе с низким уровнем ПСПА материальное положение является ведущей ценностью ($x_{cp}=44,78$). Достижения ($x_{cp}=41,89$), социальные контакты ($x_{cp}=41,34$), духовное удовлетворение ($x_{cp}=40,89$), сохранение индивидуальности ($x_{cp}=40,25$) и престиж ($x_{cp}=40,00$) имеют приблизительно одинаковую ценность. Развитие себя ($x_{cp}=38,44$) и креативность ($x_{cp}=34,11$) представляют меньшую ценность для специалистов. Как и в первой группе, эгоистически-престижные ценности ($x_{cp}=41,84$) преобладают над духовно-нравственными ценностями ($x_{cp}=38,69$), но не являются статистически значимыми ($p=0,212$).

Хотя не было обнаружено значимых различий между показателями ценно-

стей по группам, оказалось, что некоторые ценности являются одинаково важными для всех спасателей независимо от уровня их ПСПА. К ним относятся материальное вознаграждение ($x_{cp}=44,05$), духовное удовлетворение ($x_{cp}=43,9$), социальные контакты ($x_{cp}=41,46$) и достижения ($x_{cp}=41,68$).

«Морфологический тест жизненных ценностей» В.Ф. Сопова и Л.В. Карпушиной позволяет выявить значимость ценностей в различных сферах жизнедеятельности: профессиональной, образовательной, семейной, общественной, физической сферах и сфере увлечений.

Сферы профессионального и физического развития являются наиболее приоритетными для групп с высоким ($x_{cp}=60,4$ и $x_{cp}=56,5$) и средним ($x_{cp}=58,7$ и $x_{cp}=53,0$) уровнем ПСПА. Эти спасатели отдают много времени своей работе, включаются в решение всех производственных проблем, считая при этом, что профессиональная деятельность является главным содержанием их жизни, а физическая культура — ее необходимым условием.

Спасатели с низким уровнем ПСПА стремятся к повышению уровня своей образованности, расширению кругозора ($x_{cp}=57,1$). Значимость семейных ценностей уменьшается прямо пропорционально уровню ПСПА (соответственно, $x_{cp}=55,5$; $x_{cp}=52,4$; $x_{cp}=50,7$). Общественной жизнью одинаково интересуются спасатели с низким и высоким уровнем адаптации ($x_{cp}=53,7$ и $x_{cp}=53,4$). Они социально активны, в частности интересуются политикой на муниципальном

² Согласно авторам методики, к духовно-нравственным ценностям относятся: саморазвитие; духовное удовлетворение от работы; креативность; активные социальные контакты, отражающие нравственно-деловую направленность. К второй подгруппе эгоистично-престижных ценностей относятся: престиж, достижения, материальное положение и сохранение индивидуальности.

уровне, так как эти изменения непосредственно могут влиять на их работу. Увлечения и хобби имеют одинаковые показатели для всех групп, эти спасатели отдают своему увлечению значительную часть свободного времени и считают, что без увлечения жизнь человека во многом неполноценна ($x_{cp}=54,5$; $x_{cp}=53,2$; $x_{cp}=55,2$). Применение критерия Краскела—Уоллеса позволило выявить значимые различия в профессиональной сфере по ценностям духовного удовлетворения, креативности, социальных контактов и достижений между группами.

Для специалистов с высоким и средним уровнями ПСПА более значимо духовное удовлетворение от работы, чем для специалистов с низким уровнем ПСПА ($p=0,035$). Спасатели с высоким уровнем ПСПА имеют значимо более высокие ценности социальных контактов и результативности в своей профессии по сравнению с представителями других групп ($p=0,046$ и $p=0,036$). Однако спасатели со средним и низким уровнем ПСПА ценят в большей степени креативность, чем сотрудники Пожарно-спасательного центра с высоким уровнем ПСПА ($p=0,021$). Выявлен целый ряд различий и в семейной сфере. Престиж более значим для спасателей с высоким и низким уровнем ПСПА именно в этой сфере ($p=0,05$). Ценность достижений и материального положения более высокая для специалистов с высоким уровнем ПСПА ($p=0,015$ и $p=0,033$). В физической сфере ценности развития себя значимо выше у специалистов со средним уровнем ПСПА, а в общественной сфере для этой группы менее значимы сохранение своей индивидуальности, независимость собственных убеждений. В образовательной сфере и сфере увлечений не выявлены статистически значимые различия между группами.

Результаты по «Морфологическому тесту жизненных ценностей» В.Ф. Сопова и Л.В. Карпушиной показывают, что для всех спасателей являются важными ценности материального вознаграждения, духовного удовлетворения, достижений и социальных контактов, но успешность ПСПА определяется повышением этих ценностей именно в профессиональной сфере жизнедеятельности. Для всех спасателей является важным стремление к повышению своего материального благополучия и убежденность в том, что материальный достаток является условием бытия и психологического благополучия, основанием для развития чувства собственной значимости, признания и одобрения со стороны значимого окружения. Спасатели, как часть общества и одновременно представители в своем роде уникальной профессии, должны поддерживать свое положение, быть примером другим людям. Более того, материальное вознаграждение является критерием оценки социумом значимости профессии и ресурсом для восстановления душевно-физических сил специалиста. Спасатели считают, что самое важное в жизни — делать то, что приносит духовное удовлетворение. И это вполне соответствует гуманистической направленности их деятельности, предусматривающий приоритетность задач спасения жизни и сохранения здоровья людей, защиты природной среды при возникновении чрезвычайных ситуаций. Поэтому профессиональные достижения являются для специалистов основанием для их высокой самооценки. Эти ценности позволяют спасателям оставаться в профессии, несмотря на чрезмерные психические и физические нагрузки.

Результаты по методике «Отношение к жизни, смерти и кризисной ситуации» А.А. Бакановой иллюстрированы рис. 2. Все спасатели по шкале принятия измен-

чивости жизни имеют средние нормативные значения, но при высоком и среднем уровне ПСПА значимо возрастает способность принимать жизненные изменения и использовать конструктивные способы совладания с экстремальными ситуациями ($p < 0,026$). Спасатели с высоким уровнем ПСПА рассматривают собственную жизнь как дающую возможность для реализации в большей степени бытийных мотивов, в то время как представители других групп – дефицитарных потребностей ($p < 0,043$).

Чем выше уровень ПСПА, тем выше принятие и всей своей жизни с ее негативными и радостными событиями, осознание своего предназначения. Показатели онтологической защищенности у всех спасателей попадают в диапазон средних нормативных значений и свидетельствуют о наличии базального доверия к миру и чувства безопасности, которые, однако, могут

сопровождаться дискомфортом в отношениях с собой, другими людьми и миром.

Для всех сотрудников характерно принятие своей индивидуальности во всех ее духовных, психологических и телесных аспектах. Стремление к росту присуще всем группам специалистов. Ответственность за свою жизнь немного выше у спасателей с высоким и средним уровнем ПСПА. Спасатели с низким уровнем адаптации частично принимают ответственность за свою жизнь, но некоторых моментов стараются избегать, либо перекладывают ответственность на других.

Оказалось, что большинству спасателей трудно найти смысл смерти, принять чувства по отношению к смерти и собственный уход из жизни. Значимые различия выявлены по такому показателю, как «Принятие чувств по отношению к смерти» между группой с высоким уровнем ПСПА и группами со средним и низким уровнем ПСПА

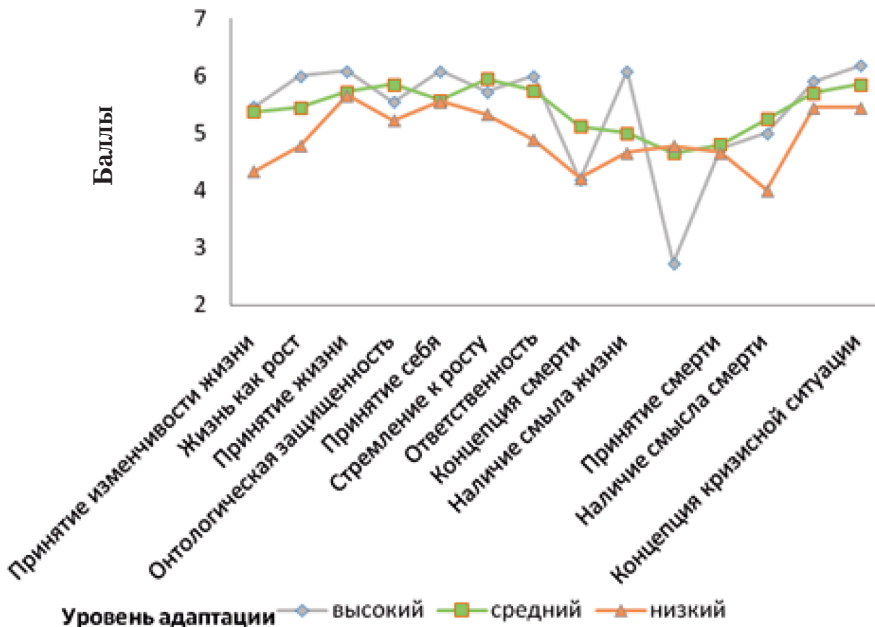

Рис. 2. Экзистенциальные ценности спасателей с разным уровнем ПСПА

($p < 0,027$). Средние баллы у спасателей с низким и средним уровнем адаптации говорят о неполном принятии личностью чувств по отношению к смерти, а также об осмысленном отношении к ней как к части собственной жизни. Низкие баллы у спасателей с высоким уровнем адаптации свидетельствуют не только о выработанной психологической защите против размышлений о смерти, но и возможно являются следствием низкой рефлексии над экзистенциальными проблемами, своей жизнью и, в частности, опытом, получаемым из кризисных ситуаций. Возможно, это связано с преобладанием атеистического мировоззрения среди спасателей, не позволяющего найти смысл смерти в контексте бытия человека, поскольку смерть означает окончание существования живого существа, прекращение жизнедеятельности организма. Религиозные люди рассматривают феномен смерти как уснутие, переход в другую форму бытия человека, а вера в Бога, нахождение сверхсмысла в жизни позволяют принять жизнь и смерть, радость и страдание, сохранить психологическое равновесие при столкновении с экстремальной ситуацией [10].

Вместе с тем спасатели с высоким уровнем адаптации лучше понимают смысл жизни как таковой, смысл в кризисных ситуациях и способны извлечь из них позитивный опыт, по сравнению со спасателями с низким уровнем адаптации.

Для выявления связей между уровнем профессиональной социально-психологической адаптации и ценностями подсчитывался коэффициент корреляции Спирмена. Обнаружены слабовыраженные положительные связи между общим уровнем ПСПА и следующими экзистенциальными ценностями: принятие изменчивости жизни ($r = 0,264$; $p=0,021$), жизнь как рост ($r = 0,261$; $p=0,022$), наличие

смысла жизни ($r = 0,310$; $p=0,008$), наличие смысла смерти ($r = 0,284$; $p=0,014$), — а также обратная корреляция с принятием чувств по отношению к смерти ($r = -0,242$; $p=0,031$). Выявлены связи и между общим уровнем ПСПА и духовным удовлетворением ($r = 0,259$; $p=0,023$), собственным престижем ($r = 0,240$; $p=0,032$), достижениями ($r = 0,277$; $p=0,016$).

Профессиональная социально-психологическая адаптация спасателя повышается по мере осознания развития и непостоянства жизни, осмысленного понимания вопросов жизни и смерти, морального и нравственного удовлетворения от выполненной работы, мотивации достижения спасателя, высокой оценки его деятельности. Вместе с тем ПСПА снижается с принятием чувств в отношении к смерти. И это проблема нерелигиозного сознания.

Для получения более полной картины особенностей ценностей спасателей и профессиональной социально-психологической адаптации был проведен факторный анализ, а именно, метод главных компонент с вращением Варимакс с нормализацией Кайзера по каждой группе.

Факторная структура ценностей и профессиональной социально-психологической адаптации спасателей с высоким уровнем ПСПА

Генеральный фактор — «Принятие жизни, смерти и себя». Он объясняет 33,14% дисперсии и включает в себя следующие компоненты: принятие жизни ($r = 0,873$), концепция кризисной ситуации ($r = 0,873$), принятие себя ($r = 0,859$), ответственность ($r = 0,847$), онтологическая защищенность ($r = 0,846$), наличие смысла в кризисной ситуации ($r = 0,834$) и принятие смерти ($r = 0,780$). Наличие концепции кризисной ситуации у спасателей, которая объясняет

причины ее возникновения и последствия, способствует принятию жизни и смерти как реальных феноменов человеческого бытия, повышает чувство онтологической защищенности, ответственности специалиста при принятии решений, помогает принять самого себя. Эти данные вполне согласуются с результатами исследования Г.Ю. Фоменко, которая выделила два модуса существования в экстремальной ситуации — «пределный» и «экстремальный». Спасатели с высоким уровнем ПСПА демонстрируют «пределный модус бытия», характерный для профессионально успешных сотрудников силовых структур, одним из аспектов которого, по Г.Ю. Фоменко, является осмысление себя в экзистенциальных дихотомиях «жизнь — смерть», дифференциация и интеграция L-смыслов и D-смыслов (жизненных смыслов и смыслов смерти) [21].

Второй фактор — «Личностно-адаптационный потенциал профессионала» (24,94% дисперсии) объединил шкалу общего уровня социально-психологической адаптации, по методике Р.Х. Исмаилова ($r = -0,766$), и шкалы адаптивности личности, по многоуровневому личностному опроснику «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина³: нервно-психическую устойчивость ($r = 0,962$), коммуникативные способности ($r = 0,808$) и личностный адаптационный потенциал ($r = 0,938$) — и показатели ценностей по «Морфологическому тесту жизненных ценностей» В.Ф. Сопова и Л.В. Карпушиной: развития себя ($r = 0,451$) и социальных контактов ($r = 0,818$). По мере возрастания адаптивных личностных способностей специалиста в целом, повышения его нервно-психической устойчивости, раз-

вития коммуникативной компетентности в социальной сфере, наблюдается и более высокая степень адаптации к содержанию профессиональной деятельности, условиям ее протекания, к коллегам, повышается удовлетворенность своей работой. Вместе с этим снижается потребность в развитии себя и ограничиваются социальные контакты. Полученные данные подтверждают результаты исследования А.Г. Маклакова о роли адаптационного потенциала личности в повышении эффективности деятельности в экстремальных условиях [13].

Третий фактор — «Экзистенциальные основы нравственного поведения» (9,64% дисперсии) состоит из 5 компонентов: наличие смысла смерти ($r = 0,891$), моральная нормативность ($r = -0,727$), наличие смысла жизни ($r = 0,688$), принятие чувств по отношению к смерти ($r = -0,681$) и концепция смерти ($r = 0,581$). Нахождение смысла смерти и жизни, объяснение этих феноменов с позиций сформировавшейся концепции смерти у спасателей сопровождается трудностями в принятии своих чувств к ней, но побуждает человека следовать морально-нравственным нормам поведения в профессиональной деятельности.

Четвертый фактор — «Жизненные ценности спасателей» (8,86% дисперсии) включил такие показатели, как высокое материальное положение ($r = 0,906$), собственный престиж ($r = 0,818$), достижение ($r = 0,693$) и духовное удовлетворение ($r = 0,581$). Наибольший вес имеет ценность материального положения. Именно его наличие становится основой для роста чувства духовного удовлетворения от работы, стремления

³ По данной методике, чем выше полученный балл, тем ниже значение показателя.

к достижению личностных результатов и повышению собственного престижа, что подтверждают и результаты по «Морфологическому тесту жизненных ценностей» В.Ф. Сопова и Л.В. Карпушиной.

Факторная структура ценностей и профессиональной социально-психологической адаптации спасателей со средним уровнем ПСПА

Первый фактор — «Концепция кризисной ситуации, принятие себя и жизни» (24,87% дисперсии) по своей значимости и компонентам во многом совпадает с первым фактором, выявленным у спасателей с высоким уровнем профессиональной адаптации, хотя и имеет новые оттенки. Он включил в себя: концепцию кризисной ситуации ($r = 0,920$), наличие смысла в кризисной ситуации ($r = 0,883$), принятие себя ($r = 0,887$), стремление к росту ($r = 0,889$), ответственность ($r = 0,877$), онтологическую защищенность ($r = 0,806$), принятие жизни ($r = 0,787$) и принятие изменчивости жизни ($r = 0,600$).

Концепция кризисной ситуации помогает найти смысл экстремальной ситуации, становится основой онтологической защищенности, ответственности и личностного роста специалиста, а также принять жизнь и ее изменчивость. Но она не объясняет смысл смерти, что, возможно, является одной из причин снижения адаптации к экстремальным условиям профессиональной деятельности.

Второй по значимости фактор — «Развитие себя и креативность» (19,53% дисперсии). Он состоит из шести компонентов: развитие себя ($r = 0,868$), креативность ($r = 0,867$), активные социальные контакты ($r = 0,789$), духовное удовлетворение ($r = 0,747$), сохранение собственной индивидуальности

($r = 0,699$) и высокое материальное положение ($r = 0,676$). В этом факторе наибольший вес имеют показатели развития себя и креативность и наименьший — высокое материальное положение. То есть для спасателей со средним уровнем адаптации стремление реализовать себя, раскрыть творческий потенциал сопровождается повышением активности в социальном взаимодействии, приносит духовное удовлетворение в жизни и позволяет сохранить индивидуальность.

Третий фактор — «Личностно-адаптационный потенциал профессионала» (12,796% дисперсии) включил компоненты: нервно-психическая устойчивость ($r = 0,907$), коммуникативные способности ($r = 0,852$), принятие морально-нравственных норм поведения в коллективе ($r = 0,843$) и личностно-адаптационный потенциал ($r = 0,967$), — которые образуют единое целое и характеризуют адаптивность специалиста. Однако эти качества и способности фактически не связаны с показателем профессиональной социально-психологической адаптации. То есть специалисты данной группы не всегда реализуют свой адаптационный потенциал в конкретных экстремальных условиях профессиональной деятельности.

Четвертый фактор — «Смерть как феномен бытия» (8,36% дисперсии) объединил все показатели, связанные с пониманием смерти: концепцию смерти ($r = 0,791$) и ее смысла ($r = 0,676$), принятие смерти ($r = 0,780$) и чувств по отношению к ней ($r = 0,731$). Наличие религиозной концепции смерти, объясняющей смерть как переход в инобытие, сопровождается нахождением смысла смерти, позволяет принять как ее саму, так и чувства по отношению к ней. Но она не анализируется в контексте жизни. Спасатели со средним уровнем ПСПА

дифференцируют смыслы жизни и смерти, но не интегрируют их в единое целое, что, по Г.Ю. Фоменко, приводит к излишней концентрации на теме смерти и указывает на «экстремальный модус бытия», который накладывает ограничение на самореализацию личности в целом и ее профессиональную успешность [21].

Факторная структура ценностей и профессиональной социально-психологической адаптации спасателей с низким уровнем ПСПА

Первый фактор — «Кризисная ситуация, принятие жизни и себя» (33,699% дисперсии) также является самым важным и значимым. Он включил в себя почти все компоненты первого фактора у спасателей со средним уровнем адаптации: наличие смысла в кризисной ситуации ($r = 0,959$), онтологическая защищенность ($r = 0,934$), концепция кризисной ситуации ($r = 0,917$), принятие жизни ($r = 0,919$), принятие себя ($r = 0,915$), ответственность ($r = 0,896$), стремление к росту ($r = 0,865$) и понимание жизни как роста ($r = 0,826$). Понимание смысла кризисной ситуации позволяет принять жизнь, себя и способствует как возникновению чувства онтологической защищенности, так и возможности самореализации.

Второй фактор — «Жизненные ценности спасателя» (20,502% дисперсии) включил ценностные компоненты: достижение ($r = 0,928$), престиж ($r = 0,871$), развитие ($r = 0,870$), материальное вознаграждение ($r = 0,850$), сохранение собственной индивидуальности ($r = 0,781$) и креативность ($r = 0,656$).

Повышение ценностей достижения и престижа основано в большей степени на развитии себя как личности, сохранении собственной индивидуальности, а не на

реализации себя в профессии, как у спасателей с высоким уровнем ПСПА.

Третий фактор — «Адаптационно-экзистенциальный» (16,051% дисперсии) объединил компоненты: концепция смерти ($r = 0,887$), наличие смысла жизни ($r = 0,884$), профессиональная адаптация ($r = -0,882$), принятие изменчивости жизни ($r = 0,800$) и наличие смысла смерти ($r = 0,750$). Причем показатель адаптации и показатели экзистенциальных ценностей и смыслов имеют отрицательную направленность. То есть те представления о жизни и смерти, ее смыслах, которые сформировались у представителей этой группы, затрудняют их профессиональную адаптацию.

Четвертый фактор «Адаптивность личности специалиста» (10,657% дисперсии) включил лишь три показателя: нервно-психическую устойчивость ($r = 0,826$), коммуникативные способности ($r = 0,917$) и личностный адаптационный потенциал ($r = 0,932$). Такой ресурс адаптивности, как моральная нормативность ($r = 0,906$) оказался в пятом факторе единственным с высокой факторной нагрузкой. Соблюдение моральных норм, как считают В.В. Пономаренко, Л.А. Попова, необходимо для эффективной совместной деятельности аварийно-спасательных объединений что является фундаментом профессиональной и человеческой надежности специалистов, работающих в экстремальных условиях [15; 16].

Выводы

1. Высокий уровень личностного адаптационного потенциала спасателя в целом, а также нервно-психическая устойчивость и развитые коммуникативные способности повышают успешность

его профессиональной социально-психологической адаптации. Соблюдение моральных норм поведения сотрудниками аварийно-спасательных формирований является основой адаптации к деятельности в экстремальных условиях.

2. Наиболее значимыми ценностями для всех спасателей являются материальное вознаграждение, духовное удовлетворение, достижения и социальные контакты. Однако успешность профессиональной социально-психологической адаптации повышается только в том случае, если эти ценности связаны с профессиональной, а не другими сферами жизнедеятельности. То есть спасатели, для которых важно реализовать себя в профессиональной деятельности, результативно решают задачи по спасению жизни людей, ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, получают удовлетворение от работы и достойную оценку со сто-

роны общества, имеют и более высокий уровень адаптации к профессиональной деятельности в экстремальных условиях.

3. Принятие жизни и себя, онтологическая защищенность, ответственность, наличие смысла в кризисной ситуации и концепция кризисной ситуации выступают основой осуществления как профессиональной деятельности, так и адаптации спасателей к экстремальным условиям. Успешность профессиональной адаптации специалистов повышается также благодаря дифференциации и интеграции L-смыслов и D-смыслов в концепции кризисной ситуации, принятию жизненных изменений и использованию конструктивных способов совладания с экстремальными ситуациями, пониманию жизни как возможности для реализации в большей степени бытийных мотивов и смыслов, игнорированию своих чувств и переживаний по отношению к смерти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов А.В., Шмелева Е.А., Кисляков П.А.* К проблеме оптимального взаимодействия спасателей в экстремальных ситуациях // *Современные исследования социальных проблем.* 2016. № 5 (61). С. 89–105.
2. *Александрин С.С.* Анализ профессиональной нагрузки спасателей МЧС России, гигиеническая оценка тяжести и напряженности их труда // *Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях.* 2007. № 1. С. 59–63.
3. *Баканова А.А.* Отношение к жизни и смерти в критических жизненных ситуациях : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2000. 203 с.
4. *Батуков С.А.* Формирование готовности спасателей к деятельности в чрезвычайных ситуациях // *Вестник Университета (Государственный университет управления).* 2011. № 7. С. 10–11.
5. *Богомолов А.М.* Личностный адаптационный потенциал в контексте системного анализа // *Психологическая наука и образование.* 2008. № 1. С. 67–73.
6. *Бодров В.А., Бессонова Ю.В.* Развитие профессиональной мотивации спасателей // *Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики.* 2005. № 3-2. С. 74–75.
7. *Бондарева Д.А.* Психологическое обеспечение поисково-спасательных формирований // *Научно-методический электронный журнал «Концепт».* 2014. Т. 20. С. 271–275.

8. *Каширский Д.В., Сабельникова Н.В., Овчинникова А.Н.* Ценности спасателей с различной степенью эмоционального выгорания // Психологическая наука и образование. 2013. № 2. С. 14–24.
9. *Кобзарев С.А.* Особенности влияния личностных качеств на профессиональную адаптацию спасателей // Материалы V Всероссийской научно-практической конференции «Современные подходы в оказании экстренной психологической помощи» (Москва 25 марта 2017 г.) / Под редакцией А.В. Кокурина, В.И. Екимовой, Е.А. Орловой. М.: РУСАЙНС, 2017. С. 69–72.
10. *Котенева А.В.* Психологическая защита личности. М.: МГГУ, 2013. 562 с.
11. *Кулагина И.Ю., Сенкевич Л.В.* Отношение к смерти: возрастные, региональные и гендерные различия // Культурно-историческая психология. 2013. № 4. С. 58–65.
12. *Кучеренко С.М.* Учет эмоциональных особенностей личности при подготовке спасателей к выполнению профессиональной деятельности в особых и экстремальных условиях // Проблемы обеспечения безопасности при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2014. № 1 (3). С. 488–491.
13. *Маклаков А.Г.* Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. С. 16–24.
14. *Налчаджян А.А.* Психологическая адаптация. Механизмы и стратегии. 2-е изд. М.: Эксмо, 2010. 368 с.
15. *Пономаренко В.А.* Психология духовности профессионала. М.: Пер Сэ, 2004. 256 с.
16. *Попова Л.А.* Духовно-нравственные качества спасателей // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 5. (30). С. 111–214.
17. Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / Под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. СПб.: Речь, 2007. 448 с.
18. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных / Под общ. ред. Ю.С. Шойгу. М.: Смысл, 2007. 319 с.
19. *Слотина Т.В.* Психология личности. СПб.: Питер, 2008. 304 с.
20. *Сопов В.Ф., Карпушина Л.В.* Морфологический тест жизненных ценностей // Прикладная психология. 2001. № 4. С. 9–30.
21. *Фоменко Г.Ю.* Личность в экстремальных условиях: два модуса бытия. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. 341 с.
22. *Широкова Н.П., Мельник Е.В.* Проблема формирования эмоциональной устойчивости у специалистов поисково-спасательной службы. Челябинск: Цицеро, 2017. 151 с.
23. *Chatzeaa V.-E., Sifaki-Pistollaa D., Vlachakib S.-A., Melidoniotisc E., Pistollade G.* PTSD, burnout and well-being among rescue workers: Seeking to understand the impact of the European refugee crisis on rescuers // Psychiatry Research. 2018. April. Vol. 262. P. 446–451. doi:10.1016/j.psychres.2017.09.022
24. *Mao X., Fung O.W.M., Hu X., Loke A.Y.* Psychological impacts of disaster on rescue workers: A review of the literature // International Journal of Disaster Risk Reduction. 2018. March. Vol. 27. P. 602–617. doi:10.1016/j.ijdr.2017.10.020
25. *Ogińska-Bulik N., Zadworna-Cieślak M.* The role of resiliency and coping strategies in occurrence of positive changes in medical rescue workers // International Emergency Nursing. 2018. July. Vol. 39. P. 40–45. doi:10.1016/j.ienj.2018.02.004

Features of the value-semantic sphere of rescuers with different levels of professional socio-psychological adaptation

A. V. KOTENEVA*,
Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
akoteneva@yandex.ru

S.A. KOBZAREV**,
Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
sseriyvolk@mail.ru

Currently, the research of personal resources of professional adaptation rescuers is socially significant, as extreme factors and activity conditions impose increased requirements for professionals, their professional and psychological training. The results of the empirical study of the features of adaptability, values and meanings of rescuers with different levels of professional socio-psychological adaptation are presented in the article. The survey involved 60 employees of the "Fire and rescue center", all of them are men: the average age — 38.5 years; average experience — 11.7 years. The results showed that the professional adaptation success of rescuers is largely determined by the level of personal adaptive capacity, and its specific components — neuro-mental stability, communication skills, moral normativity. The material reward, spiritual satisfaction, achievements and social contacts were the most significant values for all specialists. However, the professional socio-psychological adaptation success increases if these values relate with the professional sphere of life. Existential values (acceptance of life and itself, ontological security, responsibility, death acceptance, the presence of crisis situation meaning and its concept) are the basis for both professional activities of rescuers and their adaptation to extreme conditions. At the same time, rescuers with a high level of professional socio-psychological adaptation have such characteristics as integration of life and death meanings in their crisis situation concept, acceptance of life changes, understanding of life as an opportunity to realize existential motives and meanings, ignoring death feelings and experiences.

Keywords: professional social-psychological adaptation, personal resources, adaptive personal potential, existential values, rescuers, extreme situation.

For citation:

Koteneva A.V., Kobzarev S.A. Features of the value-semantic sphere of rescuers with different levels of professional socio-psychological adaptation. *Sotsial'naiia psikhologiiia i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 1, pp. 35–52. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100103

* *Koteneva Anna V.* — Doctor of Science in Psychology, Associate Professor, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, akoteneva@yandex.ru

** *Kobzarev Sergey A.* — master student, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, sseriyvolk@mail.ru

REFERENCES

1. Abramov A.V., Shmeleva E.A., Kislyakov P.A. K probleme optimalnogo vsaimodestviya spacatelei v ekstremal'nykh situatsiyakh [To the problem of optimal interaction of rescuers in extreme situations]. *Sovremennii issledovaniy social'nykh problem [Modern research of social problems]*, 2016, no. 5 (61), pp. 89–105.
2. Aleksanin S.S. Analiz professional'noy nagruski spacatelei MCHS Rossii, gigenicheskoi ozenka tigesty i naprigennosti ix truda [Analysis professional load of rescuers of the EMERCOM of Russia, the hygienic estimation of weight and tension of their work]. *Mediko-biologicheskie i social'no-psihologicheskie problemi besopasnosti v chresvichein'nykh situatsiyakh [Medico biological and socio-psychological problems of safety in emergency situations]*, 2007, no. 1, pp. 59–63.
3. Bakanova A.A. Otnoshenie k zhizni i smerti v kriticheskikh situatsiyakh. Diss. kand. psikhol. nauk. [Attitude to life and death in critical life situations. PhD (Psychology)]. St. Petersburg, 2000. 203 p.
4. Batukov S.A. Formirovaniye gotovnosti spacatelei k deitel'nosti v chresvichein'nykh situatsiyakh [Formation of emergency preparedness of rescuers]. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya) [Bulletin of the University (State University of management)]*, 2011, no. 7, pp. 10–11.
5. Bogomolov A.M. Individual Adaptive Potential in the Context of System Analysis. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye [Psychological Science and Education]*, 2008. no. 1, pp. 67–73. (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Bodrov V.A., Bessonova Y.V. Rasvitiye professional'noi motivatsii spacatelei [Development of professional motivation of rescuers]. *Chelovecheskii faktor: problem psikhologii i ergonomiki [The Human factor: problems of psychology and ergonomics]*, 2005, no. 3–2, pp. 74–75.
7. Bondareva D.A. Psikhologicheskoye obespecheniye poiskovo-spacatel'nykh formirovaniy [Psychological support of search and rescue units]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Concept" [Scientific-methodical electronic journal "Concept"]*, 2014. Vol. 20, pp. 271–275.
8. Kashirskiy D.V., Sabelnikova N.V., Ovchinnikova A.N. Values in rescuers with varying degrees of emotional burnout. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye [Psychological Science and Education]*, 2013. no. 2, pp. 14–24. (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Kobzarev S.A. Osobennosti vliyeniya lichnostnykh kachestv na professional'nyy adaptatsionnyy spacatelei [Features of influence of personal qualities on professional adaptation of rescuers]. Materialy Pyatoi Vserossiiskoi nauchno-practicheskoi konferentsii "Sovremennye podkhody v okasaniyakh ekstremnoi psikhologicheskoi pomochi" (g. Moskva 25 marta 2017) [Proceedings of the Fifth all-Russian Scientific and Practical Conference "Modern approaches in rendering the emergency psychological help"]. In A.V. Kokurina, V.I. Ekimova, E.A. Orlova (ed.). Moscow: RUSAINS, 2017, pp. 69–72.
10. Koteneva A.V. Psikhologicheskaya zashita lichnosti [Psychological defense of personality], Moscow: Moscow state mining University, 2013, 562 p.
11. Kulagina I.Y., Senkevich L.V. Attitudes towards Death: Age, Regional and Gender Differences. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2013. no. 4, pp. 58–65. (In Russ., abstr. in Engl.)

12. Kucherenko S.M. Uchet emozionalnix osobennostei lichnosti pri podgotovke spacatelei k vipolneniu proffesionalnoi deitelnosti v osobix i extremalnix usloviyx [Consideration of the emotional characteristics of a person in the preparation of rescuers to carry out professional activity in special and extreme conditions]. *Problemi obespecheniy bezopasnosti pri likvidazii posledstviu chresvichainix situaziyx* [Problems of safety in liquidation of consequences of emergency situations], 2014, no. 1 (3), pp. 488–491.
13. Maklakov A.G. Lichnostniy adaptivniy potencial: ego mobilizaziyi i prognozirovaniye v extremalnix usloviyx [Personal adaptational potential: its mobilization and forecasting in extreme conditions]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2001. Vol. 22, no. 1, pp. 16–24.
14. Nalchadzhyan A.A. Psikhologicheskay adaptaziyi. Mexanizmi i stratigii [Psychological adaptation. Mechanisms and strategies], 2nd ed., Moscow: Eksmo, 2010. 368 p.
15. Ponomarenko V.A. Psikhologiyi duxovnosti professionala [Psychology of spirituality of the professional], Moscow: Per Se, 2004. 256 p.
16. Popova L.A. Duxovno-nravstvennie kachestva spacatelei [Spiritually-moral qualities of rescuers]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of science, culture and education], 2011, no. 5 (30), pp. 111–214.
17. Praktikum po psikhologii menedzhmenta i professional'noi deyatel'nosti [Workshop on the psychology of management and professional activities]. In G.S. Nikiforov, M.A. Dmitrieva, V.M. Snetkov 9ED.). St. Petersburg: Rech', 2007. 448 p.
18. Psikhologiya ekstremal'nykh situatsii dlya spacatelei i pozharnykh [Psychology of extreme situations for rescuers and firefighters]. In Yu.S. Shoigu (ed.). Moscow: Smysl, 2007. 319 p.
19. Slotina T.V. Psikhologiya lichnosti [Psychology of Personality]. St. Petersburg: Piter, 2008. 304 p.
20. Sopov V.F., Karpushina L.V. Morfologicheskii test zhiznennykh tsennostei [Morphological test of life values]. *Prikladnaya psikhologiya* [Applied Psychology], 2001, no. 4, pp. 9–30.
21. Fomenko G.Yu. Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh: dva modusa bytiya [Personality in extreme conditions: two modes of being]. Krasnodar: Kubanskii gos. un-t, 2006. 341 p.
22. Shirokova N.P., Melnik E.V. Problemy formirovaniy emozionalnoy ustoichivosty u spetsialistov poiskovo-spatatelnoi sluzhbi [The problem of formation of emotional stability at specialists of search and rescue service]. Chelyabinsk: Cicero, 2017. 151 p.
23. Chatzeaa V.-E., Sifaki-Pistollaa D., Vlachakib S.-A., Melidoniotisc E., Pistollade G. PTSD, burnout and well-being among rescue workers: Seeking to understand the impact of the European refugee crisis on rescuers. *Psychiatry Research*, 2018. April. Vol. 262, pp. 446–451. doi:10.1016/j.psychres.2017.09.022
24. Mao X., Fung O.W.M., Hu X., Loke A.Y. Psychological impacts of disaster on rescue workers: A review of the literature. *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 2018. March. Vol. 27, pp. 602–617. doi:10.1016/j.ijdr.2017.10.020
25. Ogińska-Bulik N., Zadworna-Cieślak M. The role of resiliency and coping strategies in occurrence of positive changes in medical rescue workers. *International Emergency Nursing*, 2018. July. Vol. 39, pp. 40–45. doi:10.1016/j.ienj.2018.02.004

Роль типа социальной группы и особенностей самоотношения в проявлениях социальной перцепции студентов

М.В. БАЛЕВА*,
ФГБОУ ВО ПГНИУ, Пермь, Россия,
milenabaleva@yandex.ru

Статья посвящена решению проблемы разрозненных исследований социальной перцепции групп разного типа, затрудняющей понимание фундаментальных механизмов восприятия Другого. Разные типы социальных групп выступают в исследовании как объекты восприятия и представлены описанием их искусственных аналогов, выделенных по этническому, идеологическому и стратификационному критериям. В качестве опосредующего фактора социального восприятия рассматриваются особенности самоотношения субъекта. В исследовании приняли участие 307 девушек и 109 юношей в возрасте от 17 до 22 лет ($M = 18,92$; $SD = 0,93$). Обнаружено, что при восприятии социальных групп разного типа предвзятость и стереотипизация проявляются с разной степенью интенсивности. Оба этих феномена в наибольшей степени выражены при восприятии «стратификационных» групп. В отношении собственной «идеологической» группы наблюдается также более выраженный ингрупповой фаворитизм, чем для групп иного типа. Показано, что оба полюса самоотношения (самопринятие и самоотвержение) играют фасилитирующую роль в проявлении ингруппового фаворитизма (предвзятости), но не «участвуют» в процессах аутгрупповой стереотипизации.

Ключевые слова: социальная перцепция, искусственная группа, типы социальных групп, самоотношение, ингрупповая предвзятость, аутгрупповая стереотипизация.

Введение

Феномен социального восприятия является одним из наиболее интересных и

показательных с точки зрения выраженной асимметрии восприятия себя и Другого, своей и чужой социальной группы. Проявлениями данной асимметрии вы-

Для цитаты:

Балева М.В. Роль типа социальной группы и особенностей самоотношения в проявлениях социальной перцепции студентов // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 1. С. 53–69. doi: 10.17759/sps.2019100104

* Балева Милена Валерьевна — кандидат психологических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет (ФГБОУ ВО ПГНИУ), Пермь, Россия, milenabaleva@yandex.ru

ступают феномены стереотипизации и предвзятости. Первый проявляется в том, что члены своей группы воспринимаются более дифференцированно и индивидуалистично, а члены чужой группы — более слитно («все одинаковые», «на одно лицо») [17; 19; 24]. Ингрупповая предвзятость проявляется в тенденции переоценивать свою группу по разным параметрам — как с точки зрения преобладания позитивных и слабой выраженности негативных характеристик [20; 25], так и в контексте этноцентризма, т. е. приписывания ей большей значимости [21], заслуг [9], более древнего происхождения [10; 11] и «нормальности» [22].

Несмотря на широкую распространенность данных феноменов в повседневном общении, их фиксацию в многочисленных исследованиях, интерес к ним не ослабевает [см.: 16; 18]. Это связано, с одной стороны, с неблагоприятными социальными последствиями данных феноменов (ксенофобии, расизма, социальной напряженности), а с другой стороны, — с их обусловленностью рядом дополнительных факторов, помимо осознания своей принадлежности к определенной группе. Другими словами, являясь комплексно обусловленным феноменом, социальная перцепция открывает все новые и новые исследовательские перспективы. Вместе с тем, в ее изучении наблюдается досадная, на наш взгляд, тенденция: образы социальных объектов все чаще рассматриваются в рамках единичных группообразующих категорий. Группы, выделенные по профессиональному, этническому, гендерному, возрастному и др. критериям исследуются изолированно с точки зрения формирования их содержательных образов. При этом не ставится задача целостного понимания закономерностей формирования восприятия Другого. Более того, в исследованиях

такого типа социальные объекты далеко не всегда изучаются в контексте четко заданного ментального пространства «Я—Другой», что лишает их необходимого экспериментального контраста и, соответственно, снижает фундаментальную составляющую обнаруживаемых эмпирических фактов. На наш взгляд, данная проблема может быть решена при условии исследования социальной перцепции на примере искусственно сконструированных социальных групп, отношение к которым не опосредовано ранее сформировавшимися установками. При этом искусственные группы должны (а) быть выделены по тем же критериям, что и реальные социальные группы и (б) сопоставляться между собой по показателям стереотипизации и предвзятости. Следует отметить, что термины «реальная» и «искусственная» в отношении групп имеют в нашем исследовании специфическое значение. Критерием для выделения данных типов социальных объектов является их потенциальная узнаваемость для субъекта восприятия. В этом смысле реальная группа представляет собой знакомую, встречавшуюся ранее в опыте субъекта, а искусственная — принципиально неизвестную ему ранее социальную общность. С точки зрения распространенной в социальной психологии классификации, опирающейся на критерий формы жизнедеятельности группы [1, с. 116], оба типа выделяемых нами групп относятся к категории условных.

Еще одной проблемой исследований социальной перцепции на сегодняшний день является недостаточное внимание к ее идентификационному контексту. На наш взгляд, простое разделение на «своих» и «чужих» не в полной мере задает позицию субъекта в пространстве восприятия. Условная «точка нахождения»

внутри или вне группового пространства является фактором, который, как известно, может в определенной степени приниматься или отвергаться (обесцениваться) субъектом. Более надежной и предсказуемой позицией восприятия является общая Я-концепция субъекта. Несмотря на вероятность флуктуации ее отдельных составляющих (физической, социальной, интеллектуальной и др.), общее самоотношение является более базовым образованием, определяемым их совокупностью. Таким образом, включение данного параметра в исследования социальной перцепции представляется оправданным с точки зрения проясненности позиционного ядра субъекта как представителя конкретной социальной группы. Вопрос, который требует эмпирической определенности в этом ключе, связан с выяснением роли общей валентности Я-концепции в процессах социального восприятия. Речь идет о роли глобального самоотношения, представленного полюсами самопринятия и самоотвержения, как вероятном диспозиционном факторе социального восприятия. В исследовании В.В. Хромова [8] получены данные о том, что высокий уровень самопринятия способствует высокой точности социальной перцепции при прогнозе поведения Другого, что можно трактовать как его дифференцированное (нестереотипное) восприятие. В исследовании Т.А. Рябиченко [6] обнаружено, что ценность «Самоутверждение», связанная с эгоцентрическим полюсом Я и предполагающая высокий уровень самопринятия, определяет особый тип отношения к Другому, а именно ориентацию на ассимиляцию с его культурой, что может прогнозировать низкий уровень ингрупповой предвзятости.

В ряде исследований вопрос о роли самоотношения поднимался в контек-

сте «восходящего» сравнения, т. е. сопоставления себя с людьми, превосходящими по ряду оцениваемых параметров. Л.Г. Почебут и Д.С. Безносков [4] отмечают, что восприятие Другого по сравнению с собой как более сильного или слабого партнера может определять стратегию отношения к нему в терминах толерантности—интолерантности. В зарубежных исследованиях были получены противоречивые данные об эффектах такого типа сравнений. С одной стороны, они проявляются в ухудшении настроения и самооценки [13; 23; 26]. С другой стороны, наблюдаются эмоционально позитивные и повышающие самооценку последствия данного процесса [12; 14; 15]. С учетом данных противоречий, а также того факта, что оценочное отношение к себе недостаточно изучено в контексте социальной перцепции групп, исследование роли самоотношения в процессах стереотипизации и предвзятости представляется актуальным.

Организация и методы исследования

Целью настоящего исследования является изучение эффектов разных типов социальных групп (на примере их искусственных аналогов) и особенностей самоотношения субъекта на проявления аутгрупповой стереотипизации и ингрупповой предвзятости.

В исследовании выдвигаются следующие *гипотезы*.

1. Выраженность аутгрупповой стереотипизации и ингрупповой предвзятости различается в зависимости от типа воспринимаемых социальных групп.

2. Особенности самоотношения субъекта опосредуют выраженность феноме-

нов социальной перцепции, в большей степени проявляясь в предвзятости, чем в стереотипизации¹.

Участники исследования. В исследовании приняли участие студенты Пермского государственного национального исследовательского университета, обучающиеся на 1–3-м курсах. В выборки для исследования феномена стереотипизации (исследование 1) и прототипизации (исследование 2) вошло разное количество человек. В первом случае число испытуемых составило 155, из них – 113 девушек и 42 (27,1%) юноши в возрасте от 17 до 22 лет ($M = 18,90$; $SD = 0,96$). Во втором случае – 261 человек, из них 194 девушки и 67 (25,7%) юношей в возрасте от 17 до 22 лет ($M = 18,92$; $SD = 0,90$). Участие в исследовании было добровольным. Каждый испытуемый подписывал согласие на обработку персональных данных.

Диагностический инструментарий.

В качестве основных социальных групп, составляющих перцептивное поле субъекта, в нашем исследовании изучались «этнические», «идеологические» и «стратификационные» группы, представленные их искусственными (не существующими в реальности) аналогами. Для соблюдения единообразия стимульного материала описание всех групп было представлено в виде специально сконструированной научно-популярной статьи (скриншот из Интернета) с описанием проявления неких диаметрально противоположных ха-

рактеристик людей, обнаруживающихся в процессе их деятельности. Критериями для выделения противоположных характеристик двух групп, описанных в каждом из четырех текстов, выступили: 1) врожденные физиологические особенности, 2) устоявшиеся убеждения и 3) статусные предпочтения. Выбор данных критериев был обусловлен их ролью в формировании естественных (реально существующих) «этнических», «идеологических» и «стратификационных» групп соответственно.

Стимульным суррогатом «этнических» групп стало описание людей, имеющих врожденную (индивидуальную) способность определенным образом реагировать на звуки низкой и высокой частоты. Данное описание содержалось в двух идентичных текстах, один из которых включал дополнительную информацию о том, что такую способность можно определить по внешнему виду человека: цвету волос и чертам лица². Аналог идеологических групп был представлен описанием отношения к другим людям как к соперникам или соратникам. Данное убеждение, на наш взгляд, является наиболее близким для формирования таких реальных «идеологических» групп, как социалисты и либералы, сторонники жесткой и мягкой внешней политики, представители противоположных религиозных, гендерных и других пропагандируемых взглядов, выражаемых в виде устойчивых ключевых идей. Наконец,

¹ Об основаниях такой формулировки гипотезы подробнее см. [2].

² Включение данной информации в один из текстов, описывающих аналоги «этнических» групп, было обусловлено следующим обстоятельством. Реальная этническая принадлежность человека может быть внешне заметной (фенотипически явной) и скрытой (фенотипически неявной). Так, например, для субъекта русской национальности принадлежность Другого к национальности азиатского типа является фенотипически явной в отличие от его принадлежности к национальности славянского типа. Вместе с тем сопоставление выраженности стереотипизации и предвзятости при восприятии «фенотипически явных» и «фенотипически неявных» социальных групп не выявило статистически значимых различий между ними.

искусственные «стратификационные» группы, выражающие принадлежность людей к части населения с низким или высоким уровнем доходов, были представлены описанием личных предпочтений к использованию в процессе работы дорогих («высокостатусных») и дешевых («низкостатусных») вещей.

Аутгрупповая стереотипизация измерялась с помощью вербальной процедуры описания единичного представителя каждой из представленных в стимульном тексте групп [22] путем выбора обобщенно-личностных (например, «упрямый») и/или конкретно-поведенческих (например, «категорически отказался принять точку зрения партнера») вариантов описания. Преобладание первых над вторыми расценивалось как выраженность стереотипизации и было существенно выше для аутгруппы, чем для ингруппы ($t = 4,41$; $p < 0,001$), что подтверждает валидность данного инструментария. Математически показатель стереотипизации аутгруппы вычислялся как разность числа отмеченных испытуемым обобщенно-личностных и конкретно-поведенческих характеристик при описании ее отдельного представителя.

Ингрупповая предвзятость также измерялась с помощью вербальной процедуры [22], в основе которой лежит феномен прототипизации ингруппы, т. е. приписывания ей (в отличие от аутгруппы) характеристик, свойственных «людям вообще» либо представителям прототипической (общей для обеих групп) группы [10; 11]. Математически прототипизация определялась через подсчет числа совпадений качеств, с помощью которых испытуемые описывали «свою» или «чужую» группу, с качествами, которые они приписывали протогруппе. Разница в количестве данных совпадений для «своей» и «чужой» группы использовалась как показатель

прототипизации. Сравнительный анализ показал, что количество таких совпадений было значимо выше для ингруппы, чем для аутгруппы ($t = 7,17$; $p < 0,001$), что подтверждает корректность измерения ингруппового фаворитизма через показатель прототипизации.

Самоотношение измерялось с помощью стандартизированной методики «Опросник самоотношения» [7], представленной показателями «Самопринятие» и «Самоотвержение».

Процедура. В начале исследования участники отвечали на вопросы стандартизированной методики «Опросник самоотношения». После этого им предъявлялись стимульные тексты, описывающие искусственные аналоги социальных групп (каждый испытуемый получал только один текст). После прочтения текста предлагалось определить свою наиболее вероятную принадлежность к одной из описанных групп, что позволяло зафиксировать для каждого участника ингруппу и аутгруппу. Далее респонденты заполняли методики, направленные на измерение предвзятости и стереотипизации.

Анализ данных. Анализ данных осуществлялся в программе Statistica 10 и проходил в несколько этапов. До начала основных анализов была произведена оценка нормальности распределения показателей, а также кластеризация испытуемых по переменным «Самопринятие и самоотвержение». В результате кластерного анализа были выделены контрастные группы испытуемых, имеющих статистически значимые различия как по выраженности самопринятия ($F = 214,68$; $p < 0,001$), так и по выраженности самоотвержения ($F = 377,10$; $p < 0,001$).

В качестве основного анализа использовался двухфакторный ANOVA. С его помощью анализировались главные

(одиночные) эффекты факторов типа группы и уровня показателей самоотношения на переменные стереотипизации и предвзятости, а также совместные эффекты (взаимодействия) данных факторов по указанным переменным.

Результаты

Данные описательной статистики свидетельствовали о том, что значения асим-

метрии и эксцесса исследуемых показателей не превышали критические значения ($A = |0,58|$ при $N = 155$; $A = |0,45|$ при $N = 261$; $E = |1,87|$ при $N = 155$; $E = |1,47|$ при $N = 261$) [5].

Исследование 1

В табл. 1 представлены итоги анализа одиночных и совместных эффектов показателей типа воспринимаемой социальной группы и самоотношения на выраженность стереотипизации.

Таблица 1

Одиночные и совместные эффекты (взаимодействия) типа воспринимаемой социальной группы и самоотношения на выраженность стереотипизации

Независимые переменные (факторы) и их уровни	Выраженность стереотипизации		F	p	Критерий Левена	
	Среднее значение	Стандартная ошибка				
Тип социальной группы: одиночный эффект (df = 3, 151)						
Этническая, фенотипически неявная	2,39	0,30	2,94	0,035	0,88*	
Этническая, фенотипически явная	2,38	0,33				
Идеологическая	2,11	0,28				
Стратификационная	3,08	0,22				
Самопринятие: одиночный эффект (df = 1, 153)						
Низкий уровень	2,57	0,17	0,03	0,854	0,11*	
Высокий уровень	2,62	0,24				
Самоотвержение: одиночный эффект (df = 1, 153)						
Низкий уровень	2,48	0,20	0,53	0,466	0,01*	
Высокий уровень	2,68	0,19				
Тип социальной группы × Самопринятие: совместный эффект / взаимодействие (df = 3, 147)						
<i>Группа</i>	<i>Самопринятие</i>					
Этническая, фенотипически неявная	Низкий уровень	2,43	0,37	0,78	0,509	1,26*
	Высокий уровень	2,33	0,49			
Этническая, фенотипически явная	Низкий уровень	2,58	0,39			
	Высокий уровень	1,86	0,64			
Идеологическая	Низкий уровень	2,17	0,35			
	Высокий уровень	2,00	0,47			
Стратификационная	Низкий уровень	2,89	0,28			
	Высокий уровень	3,43	0,37			

Независимые переменные (факторы) и их уровни		Выраженность стереотипизации		F	p	Критерий Левена
		Среднее значение	Стандарт- ная ошибка			
Тип социальной группы × Самоотвержение: совместный эффект / взаимодействие (df = 3, 147)						
<i>Группа</i>	<i>Самоотвержение</i>					
Этническая, фенотипически неясная	Низкий уровень	2,47	0,41	0,29	0,834	1,63*
	Высокий уровень	2,31	0,43			
Этническая, фенотипически явная	Низкий уровень	2,17	0,49			
	Высокий уровень	2,57	0,46			
Идеологическая	Низкий уровень	2,12	0,41			
	Высокий уровень	2,10	0,38			
Стратификационная	Низкий уровень	2,85	0,33			
	Высокий уровень	3,28	0,30			

Примечание: критерий Левена (F) незначим: «*» – $p > 0,10$.

Оценка дисперсий выделенных групп по критерию Левена выявила возможность их сопоставления.

Анализ эффектов типа воспринимаемой социальной группы и самоотношения на выраженность стереотипизации показал наличие единственного статистически значимого одиночного эффекта первого фактора на выраженность стереотипизации ($F = 2,94$; $p < 0,05$). Сравнительный анализ различий средних значений (post hoc анализ) свидетельствовал о более высокой выраженности стереотипизации при восприятии «стратификационной», чем «этнических» ($p < 0,10$) и «идеологических» ($p < 0,01$) групп. Это свидетельствует о том, что единичный представитель «стратификационной» аутгруппы воспринимается как менее уникальный, более похожий на ее остальных членов, чем единичные представители «этнических» и «идеологических» аутгрупп. При этом особенности самоотношения субъекта восприятия не играют значимой роли в формировании стереотипного образа данных социальных объектов.

Исследование 2

В табл. 2 представлены итоги анализа одиночных и совместных эффектов показателей типа воспринимаемой социальной группы и самоотношения на выраженность ингруппового фаворитизма.

Оценка дисперсий выделенных групп по критерию Левена выявила возможность их сопоставления.

Одиночный эффект типа воспринимаемой социальной группы на ингрупповой фаворитизм ($F = 4,21$; $p < 0,01$) позволяет утверждать, что в отношении «идеологической» и «стратификационной» ингрупп наблюдается более выраженная ингрупповая предвзятость, чем в отношении «этнических» ингрупп. При этом особенно высокая предвзятость имеет место в отношении «стратификационной» ингруппы по сравнению с обеими «этническими» группами ($p < 0,10$ и $p < 0,01$ соответственно).

Значимый одиночный эффект самоприятия на ингрупповой фаворитизм ($F = 3,95$; $p < 0,05$) и незначимое взаимодействие факторов «самопринятие»

Таблица 2

Одиночные и совместные эффекты (взаимодействия) типа воспринимаемой социальной группы и самооотношения на выраженность ингруппового фаворитизма

Независимые переменные (факторы) и их уровни		Выраженность ингруппового фаворитизма (прототипизации)		F	p	Критерий Левена	
		Среднее значение	Стандартная ошибка				
Тип социальной группы: одиночный эффект (df = 3, 257)				4,21	0,006	1,56*	
Этническая, фенотипически неявная		0,63	0,24				
Этническая, фенотипически явная		0,02	0,27				
Идеологическая		1,04	0,23				
Стратификационная		1,19	0,24				
Самопринятие: одиночный эффект (df = 1, 259)				3,95	0,048	3,49**	
Низкий уровень		0,59	0,15				
Высокий уровень		1,10	0,21				
Самоотвержение: одиночный эффект (df = 1, 259)				5,22	0,023	0,98*	
Низкий уровень		0,46	0,18				
Высокий уровень		1,02	0,17				
Тип социальной группы x Самопринятие: совместный эффект / взаимодействие (df = 3, 253)				0,56	0,644	1,26*	
<i>Группа:</i>		<i>Самопринятие:</i>					
Этническая, фенотипически неявная		Низкий уровень	0,45				0,31
		Высокий уровень	0,89				0,38
Этническая, фенотипически явная		Низкий уровень	-0,19				0,33
		Высокий уровень	0,47				0,47
Идеологическая		Низкий уровень	0,72				0,29
		Высокий уровень	1,64				0,39
Стратификационная		Низкий уровень	1,17	0,29			
		Высокий уровень	1,22	0,41			
Тип социальной группы x Самоотвержение: совместный эффект / взаимодействие (df = 3, 253)				2,75	0,043	1,34*	
<i>Группа:</i>		<i>Самоотвержение:</i>					
Этническая, фенотипически неявная		Низкий уровень	0,81				0,37
		Высокий уровень	0,50				0,30
Этническая, фенотипически явная		Низкий уровень	0,04				0,38
		Высокий уровень	0,00				0,37
Идеологическая		Низкий уровень	0,51				0,32
		Высокий уровень	1,60				0,33
Стратификационная		Низкий уровень	0,43	0,36			
		Высокий уровень	1,71	0,30			

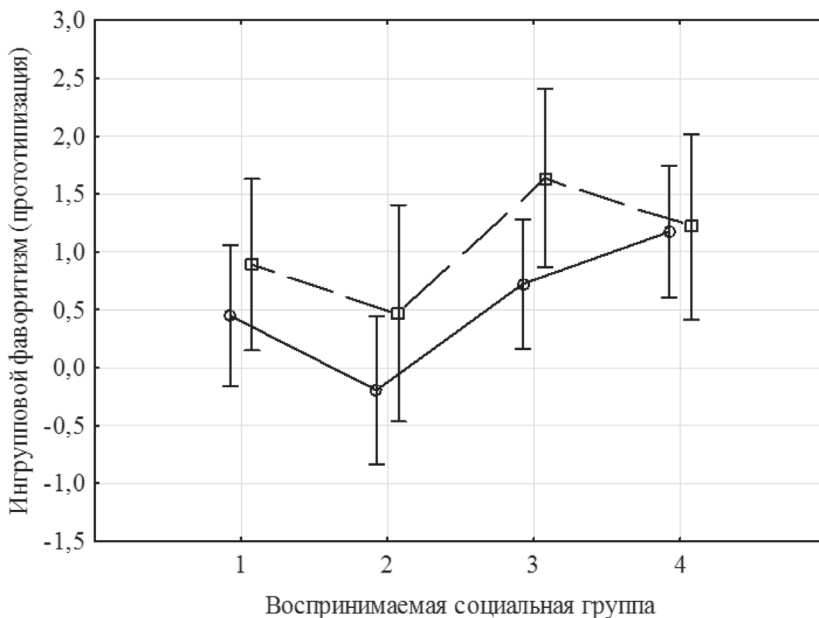
Примечание: критерий Левена (F) незначим: «*» – $p > 0,10$; «**» – $p > 0,06$.

и «тип социальной группы» по данной переменной ($F = 0,56; p > 0,10$) позволяют сделать вывод о том, что в целом при восприятии социальных групп ингрупповая предвзятость значимо выше при высоком, чем при низком уровне самопринятия. Данная закономерность обнаруживается на уровне тенденции при восприятии «идеологических» групп ($p < 0,10$) и на уровне общего тренда при восприятии групп других исследуемых типов (рис. 1).

Значимый одиночный эффект самоотвержения на ингрупповой фаворитизм

($F = 5,22; p < 0,05$) и значимое взаимодействие факторов «самоотвержение» и «тип социальной группы» по данной переменной ($F = 2,75; p < 0,05$) позволяют заключить, что в целом ингрупповая предвзятость выше при высоком, чем при низком уровне самоотвержения. Вместе с тем *post hoc*-анализ средних значений ингруппового фаворитизма при разных уровнях факторов «тип социальной группы» и «уровень самоотвержения» показал, что данная закономерность справедлива лишь в отношении «идеоло-

Воспринимаемая социальная группа:

- 1 – этническая, фенотипически неявная;
- 2 – этническая, фенотипически явная;
- 3 – идеологическая;
- 4 – стратификационная.

Уровень самопринятия:

- низкий;
- высокий

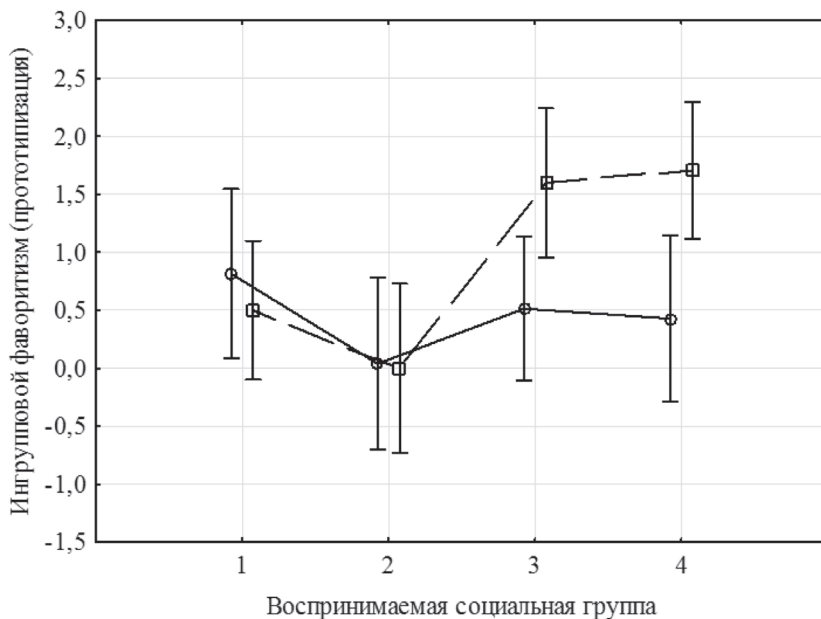
Рис. 1. Выраженность ингруппового фаворитизма при разном уровне самопринятия в условиях восприятия социальных групп разного типа

гической» ($p < 0,05$) и «стратификационной» ($p < 0,01$) групп, но не проявляется в процессе социальной перцепции «этнических» групп (рис. 2). Другими словами, высокий уровень самоотвержения способствует росту ингрупповой предвзятости в отношении собственной «идеологической» и «стратификационной» групп и не изменяет ее уровень в отношении собственной «этнической» группы. При низком уровне самоотвержения ингрупповая предвзятость не обнаруживает статистически значимых различий

при восприятии социальных групп разного типа ($p > 0,10$).

Обсуждение

Проведенное нами исследование выявило несколько эмпирических фактов, проясняющих суть ингруппового фаворитизма (предвзятости) и стереотипизации как основных феноменов социальной перцепции. Прежде всего обнаружено, что ингрупповая предвзятость и стереоти-

Воспринимаемая социальная группа:

- 1 – этническая, фенотипически неявная;
- 2 – этническая, фенотипически явная;
- 3 – идеологическая;
- 4 – стратификационная.

Уровень самопринятия:

- — — — — низкий;
- - - - - высокий

Рис. 2. Выраженность ингруппового фаворитизма при разном уровне самоотвержения в условиях восприятия социальных групп разного типа

пизация проявляются с разной степенью интенсивности при восприятии социальных групп разного типа. Оказалось, что оба этих феномена в наибольшей степени выражены при восприятии отдельных представителей и целых групп, выделенных по стратификационному критерию. В отношении собственной «идеологической» группы наблюдается также более выраженный ингрупповой фаворитизм. Эти результаты свидетельствуют, прежде всего, о том, что приобретенные характеристики человека (его убеждения и социальный статус) являются более существенным основанием для разграничения «своих» и «чужих», чем врожденные характеристики. По всей видимости, это можно объяснить особенностями социальной атрибуции, которая отражает явную «непричастность» объекта восприятия к проявлению врожденных физиологических характеристик и его субъектную активность при формировании убеждений и стиля жизни. Соответственно, можно предположить, что не этническая принадлежность сама по себе, а ассоциативно связанные с ней коннотативные характеристики, имеющие мифологическое, идеологическое и иное культурное происхождение, определяют степень «инаковости» социального объекта, что выражается в предвзятом и стереотипном отношении к нему. Данное предположение, однако, нуждается в эмпирической проверке — например, через конструирование искусственного культурного мифа в отношении вымышленной социальной группы, выделенной по надуманному признаку типа толщины ушных мочек или формы позвоночника. Косвенным образом высказанное предположение подтверждается известными историческими фактами — например, средневековым преследованием ведьм или антисемитизмом.

В то же время, более высокая выраженность стереотипизации и предвзятости в отношении «идеологических» и «стратификационных», чем в отношении «этнических» групп может иметь альтернативную интерпретацию. На наш взгляд, человек, относящийся к другим людям как к соперникам/соратникам, а также человек, предпочитающий «высококачественные»/«низкостатусные» вещи, хоть и не принадлежат к формально существующим группам, но все же являются вполне узнаваемыми объектами, которые гипотетически могли встречаться субъекту восприятия. На уровне здравого смысла субъект приписывает «идеологическому» объекту некие коммуникативные и характерологические характеристики, а «статусному» объекту — определенные черты, связанные с отношением к деньгам, престижу. В отличие от них социальные объекты, обладающие случайными физиологическими особенностями, сложно классифицируются и с трудом могут быть наделены дополнительными чертами. Другими словами, более узнаваемые социальные объекты легче категоризируются, а соответственно разделяются на «своих» и «чужих» [подробнее о роли узнаваемости (апперцептивности) субъекта социального восприятия см.: 3].

Второй важный факт, обнаруженный в нашем исследовании, заключается в том, что самоотношение играет значимую роль в формировании предвзятости, но при этом никак не связано со стереотипизацией социального объекта. На наш взгляд, этот факт согласуется с выявленной ранее обусловленностью стереотипизации когнитивными, а предвзятости — мотивационными (контекстно-ситуационными) факторами [2] и объясняется различными механизмами, лежащими в основе этих перцептивных феноменов.

Третий значимый факт, обнаруженный в нашем исследовании, заключается в фасилитирующей роли самоотношения в формировании ингруппового фаворитизма. Было показано, что и самопринятие, и самоотвержение способствуют росту ингрупповой предвзятости, что является, на первый взгляд, парадоксальным. С нашей точки зрения, данное противоречие снимается при рассмотрении самопринятия и самоотвержения как относительно независимых друг от друга, а не реципрокных процессов. В подтверждение правомерности такой трактовки отметим, что в обоих исследованиях коэффициенты корреляций данных показателей оставались на умеренном уровне ($r = -0,30$ в исследовании 1 и $r = -0,41$ в исследовании 2). Можно предположить, что высокий уровень самопринятия связан с позитивным отношением к разным проявлениям Я, в том числе к Я-социальному, которое приобретает более отчетливую положительную оценку на фоне низкой оценки аутгрупп. В свою очередь, высокий уровень самоотвержения можно рассматривать как частное проявление критического мышления. Вероятно, данная характеристика может проявляться не только как элемент самовосприятия, но и как устойчивая особенность социального восприятия в целом. Примечательно, что при высоком самоотвержении усиление ингруппового фаворитизма наблюдается в отношении «идеологических» и «стратификационных», но не «этнических» групп. Скорее всего, это объясняется наличием «веских оснований» для критичного, негативного отношения к первым двум группам по сравнению с третьей, что связано, с одной стороны, с их большей узнаваемостью и проясненностью образов, а с другой стороны, — с более вероятной субъектностью их членов в определении групповой специфики.

Заключение

Полученные результаты можно обобщить в следующих основных выводах.

1. Выраженность ингрупповой предвзятости (фаворитизма) и аутгрупповой стереотипизации различается в зависимости от типа воспринимаемых искусственных социальных групп. Ингрупповая предвзятость проявляется в большей степени при восприятии «идеологических» и «стратификационных» групп. В отношении последних наблюдаются также более высокие проявления аутгрупповой стереотипизации.

2. Самоотношение играет выраженную роль в формировании предвзятости, однако не связано со стереотипизацией искусственных групп.

3. Самопринятие и самоотвержение обнаруживают сходный (фасилитирующий) эффект на выраженность ингрупповой предвзятости в отношении искусственных групп определенного типа.

В целом, наше исследование позволяет заключить, что факторами, определяющими восприятие и общее отношение к социальным группам, выступают степень идентификационной субъектности членов аутгрупп, а также уровень апперцептивности (узнаваемости) их образов. Предвзятое отношение к аутгруппам определенного типа может усиливаться как на фоне выраженного самопринятия, так и на фоне высокого самоотвержения субъекта восприятия.

Полученные результаты могут использоваться при разработке программ бесконфликтного межгруппового взаимодействия, повышение эффективности которых лежит в плоскости активизации идентификационных характеристик объекта восприятия а также осознания его роли в выборе группы членства.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 16-16-59006.

Благодарности

Автор благодарит за помощь в сборе данных для исследования исполнителей проекта В.А. Гасимову и Г.В. Ковалеву.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. Учебник для высш. учеб. заведений. М.: Аспект Пресс, 2001. 384 с.
2. *Балева М.В.* Когнитивно-стилевые и контекстные факторы ингрупповой предвзятости и аутгрупповой стереотипизации при восприятии искусственных социальных групп // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 2. С. 67–84. doi:10.17759/sps.2017080205
3. *Балева М.В.* Функциональная дихотомия социальной перцепции Другого: постановка проблемы и состояние исследований // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, В.А. Кольцова. М.: Институт психологии РАН, 2017. С. 1778–1786.
4. *Почебут Л.Г., Безносков Д.С.* Ассертивность и толерантность в межкультурном взаимодействии // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 3. С. 8–19. doi:10.17759/sps.2017080302
5. *Пустыльник Е.И.* Статистические методы анализа и обработки наблюдений. М.: Наука, 1968. 288 с.
6. *Рябиченко Т.А.* Ассимиляция или интеграция: роль ценностей «Самоутверждение» // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 3. С. 93–104. doi:10.17759/sps.2016070307
7. *Столин В.В., Пантилеев С.Р.* Опросник самоотношения // Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы. М.: Изд-во Московского университета, 1988. С. 123–130.
8. *Хромов В.В.* Самопринятие как фактор социальной перцепции // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Череповецкие научные чтения-2016» (г. Череповец, 16–17 ноября 2016 г.). Череповец: Череповецкий государственный университет. 2017. С. 154–156.
9. *Ancok D., Chertkoff J.M.* Effects of group membership, relative performance, and self-interest on the division of outcomes // Journal of Personality and Social Psychology. 1983. Vol. 45. P. 1256–1262. doi:10.1037/0022-3514.45.6.1256
10. *Bianchi M., Machunsky M., Steffens M.C., Mummendey A.* Like me or like us: Is ingroup projection just social projection? // Experimental Psychology. 2009. Vol. 56. P. 198–205. doi:10.1027/1618-3169.56.3.198
11. *Bianchi M., Mummendey A., Steffens M.C., Yzerbyt V.* What do you mean by “European”? Evidence of spontaneous ingroup projection // Personality and Social Psychology Bulletin. 2010. Vol. 36. P. 960–974. doi:10.1177/0146167210367488
12. *Brewer M.B., Weber J.G.* Self-evaluation effects of interpersonal versus intergroup social comparison // Journal of Personality and Social Psychology. 1994. Vol. 66. P. 268–275. doi:10.1037/0022-3514.66.2.268

13. *Brickman P., Bulman R.* Pleasure and pain in social comparison // Social comparison processes: Theoretical and empirical perspectives / J. Suls, R. L. Miller (Eds.). New York: Hemisphere, 1977. P. 149–186.
14. *Brown J.D., Novick, N.J. Lord K.A., Richards J.M.* When Gulliver travels: Social context, psychological closeness, and self-appraisals // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. Vol. 62. P. 717–727. doi:10.1037/0022-3514.62.5.717
15. *Buunk B., Collins, R., Taylor, S., Dakof, G., Van Yperen, N.* The affective consequences of social comparison: Either direction has its ups and downs // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. Vol. 59. P. 1238–1249. doi:10.1037/0022-3514.59.6.1238
16. *Chen C.Y., Purdie-Vaughns V., Phelan J.C., Yu G., Yang L.H.* Racial and mental illness stereotypes and discrimination: An identity-based analysis of the Virginia Tech and Columbine shootings // Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology. 2015. Vol. 21 (2). P. 279–287. doi:10.1037/a0037881
17. *Correll J., Wittenbrink B., Crawford, M., Sadler M.* Stereotypic vision: How stereotypes disambiguate visual stimuli // Journal of Personality and Social Psychology. 2015. Vol. 108 (2). P. 219–233. doi:10.1037/pspa0000015
18. *Cortland C.I., Craig M.A., Shapiro J.R., Richeson J.A., Neel R., Goldstein N.J.* Solidarity through shared disadvantage: Highlighting shared experiences of discrimination improves relations between stigmatized groups // Journal of Personality and Social Psychology. 2017. Vol. 113 (4). P. 547–567. doi:10.1037/pspi0000100
19. *Fiske S.T., Neuberg S.L.* A continuum of impression formation from category based to individuating processes: Influences of information and motivation on attention and interpretation // Advances in Experimental Social Psychology. 1990. Vol. 23. P. 1–74. doi:10.1016/S0065-2601(08)60317-2
20. *Hewstone M.* The “ultimate attribution error”? A review of the literature on intergroup causal attribution // European Journal of Social Psychology. 1990. Vol. 20. P. 311–335. doi: 10.1002/ejsp.2420200404
21. *Iyer A., Leach C.W.* Emotion in inter-group relations // European Review of Social Psychology. 2008. Vol. 19. P. 86–125. doi: 10.1080/10463280802079738
22. *Machunsky M., Meiser T.* Cognitive components of ingroup projection: Prototype projection contributes to biased prototypicality judgments in group perception // Social Psychology. 2014. Vol. 45 (1). P. 15–30. doi:10.1027/1864-9335/a000156
23. *Pyszczynski T., Greenberg J., LaPrelle J.* Social comparison after success and failure: Biased search for information consistent with a self-serving conclusion // Journal of Experimental Social Psychology. 1985. Vol. 21. P. 195–211. doi:10.1016/0022-1031(85)90015-0
24. *Stern L.S., Marrs S., Millar M.F., Cole E.* Processing time and the recall of inconsistent and consistent behaviors of individuals and groups // Journal of Personality and Social Psychology. 1984. Vol. 47. P. 253–262. doi:10.1037/0022-3514.47.2.253
25. *Weber J.G.* The nature of ethnocentric attribution bias: In-group protection or enhancement? // Journal of Experimental Social Psychology. 1994. Vol. 30. P. 482–504. doi:10.1006/jesp.1994.1023
26. *Wills T.A.* Downward comparison principles in social psychology // Psychological Bulletin. 1981. Vol. 90. P. 245–271. doi:10.1037/0033-2909.90.2.245

The role of the group type and the characteristics of self-attitude in students' social perception

M. V. BALEVA*,

Perm State University, Perm, Russian Federation,
milnabaleva@yandex.ru

The article deals with the problem of disparate studies in social perceptions of different types of groups, which impede the understanding of its fundamental mechanisms. Different types of social groups appear in the research as stimulus descriptions of their artificial analogues, singled out according to ethnic, ideological and stratification criteria. As a mediating factor of social perception, the features of subject's self-attitude (self-acceptance and self-rejection) are considered. The study involved 307 females and 109 males from 17 to 22 years old ($M = 18.92$, $SD = 0.93$). It was found that perceiving of different types of social groups determines the varying degrees of stereotyping and bias intensity. Both of these phenomena are most observable for the groups identified by stratification criterion. Ingroup favoritism is also more conspicuous for the subject's "ideological" ingroup in comparison with the groups of different types. It was also shown that self-attitude plays a facilitating role in the manifestations of ingroup favoritism: both self-acceptance and self-rejection contribute to the growth of perceptual bias, but do not "participate" in outgroup stereotyping.

Keywords: social perception, artificial group, types of social groups, self-attitude, ingroup bias, outgroup stereotyping.

Funding

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 16-16-59006.

Acknowledgements

The author is grateful for assistance in data collection to Gasimova V.A and Kovaleva G.V.

REFERENCES

1. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya [Social psychology]. Uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedenii. Moscow: Aspekt Press Publ., 2001. 384 p. (In Russ.).
2. Baleva M.V. Kognitivno-stilevye i kontekstnye faktory ingruppovoi predvzyatosti i autgruppovoi stereotipizatsii pri vospriyatii iskusstvennykh sotsial'nykh grupp [Cognitive styles and contextual variables as the factors of ingroup bias and outgroup stereotyping in the perception of artificial social groups]. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. 2019. Vol. 10. no. 1, pp. 53–69. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100104

For citation:

Baleva M.V. The role of the group type and the characteristics of self-attitude in students' social perception. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019. Vol. 10. no. 1, pp. 53–69. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100104

* *Baleva Milena V.* — PhD in Psychology, Associate Professor, Perm State University, Perm, Russia, milnabaleva@yandex.ru

- Psychology and Society*, 2017. Vol. 8, no. 2, pp. 67–84. doi:10.17759/sps.2017080205 (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Baleva M.V. Funktsional'naya dikhotomiya sotsial'noi pertseptsii Drugogo: postanovka problemy i sostoyanie issledovaniya [Functional duality of social perception of the Other: the main theses of research problem]. In A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'tsova (ed.). *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya sovremennoi psikhologii: rezul'taty i perspektivy razvitiya* [Fundamental and applied research of modern psychology: results and prospects of development]. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2017, pp. 1778–1786. (In Russ.).
  4. Pochebut L.G., Beznosov D.S. Assertivnost' i tolerantnost' v mezhkul'turnom vzaimodeistvii [Assertiveness and tolerance in cross-cultural interaction]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2017. Vol. 8, no. 3, pp. 8–19. doi:10.17759/sps.2017080302 (In Russ., abstr. in Engl.).
  5. Pustyl'nik E.I. Statisticheskie metody analiza i obrabotki nablyudenii [Statistical methods for the analysis and processing of observations]. Moscow: Nauka Publ., 1968. 288 p. (In Russ.).
  6. Ryabichenko T.A. Assimilyatsiya ili integratsiya: rol' tsennostei «Samoutverzhdenie» [Assimilation or Integration: the role of self-affirmation values]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2016. Vol. 7, no. 3, pp. 93–104. doi:10.17759/sps.2016070307 (In Russ., abstr. in Engl.).
  7. Stolin V.V., Pantileev S.R. Oprosnik samootnosheniya [Self-attitude questionnaire]. *Praktikum po psikhodiagnostike: Psikhodiagnosticheskie materialy* [Practical work on psychodiagnostics: Psychodiagnostical materials]. Moscow: Moskovskii universitet Publ., 1988, pp. 123–130. (In Russ.).
  8. Khromov V.V. Samoprinyatie kak faktor sotsial'noi pertseptsii [Self-acceptance as a factor of social perception]. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Cherepovetskie nauchnye chteniya – 2016” (g. Cherepovets, 16–17 noyabrya 2016 g.) [Proceedings of all-Russian scientific and practical conference “Cherepovets scientific readings – 2016”]. Cherepovets: Cherepovetskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2017, pp. 154–156. (In Russ.).
  9. Ancok D., Chertkoff J.M. Effects of group membership, relative performance, and self-interest on the division of outcomes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1983. Vol. 45, pp. 1256–1262. doi: 10.1037/0022-3514.45.6.1256
  10. Bianchi M., Machunsky M., Steffens M.C., Mummendey A. Like me or like us: Is ingroup projection just social projection? *Experimental Psychology*, 2009. Vol. 56, pp. 198–205. doi:10.1027/1618-3169.56.3.198
  11. Bianchi M., Mummendey A., Steffens M.C., Yzerbyt V. What do you mean by “European”? Evidence of spontaneous ingroup projection. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2010. Vol. 36, pp. 960–974. doi:10.1177/0146167210367488
  12. Brewer M.B., Weber J.G. Self-evaluation effects of interpersonal versus intergroup social comparison. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1994. Vol. 66, pp. 268–275. doi:10.1037/0022-3514.66.2.268
  13. Brickman P., Bulman R. Pleasure and pain in social comparison. In J. Suls, R.L. Miller (Eds.). *Social comparison processes: Theoretical and empirical perspectives*. New York: Hemisphere, 1977, pp. 149–186.

14. Brown J.D., Novick, N.J. Lord K.A., Richards J.M. When Gulliver travels: Social context, psychological closeness, and self-appraisals. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1992. Vol. 62, pp. 717–727. doi:10.1037/0022-3514.62.5.717
15. Buunk B., Collins, R., Taylor, S., Dakof, G., Van Yperen, N. The affective consequences of social comparison: Either direction has its ups and downs. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1990. Vol. 59, pp. 1238–1249. doi:10.1037/0022-3514.59.6.1238
16. Chen C.Y., Purdie-Vaughns V., Phelan J.C., Yu G., Yang L.H. Racial and mental illness stereotypes and discrimination: An identity-based analysis of the Virginia Tech and Columbine shootings. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 2015. Vol. 21 (2), pp. 279–287. doi: 10.1037/a0037881
17. Correll J., Wittenbrink B., Crawford, M., Sadler, M. Stereotypic vision: How stereotypes disambiguate visual stimuli. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2015. Vol. 108(2), pp. 219–233. doi: 10.1037/pspa0000015
18. Cortland C.I., Craig M.A., Shapiro J.R., Richeson J.A., Neel R., Goldstein N.J. Solidarity through shared disadvantage: Highlighting shared experiences of discrimination improves relations between stigmatized groups. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2017. Vol. 113(4), pp. 547–567. doi: 10.1037/pspi0000100
19. Fiske S.T., Neuberg S.L. A continuum of impression formation from category based to individuating processes: Influences of information and motivation on attention and interpretation. *Advances in experimental social psychology*, 1990. Vol. 23, pp. 1–74. doi:10.1016/S0065-2601(08)60317-2
20. Hewstone M. The “ultimate attribution error”? A review of the literature on intergroup causal attribution. *European Journal of Social Psychology*, 1990. Vol. 20, pp. 311–335. doi:10.1002/ejsp.2420200404
21. Iyer A., Leach C.W. Emotion in inter-group relations. *European Review of Social Psychology*, 2008. Vol. 19, pp. 86–125. doi: 10.1080/10463280802079738
22. Machunsky M., Meiser T. Cognitive components of ingroup projection: Prototype projection contributes to biased prototypicality judgments in group perception. *Social Psychology*, 2014. Vol. 45(1), pp. 15–30. doi: 10.1027/1864-9335/a000156
23. Pyszczynski T., Greenberg J., LaPrelle J. Social comparison after success and failure: Biased search for information consistent with a self-serving conclusion. *Journal of Experimental Social Psychology*, 1985. Vol. 21, pp. 195–211. doi:10.1016/0022-1031(85)90015-0
24. Stern L.S., Marrs S., Millar M.F., Cole E. Processing time and the recall of inconsistent and consistent behaviors of individuals and groups. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1984. Vol. 47, pp. 253–262. doi:10.1037/0022-3514.47.2.253
25. Weber J.G. The nature of ethnocentric attribution bias: In-group protection or enhancement? *Journal of Experimental Social Psychology*, 1994. Vol. 30, pp. 482–504. doi:10.1006/jesp.1994.1023
26. Wills T.A. Downward comparison principles in social psychology. *Psychological Bulletin*, 1981. Vol. 90, pp. 245–271. doi:10.1037/0033-2909.90.2.245

Предикторы выбора русскими стратегии поведения в межкультурном конфликте

А.А. БАТХИНА *,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
abatkhina@hse.ru

Н.М. ЛЕБЕДЕВА **,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
nlebedeva@hse.ru

В статье описываются основные результаты исследования предикторов выбора стратегии поведения у русских в воображаемом конфликте с представителями народов Северного Кавказа. Теоретико-методологическую основу исследования составили модель двойной заинтересованности Томаса—Килманна, уточненная теория базовых ценностей Ш. Шварца и концепция межгрупповой тревожности У. Стефана и К. Стефан. В качестве предикторов выбора стратегии поведения в конфликте рассматривались индивидуальные ценности: Открытость изменениям, Сохранение, Самоутверждение и Самопреодоление. Роль межгрупповой тревожности тестировалась в качестве модератора, влияющего на связь между ценностями и поведением в конфликте. Гражданская идентичность и самоуважение рассматривались как контрольные переменные. В исследовании приняли участие 214 этнических русских, проживающих на территории России (73 мужчины, 141 женщина; возраст $M = 31,96$; $SD = 10,21$). Методом исследования являлся социально-психологический опрос, респонденты привлекались к участию при помощи стратегии «снежного кома». В качестве основного инструментария исследования использовались опросник организационного конфликта М. Рэхима в модификации Дж. Оэтицеля, опросник индивидуальных ценностей Ш. Шварца PVQ-R, шкала опасения межкультурной коммуникации Дж. Нойлипа и Д. МакКроски, отдельные шкалы из опросника MIRIPS.

Для цитаты:

Батхина А.А., Лебедева Н.М. Предикторы выбора русскими стратегии поведения в межкультурном конфликте // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 1. С. 70–91. doi:10.17759/sps.2019100105

* *Батхина Анастасия Александровна* — аспирант, стажер-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия, *abatkhina@hse.ru*

** *Лебедева Надежда Михайловна*, доктор психологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия, *nlebedeva@hse.ru*

Результаты путевого анализа показали, что выбор стратегии доминирования положительно связан с ценностями Самоутверждения и отрицательно с ценностями Самопреодоления. Выбор стратегии сотрудничества имеет положительную связь с ценностями Самопреодоления и Открытости изменению. Выбор стратегии ухода положительно связан с ценностями Сохранения и межгрупповая тревожность. На выбор стратегии уступок не было обнаружено значимого влияния ценностей, при этом данная стратегия находится в положительной связи с гражданской идентичностью и в отрицательной связи с самоуважением. Межгрупповая тревожность является модератором связи между ценностью Открытости изменению и стратегией сотрудничества. Полученные результаты могут быть использованы при разработке рекомендаций в сфере межкультурной коммуникации и при урегулировании межкультурных конфликтов.

Ключевые слова: межкультурный конфликт, индивидуальные ценности, межгрупповая тревожность, стратегии поведения в конфликте, гражданская идентичность.

Согласно социологическим исследованиям, за последние годы число внутренних мигрантов в России возросло в 2 раза и составляет приблизительно 4 миллиона человек (87% от всей доли прибывших), при этом народы Северного Кавказа занимают лидирующие позиции [2; 3]. По данным на 2012 год, количество представителей Северо-Кавказского региона в Москве составило 15,1% (около 46 тысяч человек) от общего числа россиян, приехавших в столицу за последние два года [9]. Таким образом, заметно растет доля представителей Северного Кавказа в регионах с исконно преобладающим русским населением [21]. Однако культурная дистанция и уровень предубеждений по отношению к народам Северного Кавказа остаются по-прежнему достаточно высокими [8; 11; 12; 20; 21]. К существующим предубеждениям прибавляется новый виток, вызванный ростом исламофобии в России и в мире [7; 10]. Рост количества контактов между русскими и представителями народов Кавказа вкупе с наличием негативных

межгрупповых установок может приводить к возникновению конфликтных ситуаций между представителями данных культур. В связи с этим правильное понимание причин поведения участников подобных конфликтов поможет сформулировать рекомендации для их предотвращения и мирного урегулирования.

Стратегии поведения в межкультурном конфликте

В отечественном научном дискурсе достаточно большое влияние уделено межкультурным отношениям [6; 22]. При этом процессы и явления, связанные с межкультурными конфликтами в российском контексте, изучены в меньшей степени. Это может быть связано с исторической традицией рассмотрения межкультурного конфликта как конфликта межгруппового и может затруднять и ограничивать возможности эмпирического исследования подобных конфликтов на межличностном уровне.

В данном исследовании мы ориентировались на западные теоретические концепции межкультурного конфликта и попробовали адаптировать их к российским реалиям. Многие зарубежные исследователи рассматривают межкультурный конфликт на межличностном уровне, а также выявляют характерные особенности, присущие поведению участников данного типа взаимодействия [38]. Причиной межкультурного конфликта не обязательно становятся этническая неприязнь и межэтническая напряженность, но в то же время, взаимодействие участников конфликта может осложняться групповыми предрасудками и установками, разделяемыми на индивидуальном уровне [18]. В любом случае участники межкультурного конфликта, как правило, сталкиваются с наличием культурной дистанции, языкового барьера и непониманием чужой культуры [23; 24; 37].

При изучении стратегий поведения в межкультурном конфликте большинство исследований опирается на универсалистскую модель двойной заинтересованности, известную в отечественной литературе как модель Томаса—Килманна [35]. Данная модель рассматривает стратегии конфликтного поведения в системе координат с двумя векторами — забота о своих интересах и забота об интересах другой стороны. Всего модель двойной заинтересованности описывает пять стратегий: доминирование, сотрудничество, компромисс, уход и уступки. Анализ литературы, посвященной предикторам выбора одной из данных стратегий поведения в межличностном конфликте, позволяет сделать вывод о том, что существуют три основные группы факторов: 1) индивидуальные особенности; 2) социальный и ситуационный

контекст; 3) культурные нормы и ценности [39]. Достаточно большое количество зарубежных работ посвящено изучению таких факторов, как культура, эмоциональный интеллект и коммуникативные навыки [1; 16]. Именно они считаются ключевыми предикторами поведения в любом конфликте и достаточно хорошо изучены. Однако, по мнению С. Тинг-Туми, Д. Бар-Таля, М. Хаммера и других исследователей [14; 18; 37], в межкультурном конфликте проявляются и другие предикторы, характерные только для данного типа взаимодействия и не так подробно рассмотренные в литературе. Среди индивидуально-личностных факторов выделяют: идентичность, авторитарные и националистические установки, межгрупповую тревожность [36]. Важными социальными предикторами в межкультурном конфликте становятся групповые убеждения, групповые эмоции и история межгрупповых взаимоотношений [14; 23; 44]. Если групповые убеждения разделяются непосредственно участниками конфликта, то с большой вероятностью они будут проявляться при их межличностном взаимодействии.

Однако основное внимание исследователей, изучающих межкультурный конфликт, сосредоточено на таком предикторе конфликтного поведения, как культура. Это связано с предположением, согласно которому столкновение с представителем другой культуры актуализирует идентичность со своей собственной этнической группой [38]. Таким образом, поведение участников межкультурного конфликта в большей степени подвержено влиянию культурных норм и ценностей, чем в конфликте между представителями одной и той же культуры. При этом, несмотря на большое количество исследований, под-

тверждающих влияние культуры на поведение в конфликте, гипотеза о том, что культура является ключевым фактором, регулирующим межкультурное взаимодействие, пока остается теоретической [44]. Некоторые исследователи считают, что поведение конфликтующих сторон на межличностном уровне чаще обусловлено ситуационными и личностными детерминантами [29].

Индивидуальные ценности и поведение в конфликте

В нашем исследовании мы решили более детально изучить индивидуально-личностные предикторы поведения в межкультурном конфликте, так как они в меньшей степени рассмотрены в зарубежной и отечественной литературе. Нашей целью являлось восполнение пробелов в понимании влияния индивидуальных ценностей на выбор стратегии поведения в конфликте.

Одной из наиболее распространенных и эмпирически подтвержденных теорий индивидуальных ценностей является теория Ш. Шварца [31]. Изначально Ш. Шварц определил континуум из 10 ценностей, которые, по его мнению, составляют мотивационную основу личности [31]. В дальнейшем он уточнил свою теорию, выделив 19 ценностей, образующих мотивационный круг [13]. Данные ценности были объединены Ш. Шварцем в четыре ценности более высокого порядка — Открытость изменениям, Сохранение, Самоутверждение и Самопреодоление. По мнению Ш. Шварца, ценности и поведение неразрывно связаны [31; 32]. Теория предполагает, что действия, совершаемые человеком и являющиеся выражением определенной

ценности, также одновременно подавляют проявление других ценностей [33]. Существует достаточно большое количество работ, показывающих связь ценностей с личностными особенностями и чертами, но в последнее время все больший интерес вызывает исследование влияния ценностей на поведение [32; 33]. Последние исследования показывают, что ценности действительно определяют и направляют поведение, при этом разные ценности имеют влияние различной силы; кроме того, связь между ценностями и поведением может частично нивелироваться социальными нормами [40]. Однако, как мы говорили выше, в ситуации с конфликтным поведением хорошо изучено влияние в основном только культурных ценностей и ориентаций, таких как индивидуализм или избегание неопределенности [16]. При этом, исходя из теоретической концепции индивидуальных ценностей, есть все основания предполагать, что они будут оказывать влияние на выбор стратегии поведения в межличностном конфликте, в том числе межкультурном.

Межгрупповая тревожность и поведение в конфликте

Помимо ценностей, которые предположительно оказывают влияние на поведение в любом межличностном конфликте, мы решили рассмотреть специфические переменные, характерные для поведения в межкультурном конфликте. Одним из таких ключевых ситуационно-личностных факторов является межгрупповая тревожность. Данный феномен был введен в психологическую литературу У. Стефаном и К. Стефан и характеризуется как опреде-

ленный вид тревоги, проявляющейся при вовлечении во взаимодействие с представителем другой культуры [34]. Похожий конструкт описывают Дж. Нойлип и Дж. МакКроски, называя возникающую тревогу опасением межкультурной коммуникации [25]. По мнению У. Стефана, межгрупповая тревожность может проявляться и как относительно устойчивая личностная особенность, и как фактор, возникающий при непосредственном межкультурном взаимодействии [34]. Авторы концепции выделяют три компонента межгрупповой тревожности — аффективный, когнитивный и физио-

логический. Таким образом, данный предиктор проявляется в виде разных психологических процессов — эмоций, чувств, установок и убеждений, а также в виде физиологических реакций. Как правило, большинство исследований сфокусировано на изучении аффективного компонента [34]. Межгрупповая тревожность может играть роль медиатора между такими предпосылками, как личностные черты, установки, персональный опыт и ситуационные факторы, и всеми видами последствий: когнитивными, эмоциональными и поведенческими [34; 41]. Если говорить о поведенческих

Рис. 1. Континуум индивидуальных ценностей, согласно обновленной теории Ш. Шварца

аспектах, то высокий уровень межгрупповой тревожности приводит, как правило, к избеганию любой коммуникации с представителями другой группы либо стимулирует оскорбительное и агрессивное поведение [41]. Многие работы показывают, что межгрупповая тревожность значительно препятствует эффективной межкультурной коммуникации [34; 43]. Существует не так много работ, нацеленных на изучение роли межгрупповой тревожности в межкультурном конфликте. В частности, было обнаружено, что высокий уровень тревожности негативно коррелирует со стратегиями сотрудничества и доминирования [26; 28].

Эмпирическое исследование

Проведенный нами анализ литературы показал, что научные знания о психологических предикторах стратегий поведения в межкультурном конфликте недостаточны для формирования целостной картины данного феномена. При этом, конечно же, стоит отметить, что конфликт между представителями разных этнических групп — достаточно редкое социальное явление. Как правило, даже при высоком уровне межэтнической напряженности в обществе, люди стараются не вступать в открытое конфликтное взаимодействие. Поэтому в нашей работе мы моделировали ситуацию межкультурного конфликта для наших респондентов с целью восполнить недостающие теоретические знания, которые могут быть полезны, в первую очередь, для профилактики подобного рода явлений.

Цель данной работы — изучение универсальных (ценности) и специфических для межкультурного конфликта пре-

дикторов (межгрупповая тревожность) выбора стратегии поведения в межкультурном конфликте. Исходя из представленного выше теоретического анализа, были выдвинуты следующие **гипотезы**.

Н1. Высокая выраженность ценностей Открытости изменениям и Самопреодоления будет позитивно связана с предпочтением стратегий сотрудничества в межкультурном конфликте.

Н2. Высокая выраженность ценностей Самоутверждения будет связана позитивно с выбором стратегий доминирования и негативно — с выбором стратегий сотрудничества в межкультурном конфликте.

Н3. Высокая выраженность ценностей Сохранения будет позитивно связана с предпочтением стратегий ухода и уступок в межкультурном конфликте.

Н4. Межгрупповая тревожность будет выступать модератором связи между ценностями и предпочтением стратегий сотрудничества и ухода. Высокая межгрупповая тревожность будет снижать позитивный эффект ценностей Открытости изменениям и Самопреодоления на выбор стратегии сотрудничества и усиливать позитивный эффект ценностей Сохранения на выбор стратегии ухода.

В качестве контрольных переменных были выбраны самоуважение (универсальная переменная) и гражданская идентичность (специфическая для межгрупповых отношений переменная), так как существует достаточное количество работ, подтверждающих их влияние на конфликтное поведение [16]. В частности, работа С. Тинг-Туми и коллег показала, что высокий уровень и этнической, и гражданской идентичности стимулирует выбор таких стратегий, как сотрудничество и компромисс [36].

Метод

Процедура. Для более глубокого понимания социокультурного контекста и актуальных условий межкультурных конфликтов в России было проведено предварительное качественное исследование в форме структурированного интервью с 37 респондентами, проживающими в Москве и других городах Центрального федерального округа (22 женщины, 15 мужчин). Респондентов просили вспомнить и описать в деталях конфликт с представителем другой этнической группы, который произошел с ними или их родственниками и который они считают довольно распространенным явлением в русской культуре. Анализ ответов показал следующее: 1) наиболее типичными считались конфликтные ситуации из повседневной жизни (в общественном месте или в транспорте, в магазине); 2) как наиболее типичный межкультурный конфликт действительно рассматривался конфликт с представителем народов Северного Кавказа; 3) дифференциация народов Северного Кавказа на этнические группы была очень слабой, обычно респонденты относили всех к одной группе «кавказцы». По мнению респондентов, основной причиной таких конфликтов было «хамское» и «некультурное» поведение представителей этих этнических групп в общественных местах.

Выборка. В основном исследовании приняли участие 214 этнических русских, проживающих в России (73 мужчины, 141 женщина; возраст $M = 31,96$; $SD = 10,21$). Доля студентов составляет 12,15%. Выборка собиралась при помощи стратегии «снежного кома», в том числе и через социальные сети. Респонденты проживают в городах Центрального федерального округа, большая часть

(63%) — в Москве. Мы выбрали для анализа жителей регионов, где русские были и остаются национальным большинством, чтобы понять их установки по отношению к внутренним мигрантам с Северного Кавказа.

Методики. Шкалы, которые еще не были адаптированы на российской выборке, были переведены при помощи методики двойного перевода, а затем адаптированы при помощи когнитивного интервью методом Think-aloud. Для всех опросников использовалась шкала Лайкерта с 9 делениями (1 — наименьшее согласие с пунктом, 9 — наибольшее согласие с пунктом). В скобках указаны коэффициенты внутренней согласованности α -Кронбаха.

Стратегии поведения в конфликте. Мы использовали опросник организационного конфликта М. Рэхима в модификации Дж. Оэтцеля [27]. Респондентам предлагалось представить их поведение в повседневном конфликте с представителем народов Северного Кавказа (так как предварительное исследование показало, что дифференциация на разные этнические группы слабая, было принято решение придерживаться именно этой формулировки). При ответе респондентов просили учитывать их реальный жизненный опыт участия в межкультурных конфликтах, если такой имелся. Затем их просили оценить, насколько каждое высказывание соответствует их представляемому поведению. Пример пункта шкалы «Доминирование»: «Я буду использовать свой авторитет, чтобы решение было принято в мою пользу» ($\alpha = ,87$). Пример пункта шкалы «Сотрудничество»: «Я постараюсь совместить свои идеи с идеями другой стороны, чтобы мы пришли к совместному решению» ($\alpha = ,91$). Пример

пункта шкалы «Уход»: «Скорее всего, я попробую избежать открытого обсуждения разногласий с другой стороной» ($\alpha = ,82$). Пример пункта шкалы «Уступки»: «Скорее всего, я постараюсь удовлетворить потребности другой стороны» ($\alpha = ,88$). Опросник прошел адаптацию для российской выборки, результаты факторного анализа и анализа валидности представлены в разделе Результаты. В авторской версии опросника выделены пять факторов: сотрудничество, компромисс, уход, уступки и доминирование. Однако результаты нашего анализа показали, что компромисс и сотрудничество образуют один фактор.

Индивидуальные ценности. Мы использовали опросник Ш. Шварца PVQ-R, адаптированный к российской выборке сотрудниками НИУ ВШЭ [13]. Опросник состоит из 57 пунктов. Для данного исследования мы рассматривали четыре блока ценностных ориентаций: Сохранение, Открытость изменениям, Самоутверждение и Самопреодоление. Примеры вопросов блока «Сохранение»: «Для него важно соблюдать все законы» ($\alpha = ,85$). Пример вопроса блока «Открытость к изменениям»: «Свобода действий важна для него» ($\alpha = ,70$). Пример вопроса блока «Самоутверждение»: «Быть тем, кто указывает другим, что делать, важно для него» ($\alpha = ,82$). Пример вопроса блока «Самопреодоление»: «Для него важно принимать людей, даже если он с ними не согласен» ($\alpha = ,79$).

Межгрупповая тревожность. Для измерения уровня межгрупповой тревожности мы адаптировали 14 пунктов шкалы опасения межкультурной коммуникации Дж. Нойлип и Д. МакКроски [25]. Пример пункта: «Я напряжен и нервничаю, общаясь с людьми с Северного Кавказа» ($\alpha = ,90$).

Гражданская идентичность. Была взята шкала гражданской идентичности из опросника MIRIPS, адаптированная сотрудниками Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований [5]. Шкала состоит из 4 пунктов, пример пункта: «Я горд быть россиянином» ($\alpha = ,87$).

Самоуважение. Была взята шкала самоуважения Розенберга [30] в российской адаптации [5]. Шкала состоит из 10 пунктов, пример пункта: «Я считаю, что у меня есть хорошие качества» ($\alpha = ,76$).

Социально-демографические характеристики. Респонденты указывали свой пол, возраст, уровень образования, профессию, религиозную принадлежность, уровень дохода, собственную национальность и национальность родителей. Мы также контролировали такую переменную, как частота контактов, задавая три вопроса касательно частоты и близости контактов респондентов с представителями народов Северного Кавказа (сколько представителей народов Северного Кавказа вы знаете лично/хорошо/сколько из них являются вашими друзьями, по шкале от «1 — никого» до «9 — много»), так как согласно теории контакта (Allport, 1954), прошлый положительный опыт взаимодействия с представителями других этнических групп оказывает значимое влияние на межкультурные установки. Так как получившиеся средние значения являются достаточно низкими ($M = 3,31$; $SD = 2,02$), в дальнейшем мы не учитывали опыт контакта при анализе и обсуждении результатов.

Статистическая обработка. Для обработки данных использовался статистический пакет SPSS 24.0 с приложением Amos 24.0. Мы применяли следующие статистические процедуры: описательные статистики; частный корреляционный анализ с бутстреппингом ($n = 2000$)

с исключением влияния пола, возраста, образования, религиозной принадлежности; эксплораторный и конфирматорный факторный анализ; путевой анализ (SEM). Для конфирматорного факторного анализа и путевого анализа мы использовали рекомендуемые показатели соответствия данных: CFI > ,90; RMSEA < ,08; SRMR < ,08 [19].

Результаты

Валидизация методики

Для валидизации адаптированного варианта опросника организационного конфликта М. Рэхима в модификации Дж. Оэтцеля были поэтапно проведены процедуры эксплораторного и конфирматорного факторного анализа. Также были рассчитаны показатели дивергентной и конвергентной валидности, такие как CR (показатель составной надежности р-Рейкова), AVE (показатель средней извлеченной дисперсии), MSV (показатель максимальной разделенной дисперсии), дополнительно был проведен тест Фурнелла–Ларкера (табл. 1). Эксплораторный факторный анализ с использованием метода максимального правдоподобия и путем вращения корреляционной матрицы по типу Промакс показал, что полная объясненная дисперсия составляет 57,9%.

В результате анализа с собственными значениями фактора была выделена четырехфакторная структура.

Для проверки предложенной структуры был проведен конфирматорный факторный анализ. Построенная модель имела приемлемые показатели соответствия: CMIN/DF = 2,013; CFI = ,930; RMSEA = ,069 [.059; ,079]; AIC = 508,498. Показатели надежности, конвергентной и дивергентной валидности должны соответствовать следующим значениям: CR > ,7; AVE > ,5; MSV < AVE; AVE > коэффициентов корреляции [17]. Как видно из табл. 1, можно говорить о хорошей валидности и надежности опросника.

Описательные статистики и частные корреляции

Как видно из табл. 2, наибольшее среднее значение — у стратегии сотрудничества, затем следуют уход и доминирование. Стратегия уступок является наименее предпочитаемой стратегией поведения в межкультурном конфликте.

Путевой анализ и анализ модерации

На рис. 2 представлена проверяемая модель путевого анализа, совмещенно с анализом модерации. Модель была проверена при помощи путевого анализа

Таблица 1

Показатели надежности, конвергентной и дивергентной валидности

Шкалы	CR	AVE	MSV	1	2	3	4
1. Сотрудничество	.932	.582	.028	.763			
2. Доминирование	.880	.714	.024	-.105	.845		
3. Уход	.799	.509	.132	.168	.029	.713	
4. Уступки	.878	.596	.132	.034	.156	.364	.772

Примечание: CR — показатель составной надежности р-Рейкова; AVE — показатель средней извлеченной дисперсии; MSV — показатель максимальной разделенной дисперсии.

в статистическом пакете Amos 24.0. Помимо представленных зависимых, независимых переменных и модератора, было оценено влияние двух контрольных пе-

Таблица 2

Описательные статистики для всех шкал

Шкалы	N = 214				
	M	SD	SE	95%CI	
				Lo	Ho
Доминирование	4.70	2.05	0.12	4.53	4.89
Сотрудничество	6.40	1.66	0.12	6.2	6.66
Уход	4.79	1.7	0.12	4.73	5.2
Уступки	3.42	1.6	0.1	3.24	3.66
Открытость изменениям	6.68	1.31	0.09	6.49	6.83
Сохранение	7.14	1.52	0.1	6.93	7.34
Самоутверждение	5.53	1.62	0.1	5.3	5.72
Самопреодоление	5.76	1.79	0.12	5.52	6
Межгрупповая тревожность	4.31	1.54	0.1	4.1	4.52
Гражданская идентичность	7.36	1.93	0.13	7.09	7.61
Самоуважение	6.52	1.3	0.09	6.35	6.7

Примечание: M – среднее значение; SD – стандартное отклонение; SE – стандартная ошибка; 95%CI – доверительный интервал 95%, Lo – его нижняя граница, Ho – верхняя граница.

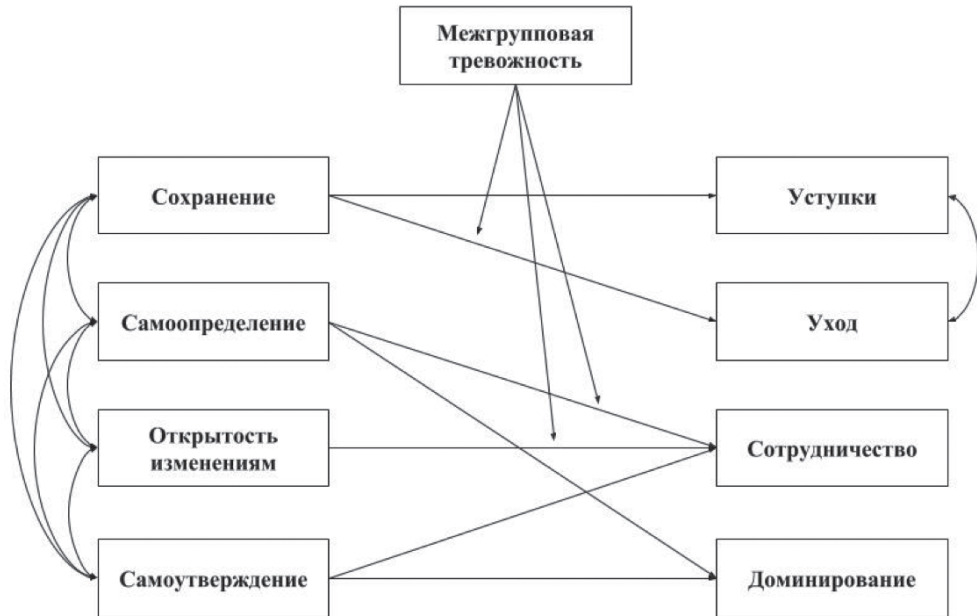

Рис. 2. Путьевая модель для предикторов стратегий конфликтного поведения

ременных: самоуважения и гражданской идентичности. Модель имеет хорошие показатели соответствия: CMIN = 40,48; DF = 27; CMIN/DF = 1,499; CFI = 0,982; RMSEA = 0,049; SRMR = 0,038.

Предикторы объясняют от 10 до 26% дисперсии зависимых переменных. Межгрупповая тревожность, как модератор, имеет значимое влияние только для связи между Открытостью изменениям и сотрудничеством. На уровне значимости $p = ,001$ следующие ценности имеют влияние на предпочтение стратегий конфликтного поведения: ценности Сохранения положительно влияет на

стратегию ухода, Самопреодоление положительно влияет на стратегию сотрудничества, а Самоутверждение – на стратегию доминирования. Из контрольных переменных самоуважение оказывает значимое влияние на стратегию уступок.

На рис. 3 представлен модерационный эффект межгрупповой тревожности на связь между ценностями Открытости изменениям и стратегией сотрудничества. Как можно видеть, высокая межгрупповая тревожность значительно снижает позитивный эффект, оказываемый на данную стратегию ценностями Открытости изменениям.

Таблица 3

Путевой анализ влияния индивидуальных ценностей на стратегии поведения в конфликте

Переменные	β
Сотрудничество $R^2 = ,26$	
Открытость изменениям	,34**
Самопреодоление	,35***
Самоутверждение	-,25**
Гражданская идентичность	,16*
Тревожность	-,16*
Тревожность × Открытость изменениям	-,23**
Тревожность × Самоопределение	-,02
Доминирование $R^2 = ,20$	
Самоутверждение	,69***
Самопреодоление	-,32**
Уход $R^2 = ,12$	
Сохранение	,28***
Самоуважение	-,25**
Сохранение × Тревожность	-,10
Тревожность	,18**
Уступки $R^2 = ,10$	
Сохранение	,07
Самоуважение	-,40***
Гражданская идентичность	,13*

Примечание: звездочками отмечены значимые значения на уровне «*» – $p < ,05$; «**» – $p < ,01$; «***» – $p < ,001$.

Обсуждение результатов

В данном исследовании мы рассмотрели предикторы поведения русских в воображаемом конфликте с представителями народов Северного Кавказа. Так как респонденты оценивали свое гипотетическое поведение, безусловно, при дальнейшем обсуждении мы имеем в виду в большей степени установки на выбор той или иной стратегии поведения в конфликте. При этом такой подход, направленный на установки (*perspective*), а не на фиксацию реального поведения (*descriptive*), также широко представлен в зарубежной психологии, особенно при изучении нового социокультурного контекста, в котором люди еще не успели накопить реальный опыт участия в каких-либо социальных процессах (Dunn, 2008). Кроме того, сто-

ит отметить, что полученные результаты можно переносить только на русских из регионов, где они являются большинством и редко взаимодействуют с представителями других этнических групп; мы предполагаем, что для русских, проживающих на территории Северного Кавказа могут быть получены другие результаты. Было проанализировано влияние индивидуальных ценностей и межгрупповой тревожности в роли медиатора. Наибольшее предпочтение стратегии сотрудничества в межкультурном конфликте, на наш взгляд, связано с социальной желательностью. А достаточно высокое предпочтение ухода, вероятно, — с тревожностью и страхом, сопровождающими любой межкультурный конфликт [34].

Проверяемая нами теоретическая модель подтвердила наши предположения

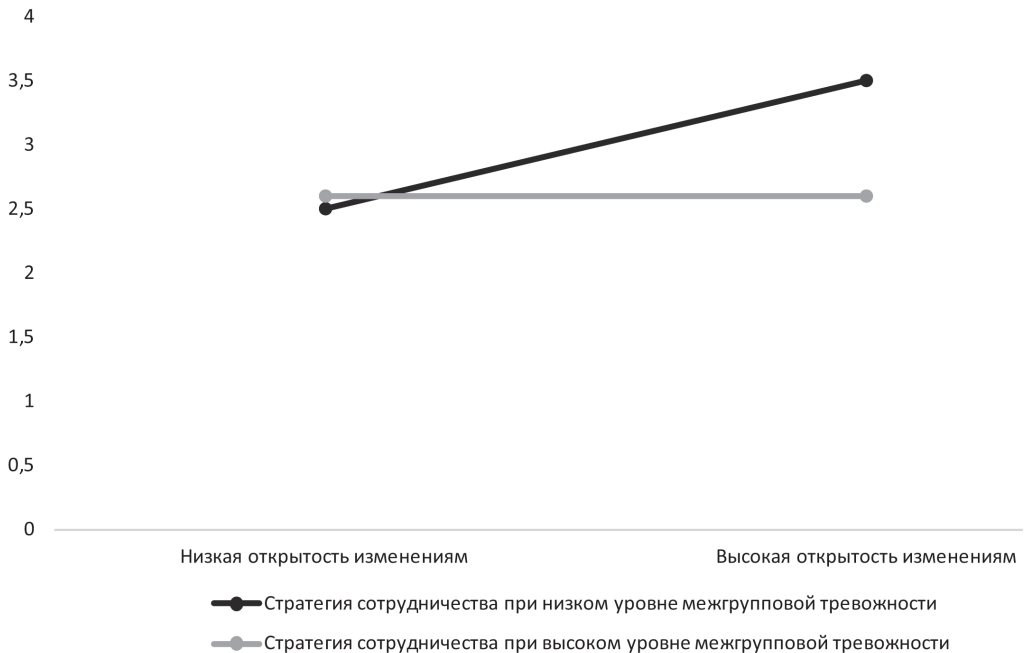

Рис. 3. Модерационный эффект межгрупповой тревожности на связь между Открытостью изменениям и сотрудничеством

о роли базовых ценностей как предикторов стратегий конфликтного поведения, за исключением стратегии уступок. Стоит отметить, что стратегия уступок имела самое малое среднее значение по сравнению с другими стратегиями, что может говорить о ее низкой социальной желательности среди российских респондентов. С предпочтением стратегии сотрудничества позитивно связаны такие ценности, как Открытость изменениям и Самопреодоление, и негативно — ценности Самоутверждения. Это полностью согласуется с теоретическими представлениями о природе сотрудничества, которая подразумевает не только высокую заботу о своих интересах и об интересах другой стороны (что по смыслу соответствует ценностям Самопреодоления и противоположно ценностям Самоутверждения), но и способность к ведению диалога, нахождению эффективных совместных решений, умение воспринимать альтернативную точку зрения (что соответствует ценностям Открытости изменениям) [32; 35]. Самоутверждение имеет очень сильную положительную связь с предпочтением стратегии доминирования. Данный результат находится в соответствии с представлениями о доминировании как о стратегии, в основе которой лежит стремление добиться своей цели любым путем, «победить» соперника, «выиграть» соревнование [35]. Ценности Сохранения, как и ожидалось, имеют положительную связь с предпочтением стратегии ухода. Как правило, мотивацию выбора ухода в конфликте связывают с нежеланием вступать в открытое взаимодействие, причинять неудобства себе и другой стороне, что хорошо согласуется с такими ценностями, как конформизм и скромность, входящими в состав ценностей Сохранения. Можем

предположить, что ценности являются «универсальными» предикторами поведения в конфликтах разного, а не только межкультурного, типа.

Результаты анализа модерации показали, что межгрупповая тревожность имеет значимое влияние на связь между ценностями Открытости изменениям и стратегией сотрудничества. Чем выше тревожность, тем меньше позитивный эффект Открытости изменениям на предпочтение сотрудничества. Помимо этого, был получен значимый прямой эффект межгрупповой тревожности на стратегии ухода и сотрудничества. Высокий уровень межгрупповой тревожности стимулирует выбор стратегии ухода и уменьшает вероятность предпочтения стратегии сотрудничества. Это полностью согласуется с результатами исследований, показывающих, что межгрупповая тревожность вынуждает избегать взаимодействия с другой группой и затрудняет эффективную межкультурную коммуникацию [34; 41]. Интересно, что влияние межгрупповой тревожности на предпочтение стратегии ухода можно рассматривать и как одно из немногих позитивных последствий межгрупповой тревожности. Таким образом, высокий уровень тревожности способен сдерживать более негативные аспекты межгрупповых отношений, такие как конфликты. Это перекликается с идеей Л. Козера [4] о том, что сама угроза возникновения в обществе социальных конфликтов и является той силой, которая предотвращает их появление. Прямой эффект межгрупповой тревожности на стратегии поведения в конфликте позволяет рассматривать ее в дальнейшем не только как модератор, но и как отдельную независимую переменную. При этом в случае с сотрудничеством модерационный эффект выше, чем прямой, а в случае с ухо-

дом — наоборот. Интересно отсутствие модерационного эффекта тревожности на связь Самопреодоления и сотрудничества. Видимо, непосредственная связь данных ценностей и сотрудничающего поведения настолько сильна и устойчива, что нивелирует влияние межгрупповой тревожности.

Рассмотрение контрольных переменных дало следующие результаты. Гражданская идентичность имела значимую, но очень слабую положительную связь с предпочтением стратегий сотрудничества и уступок. Обе эти стратегии направлены на заботу об интересах другой стороны. Исходя из этого, мы можем предположить, что выраженная гражданская идентичность благотворно влияет на восприятие представителя национального меньшинства как равного, стимулирует более внимательное отношение к его интересам. Это согласуется с результатами исследования Ting-Toomey et al. [36]. Высокое самоуважение имеет значимую негативную связь с предпочтением стратегий ухода и уступок. Это может быть объяснено тем, что люди с высоким уровнем самоуважения чувствуют себя более уверенно при открытом противодействии, чем люди с низким самоуважением [15]. При этом достаточно интересно влияние самоуважения на стратегию уступок. Можно предположить, что использование стратегии уступок в межкультурном конфликте воспринимается русскими респондентами как признак слабости.

Выводы

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. Высокая выраженность ценностей Открытости изменениям и Самопреодо-

ления положительно связана с предпочтением стратегии сотрудничества в воображаемом межкультурном конфликте.

2. Высокая выраженность ценностей Самоутверждения связана положительно с выбором стратегии доминирования и отрицательно — с выбором стратегии сотрудничества.

3. Высокая выраженность ценностей Сохранения положительно связана с предпочтением стратегии ухода в воображаемом межкультурном конфликте, но при этом не оказывает значимого влияния на предпочтение стратегии уступок.

4. Высокая межгрупповая тревожность связана положительно с выбором стратегии ухода и отрицательно — с выбором стратегии сотрудничества.

5. Высокая межгрупповая тревожность снижает позитивное влияние ценностей Открытости изменениям на стратегию сотрудничества.

Результаты данного исследования могут быть использованы при разработке тренинга межкультурной коммуникации, при урегулировании конфликтов между представителями русской и кавказских этнических групп, а также при разработке рекомендаций в сфере межкультурной коммуникации.

Ограничения и дальнейшие исследования

Данное исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, ответы респондентов об их предполагаемом поведении в конфликте с большой вероятностью подверглись влиянию социальной желательности. Кроме того, респонденты оценивали воображаемое, а не реальное поведение. Во-вторых, не удалось определить влияние ценностей на предпочте-

ние стратегии уступок, доля объясненной дисперсии для стратегии уступок очень низка. Представляется интересным в следующих исследованиях рассмотреть поведение в конфликте с представителя-

ми других этнических групп (в том числе не проживающих в России), а также провести «зеркальное исследование» для представителей контактирующих этнических меньшинств.

Финансирование

Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Батхина А.А.* Стратегии поведения в межкультурном конфликте: обзор зарубежных исследований // Социальная психология и общество. 2017. № 8(3). С. 45–62. doi:10.17759/sps.2017080305
2. *Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Абылкаликов С.И.* Внутророссийская миграция населения // Население России 2015: двадцать третий ежегодный демографический доклад / Под ред. С.В. Захарова. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. С. 309–322.
3. *Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Внутренняя долговременная миграция населения в России и других странах // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2017. № 2. С. 74–80.
4. *Козер Л.А.* Функции социального конфликта. М.: Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс, 2000. 208 с.
5. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России. М.: РУДН, 2009. 420 с.
6. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н., Берри Дж.* Социально-психологические основы мультикультурализма: проверка гипотез о межкультурном взаимодействии в российском контексте // Психологический журнал. 2016. № 37. С. 92–104.
7. *Малахов Ю.И.* Исламофобия и другие факторы радикализации образа мусульманина в российском обществе // Образование и духовная безопасность. 2017. № 2. С. 42–46.
8. *Малькова В.К.* Полиэтническая Москва 2011–2012 гг. Тревожные звонки в информационном пространстве // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 2012. № 233. С. 3–80.
9. *Мкртчян Н.В.* Миграция в Москве и Московской области: региональные и структурные особенности // Региональные исследования. 2015. № 3. С. 107–116.
10. *Соткасира Т.* Встречи с «кавказцами». (Пере)осмысление «опасной» идентичности в современной России // Диаспоры. 2013. № 1. С. 84–112.
11. *Черныш М.Ф., Евсеева М.А., Епихина Ю.Б. и др.* Социально-экономические факторы межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии Российской академии наук. 2015. № 3. С. 1–107.

12. *Цуциев А.* Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов // Россия и мусульманский мир. 2006. № 4, С. 33–74.
13. *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Лунатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 9(2). С. 43–70.
14. *Allport G.W.* The nature of prejudice. Cambridge, MA: Addison-Wesley, 1954. 576 p.
15. *Bar-Tal D., Halperin E., Sharvit K., Zafran A.* Ethos of Conflict: The Concept and Its Measurement // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2012. № 18 (1). P. 40–61. doi: 10.1037/a0026860
16. *Dunn D.* *Research methods for Social Psychology.* New Jersey: Wiley-Blackwell, 2008. 424 p.
17. *Esentas M., Özbey S., Güzel P.* Self-Awareness and Leadership Skills of Female Students in Outdoor Camp // Journal of Education and Training Studies. 2017. № 5 (10). P. 197–206. doi:10.11114/jets.v5i10.2600
18. *Gunkel M., Schlaegel C., Taras V.* Cultural values, emotional intelligence, and conflict handling styles. A global study // Journal of World Business. 2016. № 51 (4). P. 568–585. doi: 10.1016/j.jwb.2016.02.001
19. *Hair J., Black W., Babin B., Anderson R.* Multivariate Data Analysis (7th Ed.). NJ, USA: Prentice Hall, Inc. Upper Saddle River, 2010. 816 p.
20. *Hammer M.R.* The Developmental paradigm for intercultural competence research // International Journal of Intercultural Relations. 2015. № 48. P. 12–13. doi: 10.1016/j.ijntrel.2015.03.004
21. *Kline R.B.* Principles and practice of structural equation modeling (3rd ed.). New York, NY: Guilford Press, 2011. 427 p.
22. *Lebedeva N., Tatarko A.* Immigration and intercultural interaction strategies in post-Soviet Russia // Immigration: policies, challenges and impact / Ed. by E. Tartakovsky. NY: Nova Science Publishers, Inc, 2013. P. 179–194.
23. *Lebedeva N., Tatarko A., Berry J.W.* Intercultural relations among migrants from Caucasus and Russians in Moscow // International Journal of Intercultural Relations. 2016. № 52. P. 27–38. doi: 10.1016/j.ijntrel.2016.03.001
24. *Lebedeva N., Galyapina V.N., Lepshokova Z., Ryabichenko T.* Intercultural Relations in Russia // Mutual intercultural relations / Ed. by J.W. Berry. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 34–58.
25. *Marsella A.J.* Culture and conflict: Understanding, negotiating, and reconciling conflicting constructions of reality // International Journal of Intercultural Relations. 2005. № 29. P. 651–673. doi: 10.1016/j.ijntrel.2005.07.012
26. *Matsumoto D., Hwang H.C.* The role of contempt in intercultural communication // Cross-Cultural Research. 2015. № 40 (5). P. 439–460. doi: 10.1177/1069397115599542
27. *Neuliep J.W., McCroskey D.* The development of intercultural and interethnic communication apprehension scales // Communication Research Reports. 1997. № 14. P. 145–156. doi: 10.1080/08824099709388656
28. *Neuliep J.W., Ryan D.J.* The influence of intercultural communication apprehension and socio-communicative orientation on uncertainty reduction during initial cross-cultural interaction // Communication Quarterly. 1998. № 46. P. 88–99. doi: 10.1080/01463379809370086

28. *Oetzel J.G., Myers K., Meares M., Estefana L.* Interpersonal conflict in organizations: Exploring conflict styles via face-negotiation theory // *Communication Research Reports*. 2003. № 20 (2). P. 106–115.
29. *Oommen D.* The relationship between mental distress, assessed in terms of anxiety and depression, and conflict management in the context of cultural adaptation // *Journal of Intercultural Communication Research*. 2013. № 42. P. 91–111. doi: 10.1080/17475759.2012.744341
30. *Putnam L., Wilson C.* Communication strategies in organizational conflicts: Reliability and validity of a measurement // *Communication yearbook* / Ed. by M. Burgoon. Beverly Hills: Sage, 1982. P. 652–692.
31. *Rosenberg M.* Society and the adolescent self-image. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965. 326 p.
32. *Schwartz S.H.* Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1992. № 25 (1). P. 1–65.
33. *Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M. et al.* Refining the theory of basic individual values // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. № 103 (4). P. 663–688.
34. *Skimina E., Cieciuch J., Schwartz S. H. et al.* Testing the Circular Structure and Importance Hierarchy of Value States in Real-Time Behaviors [Электронный ресурс] // *Journal of Research in Personality*. Published online. 2018. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-research-in-personality> (дата обращения: 10.03.2018).
35. *Stephan W.G.* Intergroup Anxiety: Theory, Research, and Practice // *Personality & Social Psychology Review*. 2014. № 18 (3). P. 239–255.
36. *Thomas K.W., Kilmann R.H.* Developing a forced-choice measure of conflict-handling behavior: The “mode” instrument // *Educational and Psychological Measurement*. 1977. № 37 (2). P. 309–325.
37. *Ting-Toomey S., Yee-Jung K.K., Shapiro R.B. et al.* Ethnic/cultural identity salience and conflict styles in four US ethnic groups // *International Journal of Intercultural Relations*. 2000. № 24 (1). P. 47–81. doi:10.1016/S0147-1767(99)00023-1
38. *Ting-Toomey S.* Applying Dimensional Values in Understanding Intercultural Communication // *Communication Monographs*. 2010. № 77 (2). P. 169–180. doi: 10.1080/03637751003790428
39. *Ting-Toomey S., Oetzel J.G.* *Managing Intercultural Conflict Effectively*. SAGE Publications, 2001. 248 p.
40. *Tong Y., Chen G.-M.* Intercultural Sensitivity and Conflict Management Styles in Cross-Cultural Organizational // *Intercultural Communication Studies*. 2008. № 17 (2). P. 149–161.
41. *Torres C.V., Schwartz S.H., Nascimento T.G.* The Refined Theory of Values: Associations with Behavior and Evidences of Discriminative and Predictive Validity // *Psicologia USP*. 2014. № 27 (2). P. 341–356. doi:10.1590/0103-656420150045
42. *Trawalter S., Adam E.K., Chase-Lansdale P.L., Richeson J.A.* Concern about appearing prejudiced get under the skin: Stress responses to interracial contact in the moment and

- across time // Journal of Experimental Social Psychology. 2012. № 48. P. 682–693. doi: 10.1016/j.jesp.2011.12.003
43. Trawalter S., Richeson J.A., Shelton J.N. Predicting behavior during interracial interactions: A stress and coping approach // Personality and Social Psychology Review. 2009. № 13. P. 243–268. doi:10.1177/1088868309345850
44. Turner R.N., Crisp R.J., Lambert E. Imagining intergroup contact can improve intergroup attitudes // Group Processes & Intergroup Relations. 2007. № 10. P. 427–441.
45. Worchel S. Culture's role in conflict and conflict management: Some suggestions, many questions // International Journal of Intercultural Relations. 2005. № 29. P. 739–757. doi:10.1016/j.ijintrel.2005.08.011

Predictors of behavioral strategy choice among Russians in intercultural conflict

A.A. BATKHINA*,
NRU HSE, Moscow, Russia,
abatkhina@hse.ru

N.M. LEBEDEVA**,
NRU HSE, Moscow, Russia,
nlebedeva@hse.ru

The article describes the main results of the study investigating the predictors of the behavioral strategy choice among Russians in an imaginary conflict with a representative of the North Caucasus ethnic groups. The theoretical and methodological basis of the research includes the dual concern model, the refined theory of personal values by S. Schwartz and the concept of intergroup anxiety by W. Stefan and C. Stefan. As the predictors of the behavioral strategy choice in a conflict, following personal values were considered: Openness to change, Conservation, Self-Transcendence and Self-Enhancement. The role of intergroup anxiety was tested as a moderator affecting the link between values and behavior in the conflict. Cultural identity and self-esteem were considered as control variables. The study involved 214 ethnic Russians living in Russia (73 men, 141 women, age $M = 31.96$, $SD = 10.21$). Respondents were involved

For citation:

Batkhina A.A., Lebedeva N.M. Predictors of behavioral strategy choice among Russians in intercultural conflict. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 1, pp. 70–91. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100105

* *Batkhina Anastasia A.* — PhD student, trainee-researcher, Higher School of Economics, Moscow, Russia, abatkhina@hse.ru

** *Lebedeva Nadezda M.* — Doctor of Science in Psychology, Professor, Higher School of Economics, Moscow, Russia, nlebedeva@hse.ru

in the study helping by “snowball” method. The following methods were used: Organizational Conflict Inventory by M. Rahim in the modification of J. Oetzel, PVQ-R by S. Schwartz, the intercultural communication apprehension scale by J. Neulep and D. McKrosky, and the certain scales from the MIRIPS questionnaire. The results of the path analysis showed that the choice of the competing is positively related to the values of Self-Enhancement and is negative with the values of Self-Transcendence. The choice of collaborating strategy has a positive relation with the values of Self-Transcendence and Openness to change. The choice of an avoiding strategy is positively related to the values of Conservation and intergroup anxiety. The choice of the accommodating did not reveal a significant influence of values but this strategy is in positive connection with cultural identity and in a negative connection with self-esteem. Intergroup anxiety is a moderator of the relationship between the value of Openness to change and the collaborating strategy. The obtained results can be used in the development of recommendations in the field of intercultural communication and in the settlement of intercultural conflicts.

Keywords: intercultural conflict, personal values, intergroup anxiety, conflict styles, cultural identity.

Funding

The article was prepared during the research within the framework of the Program of Fundamental Research of the National Research University “Higher School of Economics” (HSE) and using subsidies in the framework of state support for the leading universities of the Russian Federation “5-100”.

REFERENCES

1. Batkhina A.A. Intercultural conflict styles: literature review. *Sotsial'naiia psikhologiiia i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2017. Vol. 8, no. 3, pp. 45–62. doi:10.17759/sps.2017080305 (In Russ., abstr. in Engl.)
2. Karachurina L.B., Mkrtychyan N.V., Abylkalikov S.I. Vnutrirossiiskaya migratsiya naseleniya [Intra-Russian population migration]. In S.V. Zakharov (ed.). *Naselenie Rossii 2015: dvadtsat' tretii ezhegodnyi demograficheskii doklad*. Moscow: Izdatel'skii dom NIU VShE, 2017, pp. 309–322.
3. Karachurina L.B., Mkrtychyan N.V. Vnutrennyaya dolgovremennaya migratsiya naseleniya v Rossii i drugikh stranakh [Internal long-term migration of population in Russia and other countries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta [MSU Vestnik]*. Seriya 5. Geografiya, 2017, no. 2, pp. 74–80.
4. Kozer L.A. *Funktsii sotsial'nogo konflikta [Functions of social conflict]*. Moscow: Dom intellektual'noi knigi: Ideya-press, 2000. 208 p.
5. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeistviya migrantov i naseleniya Rossii [Strategies for Intercultural Interaction between migrants and the population of Russia]. Moscow: RUDN, 2009. 420 p.
6. Lebedeva N.M., Tatarko A.N., Berri Dzh. Sotsial'no-psikhologicheskie osnovy mul'tikul'turalizma: proverka gipotez o mezhkul'turnom vzaimodeistvii v rossiiskom kontekste [Socio-psychological foundations of multiculturalism: testing hypotheses about

intercultural interaction in the Russian context]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]*, 2016, no. 37, pp. 92–104.

7. Malakhov Yu.I. Islamofobiya i drugie faktory radikalizatsii obraza musul'manina v rossiiskom obshchestve [Islamophobia and other factors of the radicalization of the image of a Muslim in Russian society]. *Obrazovanie i dukhovnaya bezopasnost' [Education and spiritual security]*, 2017, no. 2, pp. 42–46.

8. Mal'kova V.K. Polietnicheskaya Moskva 2011–2012 gg. Trevozhnye zvonki v informatsionnom prostranstve [Polyethnic Moscow 2011–2012. Alarming calls in the information space]. *Issledovaniya po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii [Studies on applied and urgent ethnology]*, 2012, no. 233, pp. 3–80.

9. Mkrtchyan N.V. Migratsiya v Moskve i Moskovskoi oblasti: regional'nye i strukturnye osobennosti [Migration in Moscow and the Moscow Region: regional and structural features]. *Regional'nye issledovaniya [Regional research]*, 2015, no. 3, pp. 107–116.

10. Sotkasiira T. Vstrechi s «kavkaztsami». (Pere)osmyslenie «opasnoi» identichnosti v sovremennoi Rossii [Meetings with the “Caucasians”. (Per) understanding of the “dangerous” identity in modern Russia]. *Diaspory [Diasporas]*, 2013, no. 1, pp. 84–112.

11. Chernysh M.F., Evseeva M.A., Epikhina Yu.B. i dr. Sotsial'no-ekonomicheskie faktory mezhetnicheskoi napryazhennosti v regionakh Rossiiskoi Federatsii [Socio-economic factors of inter-ethnic tensions in the regions of the Russian Federation]. *Informatsionno-analiticheskii byulleten' Instituta sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk [Informational and analytical bulletin of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences]*, 2015, no. 3, pp. 1–107.

12. Tsutsiev A. Russkie i kavkaztsy: po tu storonu druzhby narodov [Russians and Caucasians: beyond the friendship of peoples]. *Rossiya i musul'manskii mir [Russia and the Muslim world]*, 2006, no. 4, pp. 33–74.

13. Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostei: primenenie v Rossii [A refined theory of basic individual values: application in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of Higher School of Economics]*, 2012, no. 9 (2), pp. 43–70.

14. Allport G.W. The nature of prejudice. Cambridge, MA: Addison-Wesley, 1954. 576 p.

15. Bar-Tal D., Halperin E., Sharvit K., Zafran A. Ethos of Conflict: The Concept and Its Measurement. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 2012, no. 18 (1), pp. 40–61. doi: 10.1037/a0026860

16. Esentas M., Özbey S., Güzel P. Self-Awareness and Leadership Skills of Female Students in Outdoor Camp. *Journal of Education and Training Studies*, 2017, no. 5 (10), pp. 197–206. doi:10.11114/jets.v5i10.2600

17. Gunkel M., Schlaegel C., Taras V. Cultural values, emotional intelligence, and conflict handling styles. A global study. *Journal of World Business*, 2016, no. 51 (4), pp. 568–585. doi: 10.1016/j.jwb.2016.02.001

18. Hair J., Black W., Babin B., Anderson R. Multivariate Data Analysis (7th Ed.). NJ, USA: Prentice Hall, Inc. Upper Saddle River, 2010. 816 p.

19. Hammer M.R. The Developmental paradigm for intercultural competence research. *International Journal of Intercultural Relations*, 2015, no. 48, pp. 12–13. doi:10.1016/j.ijintrel.2015.03.004

20. Kline R.B. Principles and practice of structural equation modeling (3rd ed.). New York, NY: Guilford Press, 2011. 427 p.
21. Lebedeva N., Tatarko A. Immigration and intercultural interaction strategies in post-Soviet Russia. In E. Tartakovsky (ed.). *Immigration: policies, challenges and impact*. NY: Nova Science Publishers, Inc, 2013, pp. 179–194.
22. Lebedeva N., Tatarko A., Berry J.W. Intercultural relations among migrants from Caucasus and Russians in Moscow. *International Journal of Intercultural Relations*, 2016, no. 52, pp. 27–38. doi:10.1016/j.ijintrel.2016.03.001
23. Lebedeva N., Galyapina V.N., Lepshokova Z., Ryabichenko T. Intercultural Relations in Russia. In J.W. Berry (ed.). *Mutual intercultural relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017, pp. 34–58.
24. Marsella A.J. Culture and conflict: Understanding, negotiating, and reconciling conflicting constructions of reality. *International Journal of Intercultural Relations*, 2005, no. 29, pp. 651–673. doi:10.1016/j.ijintrel.2005.07.012
25. Matsumoto D., Hwang H.C. The role of contempt in intercultural communication. *Cross-Cultural Research*, 2015, no. 40(5), pp. 439–460. doi:10.1177/1069397115599542
26. Neuliep J.W., McCroskey D. The development of intercultural and interethnic communication apprehension scales. *Communication Research Reports*, 1997, no. 14, pp. 145–156. doi:10.1080/08824099709388656
27. Neuliep J.W., Ryan D.J. The influence of intercultural communication apprehension and socio-communicative orientation on uncertainty reduction during initial cross-cultural interaction. *Communication Quarterly*, 1998, no. 46, pp. 88–99. doi:10.1080/01463379809370086
28. Oetzel J.G., Myers K., Meares M., Estefana L. Interpersonal conflict in organizations: Exploring conflict styles via face-negotiation theory. *Communication Research Reports*, 2003, no. 20 (2), pp. 106–115.
29. Oommen D. The relationship between mental distress, assessed in terms of anxiety and depression, and conflict management in the context of cultural adaptation. *Journal of Intercultural Communication Research*, 2013, no. 42, pp. 91–111. doi:10.1080/17475759.2012.744341
30. Putnam L., Wilson C. Communication strategies in organizational conflicts: Reliability and validity of a measurement. In M. Burgoon (ed.). *Communication yearbook*. Beverly Hills: Sage, 1982, pp. 652–692.
31. Rosenberg M. Society and the adolescent self-image. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965. 326 p.
32. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, 1992, no. 25 (1), pp. 1–65.
33. Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M. et al. Refining the theory of basic individual values. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. №103 (4). P. 663–688.
34. Skimina E., Cieciuch J., Schwartz S. H. et al. Testing the Circular Structure and Importance Hierarchy of Value States in Real-Time Behaviors [Electronic resource]. *Journal of Research in Personality*. Published online. 2018. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-research-in-personality> (accessed 10.03.2018).

35. Stephan W.G. Intergroup Anxiety: Theory, Research, and Practice. *Personality & Social Psychology Review*, 2014, no. 18(3), pp. 239–255.
36. Thomas K.W., Kilmann R.H. Developing a forced-choice measure of conflict-handling behavior: The “mode” instrument. *Educational and Psychological Measurement*, 1977, no. 37 (2), pp. 309– 325.
37. Ting-Toomey S., Yee-Jung K.K., Shapiro R.B. et al. Ethnic/cultural identity salience and conflict styles in four US ethnic groups. *International Journal of Intercultural Relations*, 2000, no. 24 (1), pp. 47–81. doi:10.1016/S0147-1767(99)00023-1
38. Ting-Toomey S. Applying Dimensional Values in Understanding Intercultural Communication. *Communication Monographs*, 2010, no. 77(2), pp. 169–180. doi:10.1080/03637751003790428
39. Ting-Toomey S., Oetzel J.G. *Managing Intercultural Conflict Effectively*. SAGE Publications, 2001. 248 p.
40. Tong Y., Chen G.-M. Intercultural Sensitivity and Conflict Management Styles in Cross-Cultural Organizational. *Intercultural Communication Studies*, 2008, no. 17(2), pp. 149–161.
41. Torres C.V., Schwartz S.H., Nascimento T.G. The Refined Theory of Values: Associations with Behavior and Evidences of Discriminative and Predictive Validity. *Psicologia USP*, 2014, no. 27 (2), pp. 341–356. doi:10.1590/0103-656420150045
42. Trawalter S., Adam E.K., Chase-Lansdale P.L., Richeson J.A. Concern about appearing prejudiced get under the skin: Stress responses to interracial contact in the moment and across time. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2012, no. 48, pp. 682–693. doi:10.1016/j.jesp.2011.12.003
43. Trawalter S., Richeson J.A., Shelton J.N. Predicting behavior during interracial interactions: A stress and coping approach. *Personality and Social Psychology Review*, 2009, no. 13, pp. 243–268. doi:10.1177/1088868309345850
44. Turner R.N., Crisp R.J., Lambert E. Imagining intergroup contact can improve intergroup attitudes. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2007, no. 10, pp. 427–441.
45. Worchel S. Culture’s role in conflict and conflict management: Some suggestions, many questions. *International Journal of Intercultural Relations*, 2005, no. 29, pp. 739–757. doi:10.1016/j.ijintrel.2005.08.011

Доверие как модератор связи отношения к этническому многообразию и аккультурационных ожиданий принимającego населения

А.Н. ТАТАРКО*,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
tatarko@yandex.ru

З.Х. ЛЕПШОКОВА**,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
taimiris@yandex.ru

Д.И. ДУБРОВ***,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
ddubrov@hse.ru

Проведено исследование роли генерализованного доверия личности в качестве модератора связи отношения к этническому многообразию и таких аккультурационных ожиданий, как интеграция и ассимиляция. В процессе теоретического анализа выдвинуто два предположения. 1. Чем выше принятие этнического многообразия, тем выше ориентация на аккультурационное ожидание «Интеграция» и ниже — на аккультурационное ожидание «Ассимиляция». 2. У людей с разным уровнем доверия наблюдается различие во взаимосвязях отношения к этническому многообразию и аккультурационных ожиданий: в случае негативного отношения к этническому многообразию люди с более высоким доверием будут в большей мере отдавать предпочтение интеграции, и в меньшей — ассимиляции, чем люди с низким доверием. Выборку исследования составили 198 русских респондентов (59 мужчин и 139 женщин, средний воз-

Для цитаты:

Татарко А.Н., Лепшокова З.Х., Дубров Д.И. Доверие как модератор связи отношения к этническому многообразию и аккультурационных ожиданий принимающего населения // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 1. С. 92–114. doi: 10.17759/sps.2019100106

* *Татарко Александр Николаевич* — доктор психологических наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований, НИУ ВШЭ, Москва, tatarko@yandex.ru

** *Лепшокова Зарина Хизировна* — кандидат психологических наук, доцент факультета социальных наук НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований, НИУ ВШЭ, Москва, Россия, taimiris@yandex.ru

*** *Дубров Дмитрий Игоревич* — аспирант, младший научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований, НИУ ВШЭ, Москва, Россия, ddubrov@hse.ru

раст — 28,6 лет). Инструментарий исследования: методика оценки доверия Т. Ямагиши [50]; опросник оценки степени принятия личностью этнического многообразия [23]; адаптированная методика оценки аккультурационных ожиданий Дж. Берри [5]. Исследование подтвердило предположение о том, что доверие является модератором связи отношения к этническому многообразию с аккультурационными ожиданиями. В статье обсуждается содержательный смысл выявленной модерации.

Ключевые слова: доверие, социально-психологический капитал личности, аккультурационные ожидания, этническое многообразие

Введение

Этническое многообразие большинства развитых стран за последние десятилетия значительно выросло вследствие активных миграционных процессов. Эти процессы не обошли стороной и Россию, которая в настоящее время находится на третьем месте в мире по количеству ежегодно въезжающих мигрантов [31]. При этом Россия характеризуется также интенсивной внутренней миграцией населения, которое довольно разнообразно по своим этнокультурным и религиозным особенностям. Высокая внешняя и внутренняя миграция ставит перед обществом проблему аккультурации мигрантов и взаимодействия с ними. Отношение принимающего населения к мигрантам выражается в виде аккультурационных ожиданий принимающего населения [39; 40].

Аккультурация — это процесс взаимоприспособления этнических групп (чаще всего речь идет о мигрантах и принимающем населении), при котором практически неизбежно изменяются некоторые элементы культуры одной или обеих этнических групп. Поскольку процесс аккультурации имеет двустороннюю направленность, то в фокус внимания исследователя попадают и мигранты, и принимающее население. В рамках своей,

довольно авторитетной теории аккультурации, канадский кросс-культурный психолог Джон Берри предложил четыре базовые аккультурационные стратегии мигрантов (интеграция, ассимиляция, сепарация и маргинализация) и четыре соответствующих этим стратегиям аккультурационных ожидания со стороны принимающего населения — интеграция (мультикультурализм), ассимиляция («плавильный котел»), сегрегация и исключение [14]. Аккультурационные ожидания принимающего общества, также как и аккультурационные стратегии иммигрантов, образованы пересечением двух измерений: отношением к сохранению культуры иммигрантов и отношением к межкультурным контактам. Представители принимающего общества, придерживающиеся аккультурационного ожидания интеграции (мультикультурализма), поощряют иммигрантов сохранять свое культурное наследие и ожидают от них активного включения в межкультурные контакты с представителями принимающего населения. Представители принимающего общества, придерживающиеся стратегии ассимиляции («плавильного котла»), ожидают от иммигрантов отказа от своего культурного наследия, но при этом активного включения во взаимодействие с представителями принимающего общества. Странники сегрегации

приемлют сохранение иммигрантами их культурного наследия, но не поощряют их контакты с представителями принимающего общества. Сторонники исключения — против иммигрантов в любом виде.

Исследователи большее внимание уделяют аккультурационным стратегиям мигрантов, а также предикторам данных стратегий [49]. Аккультурационные ожидания принимающего населения в эмпирических исследованиях рассматриваются значительно реже. В рамках настоящего исследования авторы сосредоточились на рассмотрении двух наиболее фундаментальных аккультурационных ожиданий принимающего населения — интеграции и ассимиляции. В современных поликультурных обществах, к числу которых относится и Россия, в дискурсе, характеризующем отношение к мигрантам, как правило, наиболее часто ставится вопрос о том, что для мигрантов должно быть предпочтительней — ассимилироваться или, сохраняя свою культуру, интегрироваться в общество? В данном исследовании авторы не ставят вопрос о том, какой стратегии из этих двух должны придерживаться мигранты или какого аккультурационного ожидания соответственно должно придерживаться принимающее общество. Цель проведенного исследования состоит в изучении того, насколько заметно влияет такая фундаментальная характеристика личности, как ее доверие, на взаимосвязь между наиболее общими установками, определяющими аккультурационные ожидания (в частности, установки по отношению к этническому многообразию), с такими аккультурационными ожиданиями, как ассимиляция и интеграция. Поскольку Москва является основным центром притяжения мигрантов (как внешних, так и внутренних)

в России, эмпирическое исследование было проведено столице РФ.

Отношение к этническому многообразию и аккультурационные ожидания

В кросс-культурных исследованиях отмечается, что аккультурационное ожидание интеграции, положительно связано с позитивным восприятием иммигрантских групп и негативно связано с предубеждениями [18]. Кроме того, в исследованиях зачастую отмечается тот факт, что одни представители принимающего общества или большинства предпочитают интегрировать иммигрантов, тогда как другие высказываются в пользу ассимиляции [11; 17; 32; 34]. Встает вопрос, что обуславливает выбор представителями принимающего общества того или иного аккультурационного ожидания? Одним из базовых установочных образований принимающего населения, которое влияет на отношение к мигрантам, является общее отношение личности к этническому многообразию. В научном и общественном дискурсе используется близкое понятие — «отношение к идеологии мультикультурализма». Дж. Берри, Р. Калин и Д. Тэйлор провели дифференциацию между мультикультурализмом: 1) как демографической характеристикой общества; 2) как публичной политикой по отношению к этой характеристике; 3) как отношением членов общества к этой характеристике и политике (или идеологии мультикультурализма) [12]. В рамках данного исследования не будем затрагивать отношение к идеологии мультикультурализма, а сосредоточимся на отношении людей к этническому и культурному многообразию общества в целом.

Отношение к мультикультурной идеологии — более широкий, когнитивно нагруженный конструкт и предполагает осознание респондентом последствий этнического и культурного многообразия для общества. Отношение к этническому многообразию больше связано с эмоциональной реакцией респондентов. Оно раскрывается через уважение этнических и культурных различий и активную поддержку равных прав в межкультурном взаимодействии представителей принимающего населения и иммигрантов [13; 47].

В последних исследованиях по аккультурации отмечается, что в поликультурной среде межкультурные установки, как представителей принимающего общества, так и иммигрантов, детерминированы их взглядами и отношением к этническому и культурному многообразию [30]. В недавно проведенном исследовании межкультурных отношений между представителями принимающего общества Москвы и мигрантами с Кавказа выяснилось, что принятие мультикультурной идеологии представителями принимающего общества связано позитивно с ожиданием интеграции и негативно — с ожиданием ассимиляции [33]. Соответственно, поскольку отношение к этническому многообразию — близкий конструкт, можно высказать следующую гипотезу:

Гипотеза 1. Чем выше принятие этнического многообразия, тем выше ориентация на аккультурационное ожидание «Интеграция» и ниже — на аккультурационное ожидание «Ассимиляция».

Принятие этнического многообразия индивидом имеет свои причины. Разумеется, оно может зависеть от некоторых внешних по отношению к индивиду факторов, например, от его личного

опыта взаимодействия с мигрантами; однако неизбежно существуют и внутриличностные факторы, которые влияют на данный вид отношений. В частности, — это генерализованное доверие личности к окружающему миру. Доверие является фундаментальной установкой, которая определяет дальнейшее развитие всех других видов отношений личности к миру, себе и другим [4], поэтому оно неизбежно будет определенным образом взаимодействовать с отношением личности к этническому многообразию и влияние этого взаимодействия на аккультурационные ожидания может приобрести новое качество.

Доверие, отношение к этническому многообразию и аккультурационные ожидания

Доверие является важнейшей составляющей не только межличностных, но и социальных отношений. общепризнано, что высокое доверие способствует социальной интеграции, сотрудничеству, и, в конечном итоге, формированию определенного социального климата, который, в свою очередь, определяет взаимоотношения индивидов в социуме, в том числе их отношение к мигрантам [27]. Установлено, что люди с высоким уровнем доверия имеют больше позитивных социальных контактов [20], способны выстраивать позитивные отношения с окружающими [21; 24], в том числе с мигрантами [8]. Положительное отношение к мигрантам в обществе стимулирует их интеграцию и повышает идентичность с принимающим обществом [16]. Кроме того, А. Билодеауа и С. Уайт при изучении влияния экономических и неэкономических факторов на субъективное

благополучие мигрантов в Канаде приводят данные Европейского социального исследования (ESS), согласно которому доверие в принимающем обществе влияет на субъективное благополучие мигрантов [15]. В тех странах, где уровень доверия высокий (например, в Дании), мигранты ощущают себя счастливее [15]. Следовательно, общество с высоким уровнем доверия может легче достигнуть интеграции мигрантов, чем общество с низким уровнем доверия. Следует ожидать, что и на индивидуальном уровне доверие может быть значимым фактором в объяснении отношения личности к мигрантам (этническому многообразию). Как показывают исследования, доверие позволяет человеку рассматривать большее количество других индивидов как представителей ин-группы, что, в свою очередь, облегчает процесс межкультурного взаимодействия (с представителями аут-групп) [22]. Это объясняется тем, что люди с высоким уровнем доверия более склонны к взаимодействию с другими людьми, в том числе с представителями других культур. Данный процесс является двусторонним: доверие помогает индивиду строить социальные отношения, а данные отношения, в свою очередь, помогают ему поддерживать доверие [36].

По мнению Г.М. Заболотной, одной из важнейших функций доверия является функция гармонизации социальных отношений в условиях культурного многообразия. Г.М. Заболотная отмечает, что в настоящее время в мире наблюдается переход от унифицированности к гетерогенности внутри обществ; т. е. внутри общества образуются группы (например, по этническому признаку), которые стремятся к поддержанию своей самобытности, индивидуальности

[3]. В связи с этим индивид или отдельная группа, сталкиваясь с подобными группами, может испытывать тревожность и даже враждебность по отношению к ним [41; 43]. Следовательно, доверие «к непохожести» призвано нейтрализовать данные негативные проявления и способствовать межкультурному сотрудничеству [42; 48]. Таким образом, доверие составляет основу толерантности, что подразумевает признание и уважение того, что люди из других культурных групп могут отличаться от нас в верованиях, обычаях, традициях и в других проявлениях [3; 25; 43]. Применительно к аккультурационным ожиданиям принимающего населения это означает, что при наличии доверия в обществе люди будут терпимее относиться к этническому многообразию и предпочитать интеграцию. При отсутствии же доверия люди будут менее толерантны к проявлениям «непохожести» этнических групп и будут отдавать предпочтение ассимиляции («плавильный котел»), т. е. будут стремиться к «стиранию» межкультурных различий. Таким образом, при разных уровнях доверия предпочтения аккультурационных ожиданий могут быть различными. Другими словами, доверие может быть модератором связи отношения к этническому многообразию с аккультурационными ожиданиями, что позволяет выдвинуть вторую гипотезу исследования.

Гипотеза 2. У людей с разным уровнем доверия наблюдается различие во взаимосвязях отношения к этническому многообразию с аккультурационными ожиданиями, т. е. доверие является модератором связи отношения к этническому многообразию и аккультурационных ожиданий.

Соответственно, целью настоящего исследования становится выявление направленности модерации. Другими словами, каким образом взаимосвязано отношение к этническому многообразию с рассматриваемыми аккультурационными ожиданиями у людей с высоким и низким доверием.

Метод

Участники исследования. Опрос проводился в г. Москве, выборку исследования составили 198 русских респондентов (59 мужчин и 139 женщин; средний возраст 28,6 лет; медиана 24 года; максимум 68 лет; минимум — 17 лет).

Большинство респондентов были работающими (67%). Что касается дохода, то распределение было следующим (в тыс. руб.): 2,5–7,5 — 6,1%; 7,5–15 — 11,4%; 15–25 — 16,9%; 25–40 — 22,8%; 40–60 — 16,8%; 60–80 — 8,7%; 80–100 — 6,8%; более 100 — 6,8%.

Распределение респондентов по уровню образования было следующим: законченное среднее общее образование — 2,7%; начальное профессиональное образование — 1,4%; среднее профессиональное образование — 2,8%; незаконченное высшее образование — 21,9%; высшее образование (диплом бакалавра или специалиста) — 56%; Высшее образование (диплом магистра) — 10,5%; ученая степень — 4,2%.

Инструментарий исследования. Участникам предлагался для заполнения опросник, состоящий из нескольких методик, которые позволяют оценить генерализованное доверие, отношение к этническому многообразию и аккультурационные ожидания при-

нимающего населения по отношению к мигрантам.

Генерализованное доверие. Респондентам предлагалось по шестибалльной шкале (1 — абсолютно не согласен, 6 — абсолютно согласен) оценить степень согласия с 12 утверждениями. Примеры утверждений: «Большинство людей честные», «Большинство людей отвечают взаимностью, когда им доверяют» и т. д. [50].

В процессе адаптации данной методики выполнялся прямой и обратный перевод, далее оценивалась содержательная валидность методики (проводился конфирматорный факторный анализ), а также оценивалась надежность—согласованность данной методики (коэффициент α -Кронбаха). Результаты конфирматорного факторного анализа приводятся в Приложении 1. После апробации методики были удалены 4 пункта, которые снижали согласованность шкалы и ухудшали показатели качества факторной модели, поэтому в конечной версии методики использовалась шкала из 8 хорошо согласованных пунктов.

Надежность—согласованность финальной версии данной методики: $\alpha=0,81$.

Отношение к этническому многообразию. Респондентам предлагалось по шестибалльной шкале (1 — абсолютно не согласен, 6 — абсолютно согласен) оценить степень согласия с 10 утверждениями. Например: «Я позитивно отношусь к тому, что Москва становится все более этнически разнообразным городом» [23]. Также методика содержала обратные пункты, которые перекодировались (см. Приложение 2).

В процессе адаптации данной методики выполнялся прямой и обратный перевод, далее оценивалась содержательная валидность методики (проводился

конфирматорный факторный анализ), конкурентная валидность (путем оценки связей показателя методики с показателями методики, измеряющей похожее психологическое явление). При переводе авторы внесли в методику изменение, заменив слово «турки» на «мигранты» и название страны «Германия» на название города, в котором авторы проводили исследование — «Москва». Также оценивалась надежность—согласованность методики. Результаты конфирматорного факторного анализа можно найти в Приложении 2. После проведения конфирматорного факторного анализа было удалено 2 пункта, что позволило повысить показатели качества факторной модели. Таким образом, в финальной версии методики осталось 8 пунктов. Надежность—согласованность финальной версии методики: $\alpha=0.78$.

Конкурентная валидность оценивалась путем вычисления корреляции результатов, полученных при помощи методики оценки отношения к этническому многообразию и методики оценки отношения к мультикультурной идеологии Д. Берри [5]. Коэффициент корреляции Спирмена составил $r=0.65$, $p < 0.001$, что позволяет говорить о наличии высокой конкурентной валидности адаптируемой методики.

Аккультурационные ожидания принимающего населения. Для измерения аккультурационных ожиданий принимающего населения использовалась методика Дж. Берри, ранее апробированная одним из авторов с коллегами на российской выборке [5]. В рамках настоящего исследования авторы внесли в методику модификацию для повышения ее надежности—согласованности. В оригинальной версии методики каждое аккультурационное ожидание оценивается при

помощи четырех вопросов, связанных со следующими сферами жизни мигрантов: культура, язык, включенность в сообщества, дружеские связи. В модифицированную версию авторы добавили еще по четыре утверждения на каждую шкалу. Данные утверждения касались других сфер жизни мигрантов: семьи, работы, обучения детей, места проживания. В результате каждое аккультурационное ожидание модифицированной версии оценивалось при помощи восьми утверждений, с каждым из которых респондент должен выразить степень согласия в соответствии с пяти балльной шкалой (1 — абсолютно не согласен, 5 — абсолютно согласен). Данная модификация позволила увеличить надежность—согласованность каждой шкалы. В данном исследовании надежность—согласованность шкалы «Интеграция» была $\alpha=0.80$, а шкалы «Ассимиляция» — $\alpha=0.70$. Модифицированная версия методики валидизирована и опубликована [6].

Социально-демографические данные. В конце опросника находился блок вопросов, направленных на выявление социально-демографических характеристик испытуемых: пол, возраст, род занятий, национальность. Свою национальность респонденты указывали сами в специально отведенной для этого пустой графе.

Обработка данных. Для проведения анализа модерации использовался модуль Process, встраиваемый в программу SPSS [26].

Результаты исследования

Данные обрабатывались при помощи регрессионного анализа с дополнительным анализом модерации. На рис. 1

представлена модель, характеризующая связь позитивного отношения к этническому многообразию с аккультурационным ожиданием «Интеграция» при учете модерационного эффекта доверия.

Модель, представленная на рис. 1, является статистически значимой ($F=24,61$; $p<0,001$) и показывает, что при учете и предиктора, и модератора объясняется 31% дисперсии аккультурационного ожидания «Интеграция». Модерационный эффект доверия оказывается статистически значимым. При этом важно обратить внимание на то, что эффект доверия на рассматриваемую связь является отрицательным. Чтобы понять смысл этой модерации, обратимся к ее графическому представлению.

При помощи модуля Process респонденты были разделены на 2 категории: с самым низким в выборке уровнем доверия (2,6) и с высоким в выборке уровнем доверия (3,8). На рис. 2 можно видеть, как связано отношение к этническому многообразию с аккультурационным ожиданием «Интеграция» в этих двух группах.

Во-первых, с повышением доверия связь между отношением к этническо-

му многообразию и интеграцией ослабевает. Именно в этом и заключается отрицательный эффект доверия. Доверие личности замещает собой этот эффект. Иллюстрацию данной тенденции можно видеть в табл. 1, из которой следует, что с повышением среднего значения доверия, регрессионная связь между отношением к этническому многообразию и интеграцией становится ниже и менее значимой статистически. Во-вторых, можно отметить, что уровень доверия для ориентации на интеграцию оказывается неважным при условии позитивного отношения к этническому многообразию. Однако при негативном отношении к этническому многообразию ориентация на интеграцию выше в группе людей с высоким уровнем доверия.

Эти результаты позволяют предположить, что доверие личности может компенсировать негативное отношение к этническому многообразию.. Соответственно, генерализованное доверие само по себе является очень важным ресурсом налаживания отношений между мигрантами и принимающим населением.

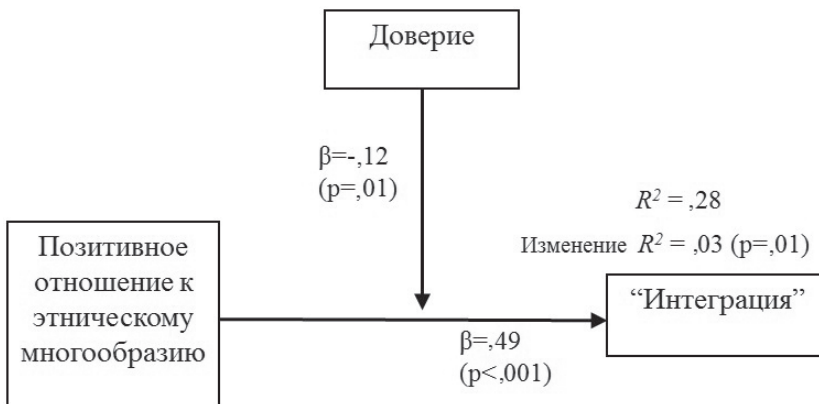

Рис. 1. Доверие как модератор связи позитивного отношения к этническому многообразию и аккультурационного ожидания «Интеграция»

На рис. 3 представлена модель, характеризующая связь позитивного отношения к этническому многообразию с аккультурационным ожиданием «ас-

симилияция» при учете модерационного эффекта доверия. Модель, представленная на рис. 3 является статистически значимой ($F=16,03$; $p<0,001$) и показывает,

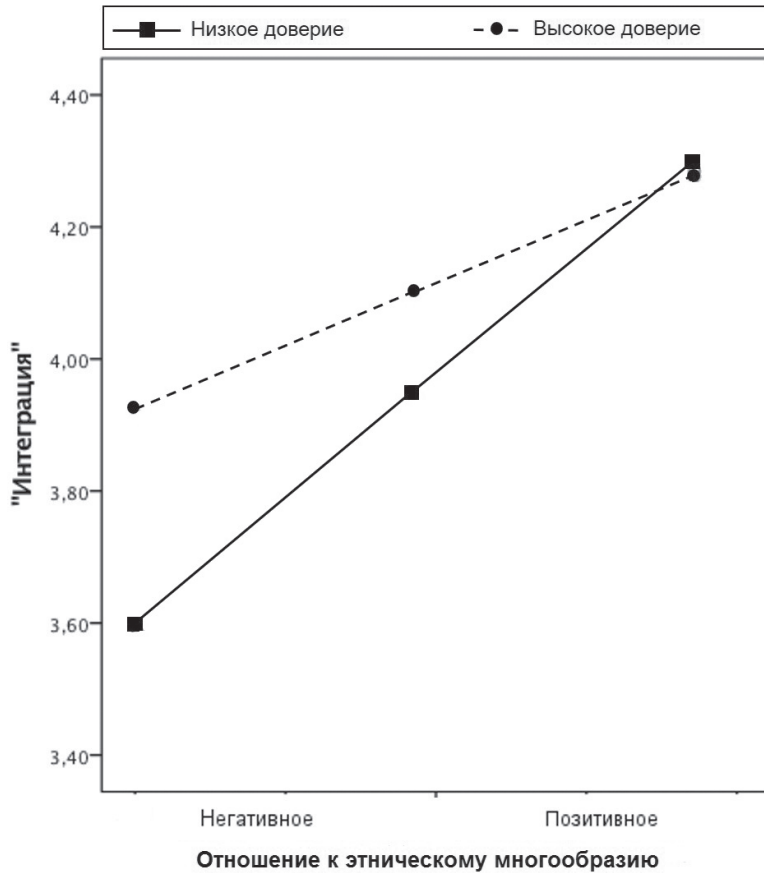

Рис. 2. Интеракция между уровнем доверия и отношением к этническому многообразию при предсказании ориентации на стратегию «Интеграция»

Таблица 1

Связь между отношением к этническому многообразию и аккультурационным ожиданием «Интеграция» в зависимости от уровня доверия

Доверие	β	SE	t	p
2,65	,38	,052	7,21	,0000
3,23	,28	,045	6,34	,0000
3,82	,19	,063	3,02	,0028

что при учете и предиктора и модератора, объясняется 19% дисперсии аккультурационного ожидания «ассимиляция». Модерационный эффект доверия оказывается статистически значимым. Таким образом, можем сказать, что гипотезы H1 и H2 подтверждены. Для более глубокого анализа эффекта модерации, обратимся к ее графическому представлению.

Во-первых, видим, что связь между отношением к этническому многообразию и аккультурационным ожиданием «ассимиляция» более тесная при высоком доверии, при низком доверии она становится слабее. Этот эффект также можно проследить в табл. 2.

Во-вторых, в случае негативного отношения к этническому многообразию, уровень доверия личности не имеет

принципиального значения — ориентация на «ассимиляцию» при высоком и низком доверии становится одинаковой. В случае позитивного отношения к этническому многообразию, уровень доверия личности начинает играть существенную роль. У респондентов с более высоким доверием ориентация на ассимиляцию ниже, чем у респондентов с более низким доверием.

Таким образом, можем видеть, что доверие, взаимодействуя с позитивным отношением к этническому многообразию, усиливает его отрицательное влияние на предпочтение ассимиляции. То есть если в случае с интеграцией можно говорить о компенсации (негативное отношение к этническому многообразию может быть компенсировано доверием), то в данном

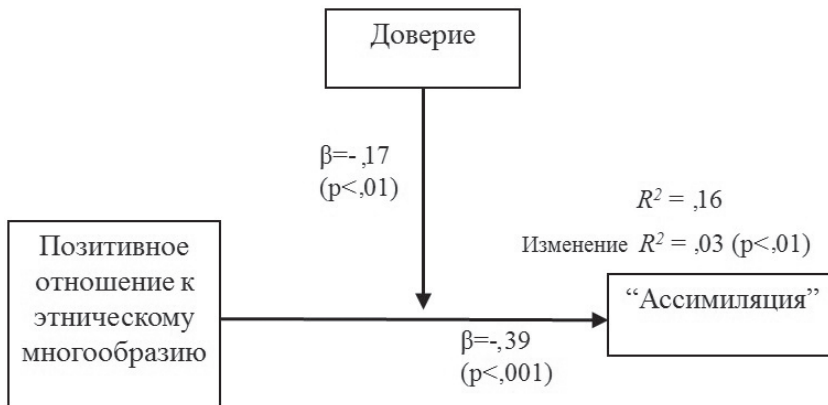

Рис. 3. Доверие как модератор связи позитивного отношения к этническому многообразию и аккультурационного ожидания «ассимиляция»

Таблица 2

Связь между отношением к этническому многообразию и аккультурационным ожиданием «Ассимиляция» в зависимости от уровня доверия

Доверие	β	SE	t	p
2,65	-,15	,053	-2,94	,0036
3,23	-,26	,045	-5,61	,0000
3,82	-,36	,064	-5,51	,0000

случае можно говорить о синергизме (доверие усиливает влияние позитивного отношении к этническому многообразию на снижение ассимиляции).

Обсуждение результатов исследования

Если провести сопоставление полученных в данном исследовании результатов с результатами ранее проведенных исследований, то следует прежде всего

отметить, что полностью аналогичных работ не существует. В проведенных ранее исследованиях рассматривается, как объективное культурное разнообразие (измеренное на макроуровне) влияет на доверие людей (микроуровень анализа) [10; 29; 35; 38; 42; 44]. В этих работах показано, что этническое разнообразие может как снижать доверие в обществе, так и не оказывать на доверие никакого влияния — все зависит от природы и источников этого этнического разнообразия. Исследований, посвященных изучению

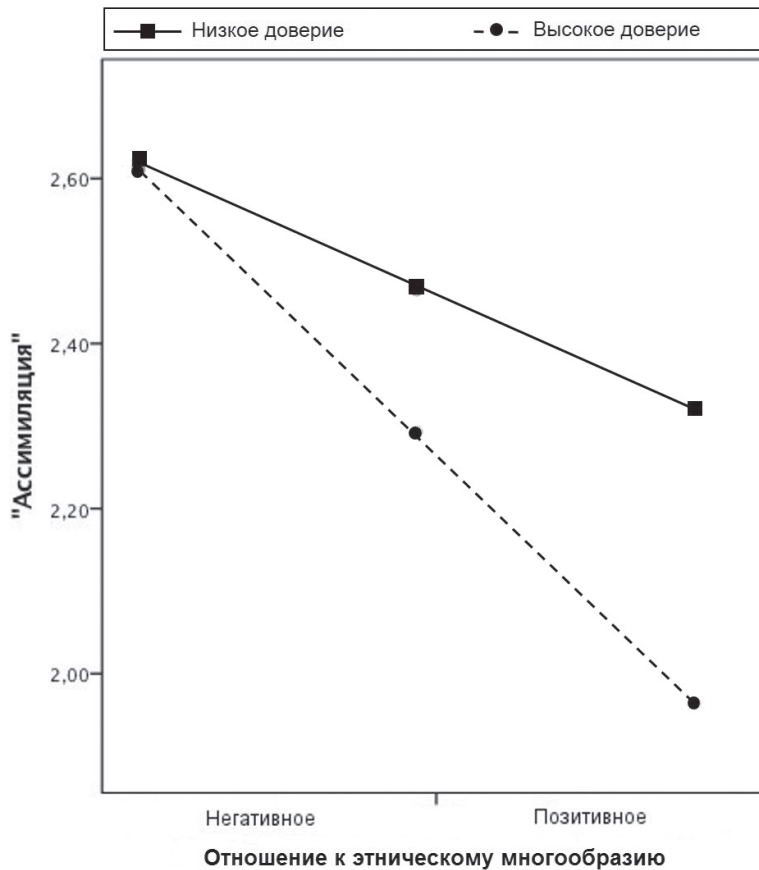

Рис. 4. Интеракция между уровнем доверия и отношением к этническому многообразию при предсказании ориентации на стратегию «ассимиляция»

связи доверия и отношения к культурному или этническому разнообразию на индивидуальном уровне проведено относительно немного [25; 28; 45]. Полученные авторами настоящей статьи данные не противоречат этим результатам и вполне с ними сопоставимы. В частности, в исследовании, проведенном в 21 Европейской стране, установлено, что генерализованное доверие на уровне личности способствует включению мигрантов в так называемый «круг доверенных лиц» (лиц, кому можно доверять), что в свою очередь способствует позитивному отношению к культурному разнообразию [45]. В авторском исследовании доверие также является фактором, усиливающим позитивную связь принятия этнического разнообразия с аккультурационным ожиданием «интеграция», суть которого именно в принятии мигрантов. Недоверие, напротив, может стать причиной дискомфорта при взаимодействии с представителями других культур [25]. В рамках авторского исследования было также показано, что при низком доверии даже при условии позитивного отношения к этническому разнообразию респонденты предпочитают аккультурационное ожидание «Ассимиляция»

В исследовании на примере 16 европейских стран показано, что в обществах с высоким уровнем социального капитала (ядром которого является генерализованное доверие) люди позитивнее относятся к культурному разнообразию, чем в обществах с низким уровнем социального капитала, причем независимо от уровня безработицы и численности мигрантов. Авторами данного исследования было высказано предположение, что доверие выступает решающим фактором при объяснении позитивных установок в отношении культурного разнообразия

[28]. Эти результаты также полностью соответствуют тем эмпирическим данными, которые были получены авторами данной статьи.

Далее было проведено обобщение результатов проведенного исследования (табл. 3). Опираясь на сочетание таких показателей, как уровень доверия и отношение к этническому многообразию (позитивное/негативное), приходим к заключению о том, в какой мере личность придерживается аккультурационных ожиданий «Интеграция» и «Ассимиляция». При высоком доверии и позитивном отношении к этническому многообразию индивид отдает предпочтение интеграции и отвергает ассимиляцию, при противоположных значениях отношения к этническому многообразию и низком доверии видим противоположные результаты — низкую интеграцию и высокую ассимиляцию. При позитивном отношении к этническому многообразию в сочетании с низким доверием индивид в целом отдает предпочтение интеграции, но и допускает, в определенной мере, ассимиляцию. При негативном отношении к этническому многообразию и высоком доверии индивид в целом отдает предпочтение ассимиляции, но и не отвергает возможность интеграции.

Доверие личности не просто выступает катализатором связей отношения к этническому многообразию с аккультурационными ожиданиями, а имеет более сложные эффекты. При рассмотрении связи отношения к этническому многообразию и интеграции авторы получили отрицательный модерационный эффект доверия. То есть высокое доверие ослабляет рассматриваемую взаимосвязь, иными словами, снижает необходимость высокой позитивности отношения к этническому многообразию как

условию ориентации на интеграцию. Оно не делает эту связь противоположной, но фактически у людей с высоким доверием она более слабая, чем у людей с низким доверием (см. рис. 2). У людей с высоким уровнем доверия прямая линия, характеризующая связь между отношением к этническому многообразию и интеграцией, носит в большей степени горизонтальный характер, чем у людей с низким уровнем доверия. То есть при высоких значениях доверия связь между отношением к этническому многообразию и интеграцией является более слабой, чем при низких значениях доверия. Соответственно, у людей с негативным отношением к этническому многообразию ориентация на интеграцию будет выше при условии высокого доверия, чем при низком доверии. Можно сказать, что доверие выполняет компенсационную роль и способно восполнить недостаток позитивного отношения к этническому многообразию, но при высоких значениях позитивности отношения к этническому многообразию роль доверия личности становится малозначимой для предпочтения интеграции. В случае высокого позитивного отношения к этническому многообразию доверие перестает играть компенсационную роль и отличий в уровне ориентации на интеграцию между людьми

с высоким уровнем доверия и низким уровнем доверия не наблюдается.

При анализе взаимосвязи отношения к этническому многообразию с аккультурационным ожиданием «Ассимиляция», наблюдаем противоположный эффект. У тех респондентов, у которых позитивное отношение к этническому многообразию сочетается с низким доверием, выраженность аккультурационного ожидания «Ассимиляция» выше, чем у тех, у кого высокое доверие сочетается с позитивным отношением к этническому многообразию. А в случае негативного отношения к этническому многообразию уровень доверия не играет никакой роли (см. рис. 4).

Иными словами, роль уровня доверия становится важной в случае негативного отношения к этническому многообразию, если речь идет о психологических основах аккультурационного ожидания «Интеграция», и, наоборот, — в случае позитивного отношения к этническому многообразию, если рассматриваем психологические основы отказа от ассимиляционистских установок.

Для понимания полученных результатов обратимся к анализу психологических функций доверия. Доверие в обществе инициирует совместные действия, т. е. позволяет людям сотрудничать, оказывать друг другу помощь и поддержку

Таблица 3

Предпочитаемые аккультурационные ожидания в зависимости от сочетания отношения к этническому многообразию и уровня доверия

Отношение к этническому многообразию	Доверие	
	Высокое	Низкое
Позитивное	Высокая: «Интеграция» Низкая: «Ассимиляция»	Высокая: «Интеграция» Средняя: «Ассимиляция»
Негативное	Высокая: «Ассимиляция» Средняя: «Интеграция»	Высокая: «Ассимиляция» Низкая: «Интеграция»

[2]. Поэтому при негативном отношении к культурному многообразию доверие выполняет компенсаторную функцию и способствует ориентации принимающего населения на интеграцию. Доверие — это возникающее в рамках определенного сообщества ожидание того, что его члены будут вести себя нормально и честно, проявляя готовность к взаимопомощи в соответствии с общепринятыми нормами, культурными традициями, обычаями, общими этическими ценностями [9]. Кроме этого, одной из важнейших функций доверия является интегрирующая функция [1; 2; 4]. Поэтому доверие может компенсировать недостаток позитивности отношения к этническому многообразию в поликультурном обществе.

Выполнение компенсаторной функции возможно, поскольку доверие имеет свойства ресурса и может рассматриваться в качестве системообразующего фактора социально-психологического капитала личности [7]. Это свойство доверия проявляется в том, что люди, обладающие им, умеющие взвешенно доверять, способны построить продуктивные отношения с более широким кругом людей и, как следствие, обладают более высоким уровнем благополучия и удовлетворенности жизнью. Существуют доказательства того, что доверие может рассматриваться в качестве формы социального интеллекта личности [51]. Идея того, что доверие обладает свойствами ресурса, сама по себе не нова. На социетальном уровне оно рассматривается в качестве компонента социального капитала общества [37]; на индивидуальном уровне авторы рассматривают его, как отмечено выше, в качестве системообразующего фактора социально-психологического капитала личности [7]. То есть оно может являться ресурсом, как индивида,

так и группы. Доверие как социальный ресурс становится особенно значимым в периоды социальных потрясений [2], поскольку в таких условиях оно может выполнять компенсаторную функцию [4]. Миграция изменяет сложившуюся социальную среду и, хотя это не всегда социальное потрясение, это изменение сложившегося социального баланса в обществе, и именно имеющийся ресурс доверия может сыграть в таком случае компенсаторную роль, способствуя налаживанию отношений между мигрантами и принимающим населением.

Заключение

Обобщая результаты исследования, можно сказать, что генерализованное доверие является важным ресурсом интеграции поликультурного общества. Причем важным является не только уровень доверия сам по себе, а то, как оно сочетается с отношением к этническому многообразию. Авторское исследование позволило подтвердить предположение о том, что доверие играет роль модератора связи отношения к этническому многообразию с двумя аккультурационными ожиданиями — «Интеграция» и «Ассимиляция».

Обобщенное доверие личности может в определенной мере компенсировать недостаток позитивного отношения к этническому многообразию на пути к интеграции, но оно оказывается не важным для интеграции, если индивид изначально относится к этническому многообразию позитивно.

При анализе генерализованного доверия как модератора связи отношения к этническому многообразию и ассимиляции, авторы обнаружили противоположный эффект. Уровень доверия не

играет никакой роли при предпочтении личностью аккультурационного ожидания «Ассимиляция», если личность в целом негативно относится к этническому многообразию. Но если человек в целом позитивно относится к этническому многообразию, то высокое доверие будет способствовать отказу от ассимиляционных установок.

Проведенное исследование имеет одно ограничение. В частности, выборка была асимметричной по половому составу. Точнее, женщины составляли около 70% выборки, что могло оказать некоторое влияние на результаты исследования.

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при разработке программ тренингов межкультурного взаимодействия и при воспитании детей в поликультурных школах и классах. Вполне вероятно, что сочетание доверия и позитивного отношения к этническому многообразию будет обладать выявленными эффектами не только по отношению к аккультурационным ожиданиям принимающего населения, но и к аккультурационным стратегиям мигрантов. Поэтому в программы тренингов межкультурного взаимодействия и, вероятно, тренингов адаптации для мигрантов важно вводить не только

упражнения на развитие этнокультурной компетентности, но и упражнения на развитие генерализованного доверия. С опорой на результаты, приведенные в табл. 3, можно сказать, что люди, характеризующиеся высоким доверием и позитивным отношением к этническому многообразию, мало нуждаются в тренингах этнической толерантности. Напротив, люди с низким доверием и негативным отношением к этническому многообразию представляют собой наиболее «трудную» группу для развития этнической терпимости. Люди, у которых позитивное отношение к этническому многообразию сочетается с низким доверием, откажутся от ассимиляции в пользу интеграции, если в процессе тренинга удастся повысить их базовое доверие к другим людям в целом. А люди, у которых в целом высокое доверие сочетается с негативным отношением к этническому многообразию, могут повысить предпочтение интеграции и снизить ориентацию на ассимиляцию, если в процессе тренинга удастся повысить их отношение к этническому многообразию.

Одной из перспектив развития исследований в данном направлении может быть проведение подобных исследований с аккультурационными стратегиями мигрантов.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-36-01058-ОГН.

Приложение 1

Результаты конфирматорного факторного анализа методики генерализованного доверия после удаления 4-х пунктов, снижающих качество модели

Формулировка пункта	Нагрузка (станд. вес)
Большинство людей в основном добрые и хорошие	0,73
Большинство людей заслуживают доверия	0,88
Большинство людей — честные	0,73
Большинство людей доверяют другим	0,31
Я доверяю людям	0,65
Большинство людей отвечают взаимностью, когда им доверяют	0,55
Чтобы избежать неприятностей, в отношениях с другими людьми, всегда надо быть начеку (обратный, перекодируется)	0,32
В нашем обществе не нужно постоянно бояться быть обманутым	0,40

Примечание: все нагрузки значимы на уровне $p < ,001$; показатели качества модели: $\chi^2 = 26,02$; $p = 0,099$; $\chi^2 / df = 1,44$; CFI = 0,98; RMSEA = 0,05; PCLOSE = 0,50.

Приложение 2

Результаты конфирматорного факторного анализа методики оценки отношения к этническому многообразию

Формулировка пункта	Нагрузка (станд. вес)
Для меня приемлемо, когда мигранты и этнические меньшинства, живя в Москве, руководствуются нормами и правилами своей культуры	0,57
Я считаю НЕприемлемым, когда поведение и уклад жизни мигрантов и этнических меньшинств в Москве соответствуют их поведению и жизненному укладу на их родине	0,81
Для меня приемлемо, когда мигранты или этнические меньшинства в Москве живут в соответствии со своими религиозными традициями	0,45
Я позитивно отношусь к тому, что Москва становится все более этнически разнообразным городом	0,75
Я думаю, это НЕприемлемо, когда мигранты и этнические меньшинства, проживающие в Москве, носят свою национальную одежду	0,40
Я НЕ отношусь позитивно к тем случаям, когда мигранты и этнические меньшинства в Москве учат своих детей вести себя так же как на родине	0,32
Для меня вполне приемлемо, когда мигранты, живущие в Москве, говорят на своем родном языке там, где это возможно	0,77
Я чувствую себя НЕкомфортно, если вокруг меня находятся люди разных национальностей	0,75

Примечание: все нагрузки значимы на уровне $p < 0,001$; показатели качества модели: $\chi^2 = 18,18$; $p = 0,199$; $\chi^2 / df = 1,29$; CFI = 0,99; RMSEA = 0,04; PCLOSE = 0,61.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антоненко И.В. Доверие: социально психологический феномен. М.: Социум; ГУУ, 2004. 319 с.
2. Веселов Ю.В. Социологическая теория доверия // Экономика и социология доверия / Под ред. Ю.В. Веселова. СПб.: Социол. об-во имени М.М. Ковалевского, 2004. С. 16–32.
3. Заболотная Г.М. Феномен доверия и его социальные функции // Вестник РУДН 2003. № 4. С. 79–85.
4. Куррейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: Институт психологии РАН, 2008. 571 с.
5. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Стратегии межэтнического взаимодействия мигрантов и населения России. М.: РУДН, 2009. 420 с.
6. Лепшокова З.Х., Татарко А.Н. Адаптация и модификация методики аккультурационных ожиданий Джона Берри // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 3. С. 125–146. doi:10.17759/sps.2017080310
7. Татарко А.Н. Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе. М.: Институт психологии РАН, 2014. 384 с.
8. Татарко А.Н. Взаимосвязь доверия с аккультурационными установками (на примере украинцев в России и русских в Латвии) // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 76–84. doi:10.17759/chp.2016120108
9. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. 730 с.
10. Alesina A., La Ferrara E. Who trusts others? // J. Pub. Econ. 2002. Vol. 85 (2). P. 207–234.
11. Barrette G., Bourhis R.Y., Personnaz M., Personnaz B. Acculturation orientations of French and North African undergraduates in Paris // International Journ. of Intercultural Relations. 2004. Vol. 28 (5). P. 415–438.
12. Berry, J.W., Kalin, R., Taylor, D. Multiculturalism and Ethnic Attitudes in Canada. Ottawa: Ministry of Supply and Services, 1977. 359 p.
13. Berry J.W., Kalin R. Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 national survey // Canadian Journ. of Behavioural Science. 1995. Vol. 27. P. 301–320.
14. Berry J.W. Contexts of Acculturation // Immigrant Youth in Cultural Transition / Ed. by Berry J.W., Phinney L.S., Sam D.L., Vedder P. M. N.Y.: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. P. 27–42.
15. Bilodeau A., White S. Trust among recent immigrants in Canada: levels, roots and implications for immigrant integration // Journ. of Ethnic and Migration Studies. 2016. Vol. 42 (8). P. 1317–1333.
16. Bourhis R.Y., Moise L.C., Perreault S., Senecal S. Towards an Interactive Acculturation Model: A Social Psychological Approach // International Journ. of Psychology. 1997. Vol. 32 (6). P. 369–386.
17. Bourhis R.Y., Barrette G., El-Geledi S., Schmidt R. Acculturation orientations and social relations between immigrant and host community members in California // Journ. of Cross-Cultural Psychology. 2009. Vol. 40 (3). P. 443–467.

18. *Bourhis R.Y., Montreuil A.* Methodological issues related to the host community acculturation scale (HCAS) and the immigrant acculturation scale (IAS): An update UQAM Working Paper, Département de Psychologie, Université du Québec à Montréal, 2013.
19. *Brown R.J., Zagefka H.* The dynamics of acculturation: An intergroup perspective // *Advances in experimental social psychology* / M.P. Zanna (ed.). San Diego: Academic Press (Elsevier), 2011. Vol. 44. P. 129–184.
20. *Ferres N., Connell J., Travaglione A.* Co-worker trust as a social catalyst for constructive employee attitudes // *Journ. of Managerial Psychology*. 2004. Vol. 19(6). P. 608–622.
21. *Ferrin D.L., Bligh M.C., Kohles J.C.* Can I Trust You to Trust Me? A Theory of Trust, Monitoring, and Cooperation in Interpersonal and Intergroup Relationships // *Group & Organization Management*. 2007. Vol. 32 (4). P. 465–499.
22. *Flanagan C.* Trust, Identity, and Civic Hope // *Applied Developmental Science*. 2003. Vol. 7 (3). P. 165–171.
23. *Florack A., Bless H., Piontkowski U.* When do people accept cultural diversity? Affect as determinant // *International Journ. of Intercultural Relations*. 2003. Vol. 27 (6) P. 627–640.
24. *Guenzi P., Georges L.* Interpersonal trust in commercial relationships: Antecedents and consequences of customer trust in the salesperson // *European Journ. of Marketing*. 2010. Vol. 44 (1/2). P. 114–138.
25. *Han S.* Attachment insecurity and openness to diversity: The roles of self-esteem and trust // *Personality and Individual Differences*. 2017. Vol. 111. P. 291–296.
26. *Hayes A F.* Introduction to mediation, moderation, and conditional process analysis: A regression-based approach. N.Y.: Guilford Publications, 2013. 507 p.
27. *Hendriks M., Bartram D.* Macro-conditions and immigrants' happiness: Is moving to a wealthy country all that matters? // *Social Science Research*. 2016. Vol. 56. P. 90–107.
28. *Herreros F., Criado H.* Social trust, social capital and perceptions of immigration // *Political Studies*. 2009. Vol. 57 (2). P. 337–355.
29. *Hooghe M., Reeskens T., Stolle D., Trappers A.* Ethnic Diversity and Generalized Trust in Europe. // *Comparative Political Studies*. 2009. Vol. 42 (2). P. 198–223.
30. *Hui B.H., Chen S.X., Leung C.M., Berry J.W.* Facilitating adaptation and intercultural contact: The role of integration and multicultural ideology in dominant and non-dominant groups // *International Journ. Of Intercultural Relations*. 2015. Vol. 45. P. 70–84.
31. *International Migration Report, 2016.* UN Department of Economic and Social Affairs Population Division // United Nations. New York, 2016.
32. *Jasinskaja-Lahti I., Liebkind K., Horenczyk G., Schmitz P.* The interactive nature of acculturation: Perceived discrimination, acculturation attitudes and stress among young ethnic repatriates in Finland, Israel and Germany // *International Journ. of Intercultural Relations*. 2003. Vol. 27 (1). P. 79–97.
33. *Lebedeva N.M., Tatarko A.N., Berry J.* Intercultural relations in Russia and Latvia: the relationship between contact and cultural security // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2016. Vol. 9 (1). P. 41–56.
34. *Ljujic V., Vedder P., Dekker H., van Geel M.* Serbian adolescents' Romaphobia and their acculturation orientations towards the Roma minority // *International Journ. of Intercultural Relations*. 2010. Vol. 36 (1). P. 53–61.

35. *Pettigrew T.F., Tropp L.R., Wagner U., Christ O.* Recent advances in intergroup contact theory // *Int. J. Intercult. Relat.* 2011. Vol. 35 (3). P. 271–280.
36. *Putnam R.* Bowling alone: The collapse and revival of American community. N.Y.: Simon and Schuster, 2000. 544 p.
37. *Putnam R.* Social capital: measurement and consequences // *Canadian Journ. of Policy Research.* 2001. Vol. 2(1). P. 41–51.
38. *Putnam R.* E Pluribus Unum: diversity and community in the twenty-first century. The 2006 Johan Skytte prize lecture // *Scand. Pol. Stud.* 2007. Vol. 30 (2). P. 137–174.
39. *Sam D.L.* Acculturation: Conceptual background and core components // *The Cambridge Handbook of acculturation psychology* / Ed. by. D.L. Sam, J.W. Berry, Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 11–26.
40. *Sam D.L., Berry J.W.* Introduction // *The Cambridge Handbook of acculturation psychology* / Ed. by. D.L. Sam, J.W. Berry, Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 1–6.
41. *Stephan W. G., Ybarra O., Rios Morrison K.* Intergroup threat theory // *Handbook of prejudice, stereotyping, and discrimination* / Ed. by. T.D. Nelson, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 2009. P. 43–60.
42. *Stolle D., Soroka S., Johnston R.* When does diversity erode trust? Neighborhood diversity, interpersonal trust and the mediating effect of social interactions // *Political Studies.* 2008. Vol. 56 (1). P. 57–75.
43. *Strauss J. P., Connerley M. L., Ammerman P. A.* The «threat hypothesis» personality, and attitudes toward diversity // *The Journ. of Applied Behavioral Science.* 2003. Vol. 39. P. 32–52.
44. *Tataro A., Mironova A.A., van de Vijver F.* Ethnic Diversity and Social Capital in the Russian Context // *Journal of Cross-Cultural Psychology.* 2017. Vol. 48. № 4. P. 542–559.
45. *Van der Linden M, Hooghe M, de Vroome T, Van Laar C.* Extending trust to immigrants: Generalized trust, cross-group friendship and anti-immigrant sentiments in 21 European societies // *PLoS ONE.* 2017. Vol. 12 (5): e0177369.
46. *Van Oudenhoven J.P., Ward C., Masgoret A.M.* Patterns of relations between immigrants and host societies // *International Journ. of Intercultural Relation.* 2006. Vol. 30 (6). P. 637–651.
47. *Van de Vijver F.J.R., Breugelmans S.M., Schalk-Soekar S.R.G.* Multiculturalism: Construct validity and stability // *International Journ. of Intercultural Relations.* 2008. Vol. 32 (2). P. 93–104.
48. *Wagner U., Christ O., Pettigrew T. F., Stellmacher J., Wolf C.* Prejudice and minority proportion: contact instead of threat effects // *Soc. Psychol. Quart.* 2006. Vol. 69 (4). P. 380–390.
49. *Ward C., Rana-Deuba A.* Acculturation and adaptation revisited // *Journ. of Cross-Cultural Psychology.* 1999. Vol. 30 (4). P. 422–442.
50. *Yamagishi T.* Trust and Social Intelligence // *The Evolutionary Game of Mind and Society* / Toshio Yamagishi. Tokyo: Tokyo University Press, 1998. P. 107-171.
51. *Yamagishi, T.* Trust as A Form of Social Intelligence // *Trust in Society* / Ed. by. K. Cook. N. Y.: Russell Sage Foundation, 2001. P. 121–147.

Trust as a moderator of attitude towards ethnic diversity and acculturation expectations of the host population

A.N. TATARKO*,
NRU HSE, Russia, Moscow,
tatarko@yandex.ru

Z.K. LEPSHOKOVA**,
NRU HSE, Russia, Moscow,
taimiris@yandex.ru

D.I. DUBROV***,
NRU HSE, Russia, Moscow,
ddubrov@hse.ru

We studied the role of generalized trust as a moderator of attitude towards ethnic diversity and acculturation expectations such as «integration» and «assimilation». In the process of theoretical analysis, two assumptions are made. (1) the higher the acceptance of ethnic diversity, the higher the orientation towards acculturation expectation «integration» and the lower the acculturation expectation «assimilation». (2) there is a difference in the relationship between attitudes towards ethnic diversity and acculturation expectations: in the case of negative attitudes towards ethnic diversity, people with higher trust will more prefer integration and less assimilation than people with lower trust. The sample of the study consisted of 198 Russian respondents (59 men and 139 women, mean age 24) who were born or lived more than 10 years in Moscow. Tools of research: methods of trust evaluation by T. Yamagishi [50]; questionnaire to assess the degree of acceptance of the identity of ethnic diversity [23]; an adapted method of assessing acculturation expectations by John. Berry [5]. The study confirmed the assumption that trust is a moderator of the relationship between attitudes towards ethnic diversity and acculturation expectations. The article discusses the meaning of the found moderation.

Keywords: trust, socio-psychological capital of a person, acculturation expectations, ethnic diversity.

For citation:

Tatarko A.N., Lepshokova Z.K., Dubrov D.I. Trust as a moderator of attitude towards ethnic diversity and acculturation expectations of the host population. *Sotsial'naiia psikhologiiia i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 1, pp. 92–114. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/sps.2019100106

* *Tatarko Alexander N.* — Doctor of Science in Psychology, professor, faculty of social sciences, NRU HSE, chief research fellow, International laboratory for socio-cultural research, NRU HSE, Moscow, Russia, tatarko@yandex.ru

** *Lepshokova Zarina K.* — PhD in Psychology, associate professor, faculty of social sciences, NRU HSE, senior research fellow, International laboratory for socio-cultural research, NRU HSE, Moscow, Russia, taimiris@yandex.ru

*** *Dubrov Dmitrii I.* — PhD student, junior research fellow, International laboratory for socio-cultural research, NRU HSE, Moscow, Russia, ddubrov@hse.ru

Funding

This work was supported by the Russian Foundation for Fundamental Research (Project No. 16-36-01058-OGN).

REFERENCES

1. Antonenko I.V. Doverie: social'no psixologicheskij fenomen [Trust: socio-psychological phenomenon]. Moscow: Socium, 2004. 319 p.
2. Veselov Y.V. Sociologicheskaya teoriya doveriya [A sociological theory of trust]. In Y.V. Veselov (ed.). *E'konomika i sociologiya doveriya [Economics and sociology of trust]*. St. Petersburg: Sociol. ob-vo im. M.M. Kovalevskogo, 2004, pp. 16–32.
3. Zaboltnaya G.M. Fenomen doveriya i ego social'ny'e funkicii [The phenomenon of trust and its social functions]. *Vestnik RUDN*, 2003. Vol. 4, pp. 79–85.
4. Kuprejchenko A. B. Psixologiya doveriya i nedoveriya [Psychology of trust and distrust]. Moscow: Institut psixologii RAN, 2008. 571 p.
5. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Strategii mezhe'tnicheskogo vzaimodejstviya migrantov i naseleniya Rossii [Strategies of interethnic interaction between migrants and the Russian population]. Moscow: RUDN, 2009. 420 p.
6. Lepshokova Z.K., Tatarko A.N. Adaptation and modification of John Berry's measure of acculturation expectations. *Sotsial'naiia psikhologüia i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2017. Vol. 8, no. 3, pp. 125–146. doi:10.17759/sps.2017080310 (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Tatarko A.N. Social'no-psixologicheskij kapital lichnosti v polikul'turnom obshhestve [Socio-psychological capital of a person in a multicultural society]. Moscow: Institut psixologii RAN, 2014. 384 p.
8. Tatarko A.N. Relationship between Trust and Acculturation Attitudes (With Ukrainians in Russia and Russians in Latvia as an Example). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2016. Vol. 12, no. 1, pp. 76–84. doi:10.17759/chp.2016120108. (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Fukuyama F. Doverie: social'ny'e dobrodeteli i put` k procvetaniyu [Trust: social virtues and the road to prosperity]. Moscow, 2004. 730 p.
10. Alesina A., La Ferrara E. Who trusts others? *J. Pub. Econ*, 2002. Vol. 85 (2), pp. 207–234.
11. Barrette G., Bourhis R.Y., Personnaz M., Personnaz B. Acculturation orientations of French and North African undergraduates in Paris. *International Journ. of Intercultural Relations*, 2004. Vol. 28 (5), pp. 415–438.
12. Berry, J.W., Kalin, R., Taylor, D. Multiculturalism and Ethnic Attitudes in Canada. Ottawa: Ministry of Supply and Services, 1977. 359 p.
13. Berry J.W., Kalin R. Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 national survey. *Canadian Journ. of Behavioural Science*, 1995. Vol. 27, pp. 301–320.
14. Berry J.W. Contexts of Acculturation. In Berry J.W., Phinney L.S., Sam D.L., Vedder P.M. (ed.). *Immigrant Youth in Cultural Transition*. N.Y.: Lawrence Erlbaum Associates, 2006, pp. 27–42.
15. Bilodeau A., White S. Trust among recent immigrants in Canada: levels, roots and implications for immigrant integration. *Journ. of Ethnic and Migration Studies*, 2016. Vol. 42 (8), pp. 1317–1333.

16. Bourhis R.Y., Moise L.C., Perreault S., Senecal S. Towards an Interactive Acculturation Model: A Social Psychological Approach. *International Journ. of Psychology*, 1997. Vol. 32 (6), pp. 369–386.
17. Bourhis R.Y., Barrette G., El-Geledi S., Schmidt R. Acculturation orientations and social relations between immigrant and host community members in California // *Journ. of Cross-Cultural Psychology*, 2009. Vol. 40 (3), pp. 443–467.
18. Bourhis R.Y., Montreuil A. Methodological issues related to the host community acculturation scale (HCAS) and the immigrant acculturation scale (IAS): An update UQAM Working Paper, Département de Psychologie, Université du Québec à Montréal, 2013.
19. Brown R.J., Zagefka H. The dynamics of acculturation: An intergroup perspective. In M.P. Zanna (Ed.). *Advances in experimental social psychology*. San Diego: Academic Press (Elsevier), 2011. Vol. 44, pp. 129–184.
20. Ferres N., Connell J., Travaglione A. Co-worker trust as a social catalyst for constructive employee attitudes. *Journ. of Managerial Psychology*, 2004. Vol. 19(6), pp. 608–622.
21. Ferrin D. L., Bligh M. C., Kohles J. C. Can I Trust You to Trust Me? A Theory of Trust, Monitoring, and Cooperation in Interpersonal and Intergroup Relationships. *Group & Organization Management*, 2007. Vol. 32(4), pp. 465–499.
22. Flanagan C. Trust, Identity, and Civic Hope. *Applied Developmental Science*, 2003. Vol. 7 (3), pp. 165–171.
23. Florack A., Bless H., Piontkowski U. When do people accept cultural diversity? Affect as determinant. *International Journ. of Intercultural Relations*, 2003. Vol. 27 (6), pp. 627–640.
24. Guenzi P., Georges L. Interpersonal trust in commercial relationships: Antecedents and consequences of customer trust in the salesperson. *European Journ. of Marketing*, 2010. Vol. 44 (1/2), pp. 114–138.
25. Han S. Attachment insecurity and openness to diversity: The roles of self-esteem and trust. *Personality and Individual Differences*, 2017. Vol. 111, pp. 291–296.
26. Hayes A.F. Introduction to mediation, moderation, and conditional process analysis: A regression-based approach. N.Y.: Guilford Publications, 2013. 507 p.
27. Hendriks M., Bartram D. Macro-conditions and immigrants' happiness: Is moving to a wealthy country all that matters? *Social Science Research*, 2016. Vol. 56, pp. 90–107.
28. Herreros F., Criado H. Social trust, social capital and perceptions of immigration. *Political Studies*. 2009. Vol. 57(2). P. 337–355.
29. Hooghe M., Reeskens T., Stolle D., Trappers A. Ethnic Diversity and Generalized Trust in Europe. *Comparative Political Studies*, 2009. Vol. 42(2), pp. 198–223.
30. Hui B.H., Chen S.X., Leung C.M., Berry J. W. Facilitating adaptation and intercultural contact: The role of integration and multicultural ideology in dominant and non-dominant groups. *International Journ. Of Intercultural Relations*, 2015. Vol. 45, pp. 70–84.
31. International Migration Report, 2016. UN Department of Economic and Social Affairs Population Division. *United Nations*. New York, 2016.
32. Jasinskaja-Lahti I., Liebkind K., Horenczyk G., Schmitz P. The interactive nature of acculturation: Perceived discrimination, acculturation attitudes and stress among young ethnic repatriates in Finland, Israel and Germany. *International Journ. of Intercultural Relations*, 2003. Vol. 27 (1), pp. 79–97.

33. Lebedeva N.M., Tatarko A.N., Berry J. Intercultural relations in Russia and Latvia: the relationship between contact and cultural security. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2016. Vol. 9 (1), pp. 41–56.
34. Ljubic V., Vedder P., Dekker H., van Geel M. Serbian adolescents' Romaphobia and their acculturation orientations towards the Roma minority. *International Journ. of Intercultural Relations*, 2010. Vol. 36 (1), pp. 53–61.
35. Pettigrew T. F., Tropp L. R., Wagner U., Christ O. Recent advances in intergroup contact theory. *Int. J. Intercult. Relat*, 2011. Vol. 35 (3), pp. 271–280.
36. Putnam R. *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. N.Y.: Simon and Schuster, 2000. 544 p.
37. Putnam R. Social capital: measurement and consequences. *Canadian Journ. of Policy Research*, 2001. Vol. 2 (1), pp. 41–51.
38. Putnam R. E Pluribus Unum: diversity and community in the twenty-first century. The 2006 Johan Skytte prize lecture. *Scand. Pol. Stud*, 2007. Vol. 30 (2), pp. 137–174.
39. Sam D.L. Acculturation: Conceptual background and core components. In D.L. Sam, J.W. Berry (ed.). *The Cambridge Handbook of acculturation psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006, pp. 11–26.
40. Sam D.L., Berry J.W. Introduction. In D.L. Sam, J.W. Berry (ed.). *The Cambridge Handbook of acculturation psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006, pp. 1–6.
41. Stephan W. G., Ybarra O., Rios Morrison K. Intergroup threat theory. In T.D. Nelson (ed.). *Handbook of prejudice, stereotyping, and discrimination.*/ N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 2009, pp. 43–60.
42. Stolle D., Soroka S., Johnston R. When does diversity erode trust? Neighborhood diversity, interpersonal trust and the mediating effect of social interactions. *Political Studies*, 2008. Vol. 56 (1), pp. 57–75.
43. Strauss J.P., Connerley M.L., Ammerman P.A. The «threat hypothesis», personality, and attitudes toward diversity. *The Journ. of Applied Behavioral Science*, 2003. Vol. 39, pp. 32–52.
44. Tatarko A., Mironova A.A., van de Vijver F. Ethnic Diversity and Social Capital in the Russian Context. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2017. Vol. 48. no. 4, pp. 542 – 559.
45. Van der Linden M, Hooghe M, de Vroome T, Van Laar C. Extending trust to immigrants: Generalized trust, cross-group friendship and anti-immigrant sentiments in 21 European societies. *PLoS ONE*, 2017. Vol. 12 (5): e0177369.
46. Van Oudenhoven J.P., Ward C., Masgoret A.M. Patterns of relations between immigrants and host societies. *International Journ. of Intercultural Relation*, 2006. Vol. 30 (6), pp. 637 – 651.
47. Van de Vijver F.J.R., Breugelmans S.M., Schalk-Soekar S.R.G. Multiculturalism: Construct validity and stability. *International Journ. of Intercultural Relations*, 2008. Vol. 32 (2), pp. 93–104.
48. Wagner U., Christ O., Pettigrew T. F., Stellmacher J., Wolf C. Prejudice and minority proportion: contact instead of threat effects. *Soc. Psychol. Quart*, 2006. Vol. 69 (4), pp. 380–390.
49. Ward C., Rana-Deuba A. Acculturation and adaptation revisited. *Journ. of Cross-Cultural Psychology*, 1999. Vol. 30 (4), pp. 422–442.
50. Yamagishi T. Trust and Social Intelligence. *The Evolutionary Game of Mind and Society*. Tokyo: Tokyo University Press, 1998, pp. 107–171. doi:10.1007/978-4-431-53936-0
51. Yamagishi, T. Trust as A Form of Social Intelligence. In K. Cook (ed.). *Trust in Society*. N.Y.: Russell Sage Foundation, 2001, pp. 121–147.

Взаимосвязь стиля привязанности и коммуникационных реакций на ревность: половые сходства и различия

И.А. ФУРМАНОВ*,
БГУ, Минск, Республика Беларусь,
fourmigor@gmail.com

Теория привязанности предполагает, что внутренние рабочие модели могут влиять на склонность испытать ревность. Изучение половой вариативности реакций на ревность предоставляет возможность исследовать различия в стилях привязанности, поскольку ревность является одним из самых сильных переживаний людей, испытываемых в близких межличностных отношениях. Была выдвинута гипотеза о существовании половых различий в связях стилей привязанности и способов выражения ревности. Использовались методики «Шкала взрослой привязанности» и «Коммуникативные реакции на ревность». В исследовании приняли участие 507 человек (242 мужчины, 265 женщин). Вне зависимости от пола индивидов с надежным стилем привязанности отличается склонность к интегративной коммуникации, с отвергающим стилем привязанности — предпочтение компенсационных действий, с озабоченным стилем привязанности — использование стратегии негативной аффективной экспрессии, дистрибутивной коммуникации и избегания. Для индивидов с опасливым стилем привязанности существует строгая половая дифференциация. В коммуникационных реакциях на ревность у индивидов с различными стилями привязанности обнаруживаются значительные половые различия.

Ключевые слова: надежный, озабоченный, отвергающий, опасливый стили привязанности; коммуникационные реакции на ревность.

Согласно теории привязанности, взаимодействия детей с их попечителями (родителями, воспитателями) формируют ментальные (внутренние рабочие) модели

себя и других. Эти модели представляют собой когнитивные схемы, которые основываются на внутренних репрезентациях о том, какие сценарии привязанности в

Для цитаты:

Фурманов И.А. Взаимосвязь стиля привязанности и коммуникационных реакций на ревность: половые сходства и различия // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 1. С. 115–133. doi: 10.17759/sps.2019100107

* Фурманов Игорь Александрович — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь, fourmigor@gmail.com

отношениях должны быть реализованы. Их активация происходит, когда возникает угроза привязанности в отношениях [7; 10; 11; 12]. Определенные эмоциональные и поведенческие реакции людей на эти угрозы, в свою очередь, определяются ожиданиями в межличностных отношениях [23; 37].

Теория привязанности также предполагает, что внутренние рабочие модели могут повлиять на склонность испытать ревность. Ревность возникает в случае угрозы или фактической потери ценных, значимых отношений с другим человеком, из-за существования реального или воображаемого конкурента [16; 21].

Д.Дж. Шарпстин и Л.А. Киркпатрик [37], например, отметили четыре независимых параллели между привязанностью и ревностью: 1) обе функционируют, чтобы поддержать близкие отношения; 2) обе вызваны угрозами привязанности в отношениях; 3) обе вовлекают фундаментальные эмоции страха, гнева и печали; 4) обеими управляют ментальные модели близких отношений. В свете этих общих черт фактически вполне обоснованно использовать научную парадигму привязанности, чтобы предсказать паттерны ревности в близких межличностных отношениях [25; 33; 37].

«Детские» и «взрослые» типы привязанности

Теория привязанности была первоначально предложена в качестве основы для изучения того, как родительско-детские взаимодействия влияют на развитие ментальных моделей Я и Других и, впоследствии, на личностное развитие и безопасность ребенка [5; 10; 11; 13]. Как уже отмечалось, ментальные модели —

это обобщенные схемы, которые отражают внутренние представления, как о себе, так и о других. Эти модели базируются в значительной степени на прошлом опыте индивида, полученном в близких отношениях [11; 12; 14; 17], и располагаются в позитивно-негативном континууме. Индивиды с позитивными моделями Я самодостаточны и уверены, тогда как индивиды с негативными моделями Я отличаются нехваткой уверенности и требуют нескончаемых внешних подтверждений [7; 8]. Индивиды с позитивными моделями Других рассматривают отношения как полезные, а потенциальных партнеров как благосклонных, восприимчивых и одобряющих. Напротив, индивиды с негативными моделями Других рассматривают отношения как относительно бесполезные или несущественные.

Наблюдения позволили М. Эйнсворт с коллегами [5] определить три различных типа привязанности: надежный, тревожно-амбивалентный и избегающий. Дети надежного типа рассматривают своих попечителей как надежные источники комфорта и безопасности. Тревожно-амбивалентные дети, напротив, часто рассматривают своих попечителей как непоследовательных и противоречивых, что приводит к неопределенности и дивергентности эмоциональных реакций, которые характеризуются амбивалентностью: колеблются от активного поиска близости к вспышкам гнева. Кроме того, тревожно-амбивалентные дети могут обвинять себя в непоследовательности их попечителя. Дети избегающего типа также имеют относительно негативные модели других и активно избегают контакта с попечителем. Часто попечители детей избегающего типа пренебрежительно относились к ним — либо чрезмерно, либо недостаточно стимулировали их, при-

нуждая ребенка становиться сепарированным и обороняющимся [5; 31].

Помимо всего прочего ментальные модели определяют и поведение взрослых, особенно когда они переживают стресс или негативный аффект [38]. К. Хазан и П.Р. Шавер [27] утверждали, что взрослые обладают теми же самыми типами привязанности, что и дети. Они установили, что взрослые, которые определяли себя как надежных, тревожно-амбивалентных или избегающих, различались друг от друга восприятием себя, других и отношений. В частности, *надежные* отмечали, что являются любящими, рассматривают других как принимающих и полных благих намерений, а любовь воспринимают как что-то, что изменяется в течение отношений. *Тревожно-амбивалентные* сообщали о наличии неуверенности в себе, о волнующих переживаниях, что другие недостаточно заботятся о них, о желании более близких отношений и о том, что они легко и с большой эмоциональной интенсивностью влюбляются. *Избегающие* обозначали, что они могут прожить относительно хорошо сами и что романтическую любовь трудно найти и она редко сохраняется [27]. Из этих описаний следует, что надежные имеют позитивные модели себя и других; тревожно-амбивалентные — негативные модели себя, а избегающие — негативные модели других.

Более конкретное осмысление связи между ментальными моделями и типами привязанности было представлено К. Бартоломью [7; 9], который предложил четыре отличных друг от друга типа привязанности. Каждый из них характеризуется различной комбинацией моделей Я и Других. *Надежный (secure) стиль привязанности* характеризуется позитивными моделями себя и других,

уверенностью в себе и интересом к установлению и поддержанию отношений. *Озабоченный (preoccupied) тип привязанности* (схожий с тревожно-амбивалентным) отличается негативной моделью Я, но позитивной моделью Других. Следовательно, индивиды с этим типом привязанности имеют сильные потребности во внешнем подтверждении, хотя бы чрезвычайно близких отношений и часто озабочены этими отношениями. *Отвергающий (dismissing) тип привязанности* предполагает позитивную модель себя, но негативную модель других. Поэтому отвергающие не интересуются развивающимися привязанностями с другими. Вместо этого отвергающие часто сосредотачиваются на работе или хобби и развивают модель себя как абсолютно самостоятельную [7; 8; 22]. *Опасливый (fearful) тип привязанности* характеризуется негативными моделями как себя, так и других. У этих индивидов есть несовместимые потребности. С одной стороны, они ищут внешнее подтверждение (признание) и желают близости в отношениях, но с другой стороны, они не доверяют другим и боятся отвержения. Многим из них причинили боль в прошлых отношениях и они не хотят поставить себя под угрозу снова.

Привязанность и ревность в близких межличностных отношениях

Н.Л. Коллинз и С.Л. Риид [17] утверждали, что стиль коммуникации индивида создает социальную среду, которая навсегда сохраняет ожидаемые последствия и укрепляет ментальные модели. В случае переживания ревности индивиды могут совершать действия, ко-

торые укрепляют их высокие или низкие уровни самоуважения, а также их позитивные или негативные установки к налаживанию отношений близости.

Было установлено, что некоторые отношения характеризуются большей силой ревности, чем другие. В свое время Дж.Л. Уайт и П.Е. Мюллен [39] предположили, что теория привязанности может помочь объяснить, почему некоторые отношения досаждают большей интенсивностью ревности, чем другие. Было определено, что ментальные модели, которые лежат в основе типов привязанности, могут регулировать и то, как переживается ревность. В частности, исследования последовательно демонстрируют, что люди с тревожным стилем привязанности испытывают больше ревности, чем люди с надежными стилями [15; 25; 37]. Кроме того, К. Радецки-Буш с коллегами [33] выявили, что люди, которые обладали тревожными стилями привязанности, оценивали угрозы отношениям как более серьезные, чем люди с надежными стилями привязанности. В свою очередь, более высокие оценки угрозы, корреспондировали с более негативными эмоциональными реакциями.

Ревность редко переживается исключительно внутриличностно. Чаще всего ревность выражается посредством действий и межличностного общения. Было выявлено, что межличностное общение изменяется в зависимости от названных выше четырех типов привязанности. В исследованиях заботливого поведения Л.Дж. Кюнс и П.Р. Шавер [31] установили, что надежные и озабоченные индивиды обеспечивали своих партнеров наибольшим физическим комфортом. Надежные также были максимально чувствительными к потребностям их партнеров. Озабоченные и опасливые сообщили

о чрезмерно навязчивых паттернах заботы в отношении партнеров по общению.

Точно так же, как индивиды с разными типами привязанности отличаются по эмоциональному реагированию и паттернам межличностного общения [9; 24; 25], обнаруживаются различия и в формах выражения ревности.

В настоящий момент существует только одно исследование, посвященное изучению связи категории стиля привязанности и показателей выражения ревности. По мнению Л.К. Гуэрреро и коллег [26] выражение ревности включает действия как спонтанного выражения эмоции ревности, так и стратегической коммуникации, которая направлена на других. Был определен ряд типов коммуникационных реакций на ревность, которые являются релевантными выражению ревности. В результате проведенного исследования было установлено, что индивиды с различными типами привязанности отличаются по использованию этих коммуникационных реакций на ревность, а ментальные модели, которые лежат в основе типов привязанности, регулируют выражение эмоции и отражают тенденции к приближению или уходу от других [25].

Вместе с тем указанное исследование обладает существенным ограничением — оно не учитывает половых различий в стилях привязанности.

Хотя результаты метаанализа многочисленных исследований не выявляют сколько-нибудь значимых половых различий [19], в то же самое время существуют доказательства наличия значительных кросскультурных половых различий [35; 36].

Во многих странах мужчины больше склонны к избеганию, в то время как женщины — к тревоге. В частности,

Д.Р. Шмитт с коллегами [36], проанализировав данные по стилям привязанности в 62 странах, выявили небольшие половые различия в отвергающем типе привязанности в большинстве культур (в частности, в культурах с низким уровнем стресса и скудной средой фертильности) и пришли к заключению, что высокий уровень отвергаемости у мужчин является почти универсальным. Эти данные совместимы и с другими исследованиями, в которых было установлено, что мужчины чаще, чем женщины, использовали отвергающий стиль привязанности во взаимодействии с окружающими, а женщины — немного чаще, чем мужчины, использовали опасливый стиль привязанности [32]. Согласно результатам еще одних исследований, мужчины больше были склонны к надежному типу привязанности, чем женщины, а женщины по сравнению с мужчинами — к опасливому. По остальным типам различий зафиксировано не было [29].

Кроме того, существуют и значимые различия в коммуникационных реакциях на ревность. В частности, в исследованиях И.А. Фурманова [2] установлено, что существенное различие в стратегиях совладания с ревностью между мужчинами и женщинами состоит в том, что активность мужчин направлена на конкурента, а у женщин — на партнера.

Все вышеизложенное дает основания выдвинуть *гипотезу* о существовании вариативности реакций на ситуацию, вызывающую переживание ревности, в зависимости от пола и стилей привязанности. Выявление этой вариативности реакций на ревность предоставит возможность исследовать различия в стилях привязанности, поскольку ревность является одним из самых сильных переживаний людей, испытываемых в близ-

ких межличностных отношениях. Кроме того, есть веские причины ожидать, что существуют значительные половые различия в связях стилей привязанности и способов выражения ревности.

Дизайн исследования

Инструментарий. Для определения стилей привязанности и способов выражения ревности в близких межличностных отношениях использовались следующие методики:

Методика «Шкала взрослой привязанности» («AAS» — Adult Attachment Scale) [17], адаптированная И.А. Фурмановым [1]. Опросник состоит из 18 утверждений, каждое из которых оценивается по пятибалльной шкале Лайкерта, и определяет выраженность трех типов привязанности: близость, зависимость, тревога. Использование четвертого измерения — избегания, согласно рекомендации авторов методики [18], позволило соотнести полученные стили с категориями стилей привязанности в модели К. Бартоломью и Л. Хоровица [9]: надежным (близость), опасливым (зависимость), озабоченным (тревога), отвергающим (избегание).

Методика «Коммуникативные реакции на ревность» («CRJ» — Communicative Responses to Jealousy), разработанной Л.К. Гуэрреро и коллегами [26], адаптированный и валидизированный И.А. Фурмановым и А.О. Вергейчик [2]. Данный опросник состоит из 52 суждений, каждое из которых оценивается по семибалльной шкале, и выявляет десять типов интерактивных реакций на ревность: активное дистанцирование, негативная аффективная экспрессия, интегративная коммуникация,

дистрибутивная коммуникация, избегание/отрицание, насильственная коммуникация/угрозы, контроль/ограничение, компенсация/замещение, манипуляция, контакт с соперником.

Выборка. В исследовании приняли участие студенты дневных и заочных форм получения высшего образования факультетов гуманитарного, естественно-научного и технического профилей, всего 507 человек (мужчины — N=242; женщины — N = 265). Средний возраст — 28,5 лет.

Статистика. Рассчитывались коэффициенты корреляции Пирсона.

Результаты и их обсуждение

Корреляционный анализ позволил выявить следующие взаимосвязи стилей привязанности (СП) и коммуникационных реакций на ревность у мужчин (рис. 1):

— *надежный стиль привязанности* — с интегративной коммуникацией ($r = 0,26$; $p \leq 0,001$); дистрибутивной коммуникацией ($r = -0,29$; $p \leq 0,001$); насильственной коммуникацией, угрозами ($r = -0,29$; $p \leq 0,001$); контролем/ограничениями ($r = -0,15$; $p = 0,021$); компенсацией/замещением ($r = 0,18$; $p = 0,005$); манипуляциями ($r = -0,14$; $p = 0,029$) и контактом с соперником ($r = -0,26$; $p \leq 0,001$);

— *опасливый стиль привязанности* — с активным дистанцированием ($r = -0,13$; $p = 0,039$); интегративной коммуникацией ($r = 0,21$; $p = 0,001$); дистрибутивной коммуникацией ($r = -0,13$; $p = 0,038$); избеганием/отрицанием ($r = 0,20$; $p = 0,002$); насильственной коммуникацией, угрозами ($r = -0,35$; $p \leq 0,001$); компенсацией/замещением ($r = 0,28$; $p \leq 0,001$); манипуляциями ($r = -0,13$; $p = 0,046$) и контактом с соперником ($r = -0,18$; $p = 0,005$);

— *озабоченный стиль привязанности* — с негативной аффективной экспрессией ($r = 0,16$; $p = 0,012$); дистрибутивной коммуникацией ($r = 0,18$; $p = 0,006$); избеганием/отрицанием ($r = 0,16$; $p = 0,012$); контролем/ограничениями ($r = 0,13$; $p = 0,039$); манипуляциями ($r = 0,16$; $p = 0,013$) и контактом с соперником ($r = -0,13$; $p = 0,036$);

— *отвергающий стиль привязанности* — с насильственной коммуникацией, угрозами ($r = -0,33$; $p \leq 0,001$); компенсацией/замещением ($r = 0,22$; $p \leq 0,001$); манипуляциями ($r = -0,17$; $p = 0,01$) и контактом с соперником ($r = -0,35$; $p \leq 0,001$).

Анализ количества положительных корреляционных связей показал, что мужчины с озабоченным и опасливым стилями привязанности наиболее интенсивно и разнообразно реагируют на ситуацию провокации ревности. В наименьшей степени склонны откликаться на ситуацию провокации ревности надежные и отвергающие мужчины.

Вместе с тем следует отметить, что мужчины, принадлежащие к различным типам привязанности, отличаются определенными ревнивыми реакциями.

Надежные мужчины (позитивные модели Я и Других) отдают предпочтение прямой, просоциальной коммуникации с партнером, предпринимают попытки решения проблемы ревности через конструктивное взаимодействие с партнером и прилагают усилия, чтобы угодить партнеру, сделать ему что-то приятное, доказать свою любовь, стать более привлекательным и притягательным для него.

Отвергающие мужчины (позитивная модель Я и негативная модель Других) ограничиваются только попытками угодить партнеру, сделать ему что-то приятное, доказать свою любовь, стать более привлекательным и притягательным для него.

Озабоченные мужчины (негативная модель Я и позитивная модель Других) отличаются амбивалентностью ревнивых реакций. С одной стороны, они открыто выражают негативные эмоции, используя прямую, асоциальную коммуникацию с партнером, предпринимают попытки решения проблемы ревности через конфликтное взаимодействие с партнером, с другой стороны – используют не прямые действия, предпринимаемые, чтобы избежать обсуждения вопросов, связанных с ревностью. Их по-

ведение направлено на контроль поведения партнеров и ограничение их доступа к конкурентам, а также на различного рода манипуляции с целью вызвать негативные переживания у партнера и/или возложить на нее/него ответственность за изменение ситуации.

Опасаящиеся мужчины (негативная модель Я и негативная модель Других) также отличаются амбивалентностью ревнивых реакций, используют прямую, просоциальную коммуникацию с партнером, пытаются решить проблемы

Рис. 1. Взаимосвязи стилей привязанности и коммуникационных реакций на ревность у мужчин

ревности через конструктивное взаимодействие с партнером и непрямые действия, предпринимаемые чтобы избежать обсуждения вопросов, связанных с ревностью. В своих действиях стараются угодить партнеру, сделать ему что-то приятное, доказать свою любовь, стать более привлекательным и притягательным для нее/него.

Корреляционный анализ также позволил выявить взаимосвязи стилей привязанности коммуникационных реакций на ревность у женщин (рис. 2):

– *надежный стиль привязанности* – с интегративной коммуникацией ($r = 0,17$; $p = 0,007$) и контактом с соперником ($r = -0,16$; $p = 0,010$);

– *опасливый стиль привязанности* – с насильственной коммуникацией, угрозами ($r = 0,19$; $p = 0,001$);

– *озабоченный стиль привязанности* – с активным дистанцированием ($r = 0,14$; $p = 0,025$); негативной аффективной экспрессией ($r = 0,25$; $p \leq 0,001$); интегративной коммуникацией ($r = 0,12$; $p = 0,045$); дистрибутивной коммуникацией ($r = 0,13$; $p = 0,034$); избеганием/отрицанием ($r = 0,15$; $p = 0,012$); компенсацией/замещением ($r = 0,22$; $p \leq 0,001$) и контактом с соперником ($r = -0,13$; $p = 0,036$);

– *отвергающий стиль привязанности* – с активным дистанцированием ($r = 0,25$; $p \leq 0,001$); негативной аффективной экспрессией ($r = 0,13$; $p = 0,03$); интегративной коммуникацией ($r = 0,18$; $p = 0,004$); дистрибутивной коммуникацией ($r = 0,14$; $p = 0,021$); избеганием/отрицанием ($r = 0,16$; $p = 0,009$); компенсацией/замещением ($r = 0,20$; $p = 0,001$) и контактом с соперником ($r = -0,23$; $p \leq 0,001$).

Детальный анализ показывает, что женщины с озабоченным и отвергающим стилями привязанности наиболее интенсивно и разнообразно реагируют на

ситуацию провокации ревности. В наименьшей степени склонны откликаться на ситуацию провокации ревности надежные и опасливые женщины.

Надежные женщины (позитивные модели Я и Других) отдают предпочтение прямой, просоциальной коммуникации с партнером, предпринимают попытки решения проблемы ревности через конструктивное взаимодействие с партнером.

Отвергающие женщины (позитивная модель Я и негативная модель Других) отличаются достаточно противоречивым арсеналом коммуникационных стратегий межличностного взаимодействия [3]. Стратегия агрессивной направленности включает прямую, асоциальную коммуникацию с партнером, попытки решения проблемы ревности через конфликтное взаимодействие, выражение негативных эмоций, неприятие, игнорирование партнера, уменьшение привязанности к нему. Ассертивная стратегия предполагает прямую, просоциальную коммуникацию с партнером, попытки решения проблемы ревности через конструктивное взаимодействие, стремления угодить партнеру, сделать ему что-то приятное, доказать свою любовь партнеру, стать более привлекательным и притягательным для нее/него. Стратегия избегания основывается на не прямых действиях, предпринимаемых, чтобы избежать обсуждения вопросов, связанных с ревностью.

Озабоченные женщины (негативная модель Я и позитивная модель Других) отличаются амбивалентностью ревнивых реакций. С одной стороны, они открыто выражают негативные эмоции, неприятие, игнорирование партнера, уменьшение привязанности к ней/нему, предпринимают попытки решения проблемы ревности через конфликтное взаимодействие, используя прямую, асо-

циальную коммуникация с партнером, с другой стороны – используют прямую, просоциальную коммуникацию с партнером, прилагают усилия к решению проблемы ревности через конструктивное взаимодействие с партнером.

Опасаящиеся женщины (негативная модель Я и негативная модель Других) в своих действиях используют прямые, агрессивные вербальные и невербальные угрозы или фактическое насилие над партнером.

Обобщив полученные данные, можно выявить сходства и различия во взаимос-

вязях стилей привязанности мужчин и женщин и коммуникационных реакций на ревность.

Вне зависимости от пола индивидов с *надежным стилем привязанности* отличается склонность к интегративной коммуникации. Вместе с тем мужчин отличает от женщин стремление к компенсационным действиям и негативное отношения к таким стратегиям, как дистрибутивная коммуникация, насильственная коммуникация, манипуляции и контакт с соперником.

Рис. 2. Взаимосвязи стилей привязанности и коммуникационных реакций на ревность у женщин

Надежный стиль привязанности характеризуется чувством комфорта и в близких, и в автономных отношениях, высоким показателем самооценности и самоуважения, способностью к установлению близких и удовлетворяющих личных отношений, ожиданием, что другие люди обладают отзывчивостью и добротой. Исходя из этого, коммуникация надежных индивидов должна опираться на позитивное представление о других и, следовательно, привести к дружественному, аффилиативному стилю социального взаимодействия. Кроме того, поскольку они, вероятно, будут более гибкими и приспособленными к различным ситуациям и партнерам по отношениям [8], просоциальная коммуникация с партнером и активные попытки решения проблемы ревности через конструктивное взаимодействие с партнером представляются вполне закономерными. В других исследованиях также отмечается, что стратегия сотрудничества, которая предполагает сильное беспокойство по поводу себя и других в конфликтных ситуациях, значимо связана с надежным стилем привязанности [29].

Как мужчины, так и женщины с *отвергающим стилем привязанности* отличаются предпочтением компенсационных действий и отказом от контактов с соперником. При этом мужчины выделяются негативным отношением к насильственной коммуникации, угрозам и манипуляциям, в то время как женщины используют множество довольно противоречивых стратегий — активного дистанцирования, негативной аффективной экспрессии, дистрибутивной коммуникации, а также интегративной коммуникации или избегания.

Отвергающий стиль привязанности также характеризуется довольно высо-

ким чувством самоценности, уверенности человека в себе, убежденностью, что он достоин любви. Однако этот стиль характеризуется еще и недоверием, негативным отношением к другим людям. Как отмечали К. Бартоломью и Л. Хоровиц [9], отвергающие защищают себя от разочарования, избегая близких отношений и поддерживая чувство независимости и неуязвимости. Тем не менее, являясь противниками зависимых отношений, они испытывают потребность в принятии другими и, чтобы поддержать позитивное самоуважение и защитить себя от негативных переживаний в ситуации, вызывающей ревность, предпринимают попытки угодить партнеру, сделать ему что-то приятное, доказать свою любовь, стать более привлекательным и притягательным для нее/него.

Независимо от пола индивиды с *озабоченным стилем привязанности* используют стратегии негативной аффективной экспрессии, дистрибутивной коммуникации и избегания, стремятся не вступать в контакт с соперником. Вместе с тем мужчин отличает склонность к контролю и ограничениям, манипулятивным действиям, а женщин — активное дистанцирование, интегративная коммуникация и компенсационное поведение.

Озабоченные индивиды, обладая позитивной моделью Других, будут очень аффилиативными, но менее гибкими, чем надежные. К. Бартоломью [7] утверждал, что озабоченные обладают низкими уровнями самоуважения и чрезмерно зависят от их партнеров по отношениям. Эта зависимость обусловлена сильной потребностью в получении одобрения от других и укрепления самооценки. При отсутствии близких отношений озабоченные чувствуют себя потерянными, нелюбимыми и неспо-

собными справиться с такой ситуацией. Скорее всего они будут предпринимать усилия, чтобы удовлетворить потребность в зависимости, будут цепляться за отношения и сопротивляться любым попыткам партнера деэскалации или прекращения их близких отношений. Эти сильные потребности в аффилиации и внешней валидации, вероятно, и будут мотивировать их к интенсивному выражению негативных эмоций, попыткам решения проблемы ревности через конфликтное взаимодействие с партнером или, наоборот, к действиям, предпринимаемым чтобы избежать обсуждения вопросов, связанных с ревностью.

Для индивидов с *опасливым стилем привязанности* существует строгая половая дифференциация. Мужчин отличает от женщин преимущественное использование интегративной коммуникации, компенсационного восстановления или, наоборот, избегающего поведения, а также отказ от таких стратегий, как активное дистанцирование, дистрибутивная коммуникация, манипуляции и контакт с соперником. Следует обратить внимание на диаметрально противоположное отношение к стратегии насильственной коммуникации, угрозам. Парадоксально, но именно женщины, в отличие от мужчин, отдают предпочтение использованию этой стратегии.

Опасаящиеся находятся в самом сложном положении, поскольку должны бороться с несовместимыми чувствами и желаниями. С одной стороны, они ищут внешней валидации и близких отношений, а, с другой стороны — не доверяют другим и испытывают страх отвержения [7]. Существование этих противостоящих тенденций обусловлено наличием негативных моделей Я и Других. Они рассматривают себя как не-

достойных любви, а других как неприемлемых. Как ни странно, но отказываясь рискнуть и сделать себя доступным для других, они лишают себя возможности для установления доверительных, близких отношений, которые смягчили бы их страхи. Исходя из этого, в стилях коммуникации индивидов с опасливым типом привязанности должна отражаться тенденция любыми способами избегать социальных ситуаций, сопряженных с повышением тревоги и страхом отвержения в отношениях [24]. В связи с этим в ситуации, вызывающей ревность, будет наблюдаться такая же противоречивость реагирования в континиуме: от агрессивной (женщины) либо просоциальной (мужчины) коммуникации с партнером, усилий к решению проблемы ревности через конструктивное взаимодействие с партнером, попыток угодить партнеру, сделать ему что-то приятное, доказать свою любовь партнеру, стать более привлекательным и притягательным для него до не прямых действий, предпринимаемых, чтобы избежать обсуждения вопросов, связанных с ревностью.

Несмотря на целый ряд сходств в коммуникационных реакциях на ревность у индивидов с различными стилями привязанности следует обратить внимание и на обнаруженные половые различия. В рамках данного исследования достаточно сложно точно определить факторы, определяющие эти половые различия, поскольку в литературе существуют достаточно многообразные, иногда противоречивые, данные по поводу их объяснения [например: 2; 6; 19; 20; 30; 32; 34; 37]. Тем не менее, есть основания обсудить некоторые из них.

Как уже отмечалось ментальные модели себя и других в случае возникновения ситуации, вызывающей ревность, регули-

руют то, как каждый интерпретирует и отвечает на эту угрозу отношениям.

Результаты показали, что индивиды с негативными моделями себя — озабоченные и опасливые — отличаются нехваткой уверенности, которая связана со многими реакциями ревности [25]. В частности, нехватка уверенности была положительно связана с негативным выражением аффекта, активным дистанцированием и контролирующим поведением. Озабоченным и опасливым очень нелегко регулировать эмоциональное выражение ревности. Особенно это касается озабоченных, поскольку они, как было установлено, является чрезмерно экспрессивным [9; 25]. К. Каннинен и коллеги [28] отметили, что озабоченные мужчины имели более интенсивную аффективную реакцию на травмирующие события, что позволило сделать предположение об их уязвимости для эмоций и дистресса, связанных с прошлыми травмирующими событиями, и о существовании серьезных трудностей при столкновении с нелегкими жизненными ситуациями. Индивиды, которые испытывают недостаток уверенности, могут также использовать контролирующее поведение в качестве метода, уменьшающего чувство неопределенности в потенциально конкурирующих отношениях.

Полученные в наших исследованиях данные согласуются со схожими исследованиями [25], в которых индивиды с позитивными моделями других — озабоченные и надежные — использовали интегративную коммуникацию и компенсационное поведение чаще, чем индивиды с негативными моделями других. Это различие, скорее всего, отражает фундаментальное различие в способе, которым люди справляются с эмоциями в межличностных вза-

имодействиях. Индивиды с позитивными моделями других используют действия типа «сближения», которые концентрируются на отношениях. Индивиды с негативными моделями других, наоборот, участвуют в действиях типа «избегания», которые, вероятно, предназначены, чтобы защитить себя от интенсивных чувств и/или поддержать соответствующее психологическое расстояние между собой и партнером по отношениям.

Комбинация позитивной модели других и негативной модели Я может привести к выражению негативного аффекта и контролирующего поведения. В исследованиях Л.К. Гуэрреро [25] озабоченные отличались более сильным выражением негативного аффекта и более частым участием в слежке, чем это делали представители других типов привязанности.

Индивиды, которые имеют негативные модели себя и других, склонны испытывать страх близости и ожидают, что их партнеры разорвут с ними отношения [7; 8; 24; 25]. Следовательно, они могут быть подозрительными и отвечать на ревность реакциями избегания/отрицания и/или активным дистанцированием, воздерживаясь от реакций интегративной коммуникации. В результате индивиды, которые боятся близости, могут попытаться увеличить физическую и психологическую дистанцию между собой и партнерами, чтобы избежать страдания или отвержения.

Выводы

1. Анализ количества положительных корреляционных связей показал, что мужчины с озабоченным и опасливым стилями привязанности и женщины с

озабоченным и отвергающим стилями привязанности наиболее интенсивно и разнообразно реагируют на ситуацию провокации ревности. В наименьшей степени склонны откликаться на ситуацию провокации ревности надежные и отвергающие мужчины, а также надежные и опасливые женщины.

2. Вне зависимости от пола индивидов с надежным стилем привязанности отличает склонность к интегративной коммуникации; с отвергающим стилем привязанности — предпочтение компенсационных действий, отказ от контактов с соперником; с озабоченным стилем привязанности — использование стратегии негативной аффективной экспрессией, дистрибутивной коммуникации и избегания, стремление не вступать в контакт с соперником. Для индивидов с опасливым стилем привязанности существует строгая половая дифференциация.

3. В ситуации ревности в зависимости от пола мужчин с надежным стилем привязанности отличает от женщин стремление к компенсационным действиям

и негативные отношения к стратегиям дистрибутивной коммуникации, насильственной коммуникации, манипуляциям и контакту с соперником. Мужчины с отвергающим стилем привязанности выделяются негативным отношением к насильственной коммуникации, угрозам и манипуляциям, в то время как женщины интенсивней используют стратегии активного дистанцирования, негативной аффективной экспрессии, дистрибутивной коммуникации, интегративной коммуникации, избегания. Для мужчин с озабоченным стилем привязанности характерна склонность к контролю и ограничениям, манипулятивным действиям, а для женщин — активное дистанцирование, интегративная коммуникация и компенсационное поведение. Мужчины с опасливым стилем привязанности ориентированы на использование интегративной коммуникации, компенсационного восстановления или, наоборот, избегающего поведения, а женщины — на стратегии насильственной коммуникации и угрозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кашина А.А.* Взаимосвязь коммуникативных реакций на ревность в романтических отношениях у студентов с различными стилями привязанности // Неопубликованная дипломная работа / Научный руководитель И.А. Фурманов. Минск, 2016. 68 с.
2. *Фурманов И.А.* Половые, возрастные и ролевые различия в коммуникационных реакциях на ситуацию, вызывающую ревность // *Философия и социальные науки.* 2015. № 2. С. 73–83.
3. *Фурманов И.А.* Стратегии коммуникативного контроля в межличностном взаимодействии // *Белорусский психологический журнал.* 2004. № 1. С. 14–20.
4. *Фурманов И.А., Вергейчик А.О.* Тактики поведения в ситуации переживания ревности: адаптация методики «Коммуникативные реакции на ревность» // *Психологический журнал.* 2012. № 1–2 (31–32). С. 81–89.
5. *Ainsworth M.D.S., Blehar M. C., Waters E., Wall S.* Patterns of attachment: A psychological study of the strange situation. Hillsdale, NJ.: New York : Lawrence Erlbaum Associates, 1978. 391p.

6. *Barry J., Seager M., Brown B.* Gender Differences in the Association between Attachment Style and Adulthood Relationship Satisfaction // *New Male Studies: An International Journal*. 2015. Vol. 4. Iss. 3. P. 63–74.
7. *Bartholomew K.* Avoidance of intimacy: An attachment perspective // *Journal of Social and Personal Relationship*. 1990. № 7. P. 147–178. doi: 10.1177/0265407590072001
8. *Bartholomew K.* From childhood to adult relationships: Attachment theory and research // *Learning about relationships* / S. Duck (Ed.). Newbury Park, CA: Sage, 1993. P. 30–62.
9. *Bartholomew K., Horowitz L.M.* Attachment styles among young adults: A test of a four-category model // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. № 61. P. 226–244.
10. *Bowlby J.* Attachment and loss: Vol. 1. Attachment. New York: Basic Books, 1969. 362 p.
11. *Bowlby J.* Attachment and loss: Vol. 2. Separation. Anxiety and anger. New York: Basic Books, 1973. 325 p.
12. *Bowlby J.* The making and breaking of affectional bonds // *British Journal of Psychiatry*. 1977. Vol. 130. P. 201–210.
13. *Bowlby J.* Attachment and loss: Vol. 3. Loss sadness and depression. New York: Basic Books, 1980. 355 p.
14. *Bretherton I.* Open communication and internal working models: Their role in the development of attachment relationships // *Nebraska Symposium on Motivation* / R.A. Thompson (Ed.). Lincoln: University of Nebraska Press. 1988. P. 57–113.
15. *Buunk B.P.* Personality, birth order and attachment styles as related to various types of jealousy // *Personality and Individual Differences*. 1997. Vol. 23. P. 997–1006.
16. *Buunk B.P., Dijkstra P.* Jealousy as a function of rival characteristics and type of infidelity // *Personal Relationships*. 2004. Vol. 11 (4). P. 395–409.
17. *Collins N.L., Read S.J.* Cognitive representations of attachment: The structure and function of working models // *Advances in personal relationships: Vol. 5. Attachment processes in adulthood* / K. Bartholomew, D. Perlman (Eds.), Bristol, PA: Kingsley. 1994. P. 53–90.
18. *Collins N.L.* Letter to Colleagues. August, 2008. [Электронный ресурс]. URL: [https://labs.psych.ucsb.edu/collins/nancy/UCSB_Close_Relationships_Lab/Resources_files/Adult Attachment Scale.doc](https://labs.psych.ucsb.edu/collins/nancy/UCSB_Close_Relationships_Lab/Resources_files/Adult_Attachment_Scale.doc) (дата обращения: 05.03.2016).
19. *Del Giudice M.* Sex Differences in Romantic Attachment: A Meta-Analysis // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2011. Vol. 37. P. 193–214. doi: 10.1177/0146167210392789
20. *Del Giudice M.* Sex differences in attachment styles // *Current Opinion in Psychology*. 2019. № 25. P. 1–5.
21. *Dijkstra P., Buunk B.P.* Jealousy as a function of rival characteristics: An evolutionary perspective // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1998. Vol. 24. P. 1158–1166. doi: 10.1177/01461672982411003
22. *Feeney J.A., Noller P., Roberts, N.* Emotion in close relationships // *Handbook of communication and emotion: Research, theory, applications, and contexts* / P.A. Andersen, L.K. Guerrero (Eds.). San Diego, CA: Academic Press. 1998. P. 473–505.

23. *Feeney B.C., Kirkpatrick L.A.* The effects of adult attachment and presence of romantic partners on physiological responses to stress // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol. 70. P. 225–270.
24. *Guerrero L.K.* Attachment-style differences in intimacy and involvement: A test of the four- category model // *Communication Monographs*. 1996. Vol. 63 (4). P. 269–292. doi:10.1080/03637759609376395
25. *Guerrero L.K.* Attachment-style differences in the experience and expression of romantic jealousy // *Personal Relationships*. 1998. Vol. 5. P. 273–291.
26. *Guerrero L.K., Andersen P.A., Jorgensen P.F., Spitzberg B.H., Eloy S.V.* Coping with the green-eyed monster: Conceptualizing and measuring communicative responses to romantic jealousy // *Western Journal of Communication*. 1995. Vol. 59. P. 270–304. doi:10.1080/10570319509374523
27. *Hazan C., Shaver P.* Conceptualizing romantic love as an attachment process // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. Vol. 29. P. 270–280.
28. *Kanninen K., Punamäki R., Qouta S.* Adult attachment and emotional responses to traumatic memories among Palestinian former political prisoners // *Traumatology*. 2003. № 9. P. 127–154.
29. *Karairmak Ö., Duran N.O.* Gender Differences in Attachment Styles Regarding Conflict Handling Behaviors Among Turkish Late Adolescents // *International Journal for the Advancement of Counselling*. 2008. Vol. 30 (4) P. 220–234. doi: 10.1007/s10447-008-9059-8
30. *Knobloch L.K., Solomon D.H., Cruz M.G.* The role of relationship development and attachment in the experience of romantic jealousy // *Personal Relationships*. 2001. Vol. 8. P. 205–224.
31. *Kunce L.J., Shaver P.R.* An attachment-theoretical approach to caregiving in romantic relationships // *Advances in personal relationships: Vol. 5. Attachment processes in adulthood* / K. Bartholomew, D. Perlman (Eds.). Bristol, PA: Kingsley, 1994. P. 205–237.
32. *Levy K.N., Kelly K.M.* Sex Differences in Jealousy: A Contribution From Attachment Theory // *Psychological Science*. 2010. Vol. 21(2). P. 168–173. doi:10.1177/0956797609357708
33. *Radecki-Bush C., Farrell A.D., Bush J.P.* Predicting jealous responses: The influence of adult attachment and depression on threat appraisal // *Journal of Social and Personal Relationships*. 1993. Vol. 10. P. 569–588. doi: 10.1177/0265407593104006
34. *Scharfe E.* Sex Differences in Attachment // *Encyclopedia of Evolutionary Psychological Science* / T.K. Shackelford, V.A. Weekes-Shackelford (Eds.). Springer International Publishing AG. 2016. P. 1–5. doi.bv 333: 10.1007/978-3-319-16999-6_3592-1
35. *Schmitt D.P.* Evolutionary perspectives on romantic attachment and culture: how ecological stressors influence dismissing orientations across genders and geographies // *Cross-Cultural Research*. 2008. Vol. 42. P. 220–247.
36. *Schmitt D.P., Alcalay L., Allensworth M., Allik J., Ault L., Austers I., et al.* Are men universally more dismissing than women? Gender differences in romantic attachment across 62 cultural regions // *Personal Relationships*. 2003. Vol. 10. P. 307–331.
37. *Sharpsteen D.J., Kirkpatrick L.A.* Romantic jealousy and adult romantic attachment // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. Vol. 72. P. 627–640.

38. Simpson J.A., Rholes W.S. Stress and secure base relationships in adulthood // Advances in personal relationships: Vol. 5. Attachment processes in adulthood / K. Bartholomew, D. Perlman (Eds.). Bristol, PA: Kingsley. York: Basic Books. 1994. P. 181–204.
39. White G.L., Mullen P.E. Jealousy: Theory, research, and clinical strategies. New York: Guilford Press. 1989. 340 p.

Interrelation of attachment style and communicative reactions to jealousy: sexual likeness and differences

I.A. FOURMANOV*,
Belarusian State University, Minsk, Belarus,
fourmigor@gmail.com

The attachment theory assumes that internal working models can affect propensity to test jealousy. Studying of sexual variability of jealousy reactions gives possibility to study attachment styles differences as the jealousy is one of the strongest experiences of the people tested in close interpersonal relations. The hypothesis about existence of sexual differences in relations of attachment styles and ways of expression of jealousy has been put forward. Techniques «The Adult Attachment Scale» and «Communicative reactions to jealousy» were used. 507 persons have taken part in research (242 men, 265 women). Without dependence from sex individuals with secure attachment style distinguishes propensity to integrative communications, with dismissing attachment style – preference of compensatory actions, with the preoccupied attachment style – use of strategies of negative affective expression, distributive communications and avoiding. For individuals with fearful attachment style there is a strict sexual differentiation. In communicative reactions to jealousy considerable sexual differences are found out in individuals with various attachment styles.

Keywords: secure, preoccupied, dismissing, fearful attachment styles, communicative reactions to jealousy.

REFERENCES

1. Kashina A.A. Vzaimosvyaz' kommunikativnykh reakcij na revnost' v romanticheskikh otnosheniyah u studentov s razlichnymi stilyami privyazannosti [Interrelation of communicative reactions to jealousy in romantic relations at students with various

For citation:

Fourmanov I.A. Interrelation of attachment style and communicative reactions to jealousy: sexual likeness and differences. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 1, pp. 115–133. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100107

* Fourmanov Igor A. — Doctor in Psychology, Professor, Division Head of Psychology, Belarusian State University, Minsk, Belarus, fourmigor@gmail.com

- styles of attachment]. Neopublikovannaya diplomnaya rabota. Nauchnyj rukovoditel' I.A. Furmanov. Minsk, 2016. 68 p.
2. Furmanov I.A. Polovye, vozrastnye i rolevye razlichiya v kommunikacionnyh reakciyah na situaciyu, vzyvayushchuyu revnost' [Sexual, age and role differences in communication reactions to situation causing jealousy]. *Filosofiya i social'nye nauki [The Journal of Philosophy and Social Sciences]*, 2015, no. 2, pp. 73–83.
  3. Furmanov I.A. Strategii kommunikativnogo kontrolya v mezhlchnostnom vzaimodejstvii [Strategy of communicative control in interpersonal interaction]. *Belorusskij psihologicheskij zhurnal [Belarusian Psychological Journal]*, 2004, no. 1, pp. 14–20.
  4. Furmanov I.A., Vergejchik A.O. Taktiki povedeniya v situacii perezhivaniya revnosti: adaptaciya metodiki «Kommunikativnye reakcii na revnost'» [Behavioural tactics of situation of experience jealousy: adaptation of questionnaire «Communicative reactions to jealousy»]. *Psihologicheskij zhurnal [Psychological Journal]*, 2012, no. 1–2 (31–32), pp. 81–89.
  5. Ainsworth M.D.S., Blehar M.C., Waters E., Wall S. Patterns of attachment: A psychological study of the strange situation. Hillsdale, NJ.: New York: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. 391p.
  6. Barry J., Seager M., Brown B. Gender Differences in the Association between Attachment Style and Adulthood Relationship Satisfaction. *New Male Studies: An International Journal*, 2015. Vol. 4, issue 3, pp. 63–74.
  7. Bartholomew K. Avoidance of intimacy: An attachment perspective. *Journal of Social and Personal Relationship*, 1990, no. 7, pp. 147–178. doi:10.1177/0265407590072001
  8. Bartholomew K. From childhood to adult relationships: Attachment theory and research. In S. Duck (ed.). *Learning about relationships*. Newbury Park, CA: Sage, 1993, pp. 30–62.
  9. Bartholomew K., Horowitz L.M. Attachment styles among young adults: A test of a four-category model. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1991, no. 61, pp. 226–244.
  10. Bowlby J. Attachment and loss: Vol. 1. Attachment. New York: Basic Books, 1969. 362 p.
  11. Bowlby J. Attachment and loss: Vol. 2. Separation. Anxiety and anger. New York: Basic Books, 1973. 325 p.
  12. Bowlby J. The making and breaking of affectional bonds. *British Journal of Psychiatry*, 1977. Vol. 130, pp. 201–210.
  13. Bowlby J. Attachment and loss: Vol. 3. Loss sadness and depression. New York: Basic Books, 1980. 355 p.
  14. Bretherton I. Open communication and internal working models: Their role in the development of attachment relationships. In R.A. Thompson (ed.). *Nebraska Symposium on Motivation*. Lincoln: University of Nebraska Press. 1988, pp. 57–113.
  15. Buunk B.P. Personality, birth order and attachment styles as related to various types of jealousy. *Personality and Individual Differences*, 1997. Vol. 23, pp. 997–1006.
  16. Buunk B.P., Dijkstra P. Jealousy as a function of rival characteristics and type of infidelity. *Personal Relationships*, 2004. Vol. 11, no 4, pp. 395–409.

17. Collins N.L., Read S.J. Cognitive representations of attachment: The structure and function of working models. In K. Bartholomew, D. Perlman (eds.). *Advances in personal relationships: Vol. 5. Attachment processes in adulthood*. Bristol, PA: Kingsley, 1994, pp. 53–90.
18. Collins N.L. Letter to Colleagues. August, 2008 [Elektronnyi resurs]. URL: [https://labs.psych.ucsb.edu/collins/nancy/UCSB_Close_Relationships_Lab/Resources_files/Adult Attachment Scale.doc](https://labs.psych.ucsb.edu/collins/nancy/UCSB_Close_Relationships_Lab/Resources_files/Adult_Attachment_Scale.doc) (Accessed 05.03.2016).
19. Del Giudice M. Sex Differences in Romantic Attachment: A Meta-Analysis. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2011. Vol. 37, pp. 193–214. doi: 10.1177/0146167210392789
20. Del Giudice M. Sex differences in attachment styles. *Current Opinion in Psychology*, 2019, no 25, pp. 1–5.
21. Dijkstra P., Buunk B.P. Jealousy as a function of rival characteristics: An evolutionary perspective. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1998. Vol. 24, pp. 1158–1166. doi: 10.1177/01461672982411003
22. Feeney J.A., Noller P., Roberts, N. Emotion in close relationships. In P.A. Andersen, L.K. Guerrero (eds.). *Handbook of communication and emotion: Research, theory, applications, and contexts*. San Diego, CA: Academic Press. 1998. pp. 473–505.
23. Feeney B.C., Kirkpatrick L.A. The effects of adult attachment and presence of romantic partners on physiological responses to stress. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1996. Vol. 70, pp. 225–270.
24. Guerrero L.K. Attachment-style differences in intimacy and involvement: A test of the four- category model. *Communication Monographs*, 1996. Vol. 63, no 4, pp. 269–292. doi:10.1080/03637759609376395
25. Guerrero L.K. Attachment-style differences in the experience and expression of romantic jealousy. *Personal Relationships*, 1998. Vol. 5, pp. 273–291.
26. Guerrero L.K., Andersen P.A., Jorgensen P.F., Spitzberg B.H., Eloy S.V. Coping with the green-eyed monster: Conceptualizing and measuring communicative responses to romantic jealousy. *Western Journal of Communication*, 1995. Vol. 59, pp. 270–304. doi:10.1080/10570319509374523
27. Hazan C., Shaver P. Conceptualizing romantic love as an attachment process. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1987. Vol. 29, pp. 270–280.
28. Kanninen K., Punamäki R., Qouta S. Adult attachment and emotional responses to traumatic memories among Palestinian former political prisoners. *Traumatology*, 2003, no. 9, pp. 127–154.
29. Karairmak Ö., Duran N.O. Gender Differences in Attachment Styles Regarding Conflict Handling Behaviors Among Turkish Late Adolescents. *International Journal for the Advancement of Counselling*, 2008. Vol. 30, no 4, pp. 220–234. doi:10.1007/s10447-008-9059-8
30. Knobloch L.K., Solomon D.H., Cruz M.G. The role of relationship development and attachment in the experience of romantic jealousy. *Personal Relationships*, 2001. Vol. 8, pp. 205–224.
31. Kuncle L.J., Shaver P.R. An attachment-theoretical approach to caregiving in romantic relationships. In K. Bartholomew, D. Perlman (eds.). *Advances in personal relationships: Vol. 5. Attachment processes in adulthood*. Bristol, PA: Kingsley, 1994, pp. 205–237.

32. Levy K.N., Kelly K.M. Sex Differences in Jealousy: A Contribution From Attachment Theory. *Psychological Science*, 2010. Vol. 21, no 2, pp. 168–173. doi:10.1177/0956797609357708
33. Radecki-Bush C., Farrell A.D., Bush J.P. Predicting jealous responses: The influence of adult attachment and depression on threat appraisal. *Journal of Social and Personal Relationships*, 1993. Vol. 10, pp. 569–588. doi:10.1177/0265407593104006
34. Scharfe E. Sex Differences in Attachment. In T.K. Shackelford, V.A. Weekes-Shackelford (eds.). *Encyclopedia of Evolutionary Psychological Science*. Springer International Publishing AG, 2016, pp. 1–5. doi:10.1007/978-3-319-16999-6_3592-1
35. Schmitt D.P. Evolutionary perspectives on romantic attachment and culture: how ecological stressors influence dismissing orientations across genders and geographies. *Cross-Cultural Research*, 2008. Vol. 42, pp. 220–247.
36. Schmitt D.P., Alcalay L., Allensworth M., Allik J., Ault L., Austers I., et al. Are men universally more dismissing than women? Gender differences in romantic attachment across 62 cultural regions. *Personal Relationships*, 2003. Vol. 10, pp. 307–331.
37. Sharpsteen D.J., Kirkpatrick L.A. Romantic jealousy and adult romantic attachment. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1997. Vol. 72, pp. 627–640.
38. Simpson J.A., Rholes W.S. Stress and secure base relationships in adulthood. In K. Bartholomew, D. Perlman (eds.). *Advances in personal relationships: Vol. 5. Attachment processes in adulthood*. Bristol, PA: Kingsley. York: Basic Books. 1994, pp. 181–204.
39. White G.L., Mullen P.E. Jealousy: Theory, research, and clinical strategies. New York: Guilford Press. 1989. 340 p.

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА
APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

**Становление ролевой позиции тьютора в школе как индикатор
социальных ожиданий от обучения детей в частной школе
(на примере Хорошколы)**

П.О. КРАЙНОВА*,
ЧОУ «Хорошевская школа», Москва, Россия,
p.kraynova@horoshkola.ru

А.С. ОБУХОВ**,
ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
aobuhov@hse.ru

В социуме меняется отношение к детству, усиливается ценность индивидуального развития ребенка. Повышается запрос на построение и сопровождение индивидуальной образовательной траектории. Это формирует запрос на новые профессиональные функции, в том числе сопровождение индивидуального образовательного маршрута, делегированного профессии тьютора. Исследование направлено на выявление социальных ролей тьютора на первом году формирования образовательного сообщества частной школы. Гипотеза исследования: в ситуации процесса активного формирования социальной общности новой школы тьютор, через интеракции с родителями, учителями и администрацией, принимает на себя ряд неформальных функций, связанных с индивидуальной работой с учеником сверх образовательных задач. Применялась качественная стратегия исследования, обусловленная необходимостью глубинного анализа и выявления причинно-следственных связей и скрытых смыслов в системе со-

Для цитаты:

Крайнова П.О., Обухов А.С. Становление ролевой позиции тьютора в школе как индикатор социальных ожиданий от обучения детей в частной школе (на примере Хорошколы) // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 1. С. 134–151. doi: 10.17759/sps.2019100108

* *Крайнова Полина Олеговна* — тьютор, ЧОУ «Хорошевская школа», Москва, Россия, p.kraynova@horoshkola.ru

** *Обухов Алексей Сергеевич* — кандидат психологических наук, доцент, ведущий эксперт Центра исследований современного детства Института образования ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики», Москва, Россия, aobuhov@hse.ru

циальный интеракций. В выборку (21 человек) вошли представители различных социальных ролей: тьюторы — 8 человек; родители учеников — 5 человек; представители администрации — 3 человека; руководители потока/учителя предметники — 3 человека; психологи — 2 человека. Сбор данных осуществлялся методом глубинного полуструктурированного интервью по разработанной исследовательской программе (40 изначальных вопросов). Выявлено, что ролевой набор и функционал тьютора в новой школе не является данностью, свойственной рассматриваемой профессии, а выступает продуктом контекстов и интеракций, формирующих содержание уникального института в условиях формирующихся коммуникаций, событий и жизненного уклада школы. На конец первого цикла жизни образовательного сообщества школы сформировался целый спектр ролей у тьютора, что актуализирует задачу профессионального самоопределения тьютора в системе социальных интеракций.

Ключевые слова: социальная позиция, социальные отношения, социальный интеракционизм, профессиональная роль, тьютор, школа, образовательные запросы, персонализация образования, цифровизация жизни и школы.

Введение

Социальное отношение к детству в историческом контексте меняется, все большее значение придается развитию индивидуальности ребенка, его самостоятельности и инициативности, его интересам и устремлениям, становлению его самобытной личности [1; 3; 22; 27; 29; 30; 31; 39; 40; 42; 48 и др.]. Л. Де Моз, будучи автором ряда значимых для социологии детства работ, выделяет шесть моделей отношения к детству, преобладающих в разные периоды истории. Доминирующая в современном обществе модель, названная автором «*помогающий стиль родительства*», характеризуется индивидуализацией процесса воспитания и образования и базируется на идее равноправных отношений между родителем и ребенком, возможности для ребенка самостоятельно определять путь своего развития, делается упор на поддержке и эмоциональном контакте с родителями [45].

Желание родителей «обеспечить все самое лучшее» своему ребенку за счет

расширения экономических и социальных возможностей приобретает новый масштаб. Вклад в образование ребенка заключается уже не только в получении им высокого уровня и широкого спектра знаний, но и, в первую очередь, в развитии его талантов и способностей [32]. Приоритетом родителей становится работа о гармоничном развитии ребенка, его личностный рост, высокие стартовые позиции для реализации в обществе [36]. В связи с этим меняется и рынок образовательных услуг, адаптируясь к новым трендам [15; 33]. За последние десятилетия большую популярность приобрели различные развивающие курсы и программы для детей, начиная с первых месяцев жизни [38]. Происходит развитие осознанности родительства, вплоть до феномена «научного родительства» с целью максимального развития потенциала своих детей [28]. Продолжает увеличиваться ниша дополнительного образования, наполняясь все новыми и новыми направлениями [4; 23; 35]. Таким образом, вектор развития образо-

вательных услуг в целом смещается в сторону персонализации образования и личного подхода, в том числе в ситуации цифроизации жизни в целом и школы — в частности.

Традиционная государственная школа, с ее стандартизированным подходом к передаче знаний, уже не удовлетворяет потребности многих родителей, желающих раскрыть уникальный потенциал своего ребенка. Появляется запрос на новое образование, новую школу, отличную от традиционной [5]. Частные образовательные учреждения предполагают большую заинтересованность руководства в удовлетворении потребительского спроса и повышении качества предоставляемых услуг. Этому способствует также и государственная политика в отношении государственно-частного партнерства, направленная на долгосрочное решение общественно значимых задач на взаимовыгодных условиях для государства и бизнеса, поддерживаемая образовательными реформами последних десятилетий во многих странах мира [43].

Становление профессии тьютора

Новая система образования предполагает целый пласт работы, связанный с индивидуализацией и персонализацией обучения. Такая работа трудно реализуема в рамках традиционного функционала и имеющихся ресурсов учителей. В данном контексте возникает профессия «тьютор» — педагог, сопровождающий ученика на его индивидуальном образовательном маршруте, обеспечивающий персонализацию образования.

В ряде исследований наличие тьюторской функции связывается с появлением необходимости реализации индивиду-

ального образовательного запроса [12; 16]. Тьюторство как отдельная должность берет начало в Великобритании XII—XIV века и коренится в структуре британских университетов, в первую очередь Оксфорда и Кембриджа [10], где тьютор являлся своего рода посредником между независимыми учениками и профессорами, помогая поддерживать баланс академических успехов и свободных проявлений личности. В XVII в. тьюторская система становится базисом британской системы университетского образования, когда происходит переход от формата открытых академических лекций (где один лектор выступает односторонне для десятков студентов) к сопровождению образования тьютором, занимающимся индивидуально с одним или несколькими учениками [19]. На сегодняшний день большая часть занятий в Оксфорде и Кембридже проводится именно тьюторами. Задача тьютора там состоит скорее в индивидуальном обучении навыкам логического и критического мышления, грамотного и структурированного изложения своих мыслей, поиска необходимой информации [10]. В тьюторстве нет специальной методики, и даже работа над одной и той же задачей может иметь колоссальные различия у разных тьюторов или разных учеников в соответствии с их индивидуальными особенностями и интересами [51].

В рамках новой системы образования в частных школах тьютор является агентом, удовлетворяющим запрос обеспеченных родителей на личную работу с учеником. При этом в ходе реализации этой задачи тьютор работает как с желаниями ученика, так и с запросами родителя. Институт тьюторства в России лишь начинает зарождаться [19]. Понимание «тьюторства» активно об-

суждается в профессиональных объединениях. В России – это Межрегиональная тьюторская ассоциация (<https://thetutor.ru/>). Различие практик осуществления тьюторской деятельности обусловлено социальными контекстами, в которых оно формируется и зависит от ожиданий различных социальных групп. Тьюторская профессия пока слабо отграничена от схожих (и также новых) профессиональных функций коуча, ментора, фасилитатора и эдвайзера [37]. В состав профессий тьютор включен лишь в 2008 г., а профессиональный стандарт утвержден в 2017 г. В должностной функционал тьютора включено множество разноплановых задач по организации процесса индивидуальной работы с обучающимися [41].

Теоретическая рамка исследования

Становление тьюторской роли в современной частной школе нами исследовано в парадигме символического интеракционизма, посредством анализа интеракций во временной перспективе. По Ч. Кули [24; 25] и Дж. Г. Миду [47], переживания индивида относительно себя самого, его самоопределения во многом конструируется из точек зрения других людей, окружающей его социальной группы. «Я» возникает в социальном опыте [47]. Для Г. Блумера [8, 9] принципиальным является тот факт, что значения не предписаны объектам и действиям, они социально конструируемы и производятся индивидами в ходе интерпретации, являющейся творческим процессом и ведущей к организации и реорганизации социального пространства. Взаимодействие людей рассматривается в динамике социальных отноше-

ний как процесс производства смыслов и интерпретации значений, транслируемых в ходе интеракций. Знание субъективно и является продуктом социальных интеракций, зависит от наблюдателя, от социального и исторического контекста [6]. Универсализация же интерпретаций значений служит формированию социального порядка [8]. Модели социального поведения конструируются в ходе множественных интеракций [6, с. 82].

В данном исследовании использована трактовка символического интеракционизма в ключе социологии организаций [11]. С точки зрения институционализма, организации предстают как продукт культурного строительства системы, вызванного стремлением к повышению рационализации [26]. Важную роль играет «повествовательный» характер анализа, интерпретирующий организации как непрекращающиеся интеракции между акторами, формулирующими и осуществляющими намерения, ведущие к достижению коллективной цели [49]. Согласно П. Холлу изучение структурных форм и систем социальных действий в организации необходимо начинать на микроуровне взаимодействий, поскольку именно взаимодействие, по его мнению, является базовой единицей социального порядка и его изучение обеспечивает фундамент для трактовки локальной конвенции или практики на основании анализа сил ее формирующих [46]. И. Чириков [44, с. 4] выделяет процессуальный, трансформирующийся во времени характер взаимодействия участников договорных отношений в организации. А. Стресс писал, что «основания согласованного действия (социального порядка) должны постоянно воспроизводиться, или, другими словами, быть выработанными» [50, р. 148].

Программа исследования

Исследовательский вопрос: какие социальные роли сформировались у тьютора «Хорошколы», и под влиянием каких социальных ожиданий они были конструированы.

Цель: выявить значение социальных ожиданий в формировании роли тьютора в «Хорошколе».

Задачи:

- описать ролевой набор тьютора в «Хорошколе»;
- выявить основания формирования данного ролевого набора;
- определить роли, сформированные под влиянием социальных ожиданий.

Объект: социальные ожидания акторов, вовлеченных в организационное поле тьюторства в «Хорошколе» (родители, дети, педагоги, администрация).

Предмет: ожидания, контексты и интеракции, формирующие тьюторские практики в «Хорошколе».

Гипотеза: в ситуации процесса активного формирования социальной общности новой школы тьютор, через интеракции с родителями, учителями и администрацией, принимает на себя ряд неформальных функций, связанных с индивидуальной работой с учеником сверх образовательных задач. В результате появляется целый спектр ролей для представителя профессии «тьютор», что актуализирует задачу профессионального самоопределения тьютора в системе социальных интеракций.

Методология сбора данных. Применялась качественная стратегия исследования, обусловленная необходимостью глубинного анализа и выявления причинно-следственных связей и скрытых смыслов для достижения цели исследования. Сбор данных проводился

посредством проведения глубинных полуструктурированных интервью, с использованием разработанной исследовательской программы. В зависимости от категории информантов, исследовательская программа включала в себя несколько дополнительных вопросов, связанных со спецификой данной категории.

На основе пилотажных интервью было определено около 40 вопросов для основного исследования. Примеры: Кто такой тьютор? В чем состоит задача тьюторского сопровождения? Что можно считать продуктом деятельности тьютора? На Ваш взгляд, какие основные направления деятельности тьютора в «Хорошколе»? Почему они именно такие? Что Вы знали о тьюторстве до того, как столкнулись с ним в «Хорошколе»? Изменилось ли Ваше представление? Если да, то как и почему? Изменилось ли тьюторство на протяжении года существования школы? Если да, то в чем проявляются эти изменения и чем, на Ваш взгляд, они вызваны? Как, на Ваш взгляд, ребенок видит тьютора? Кем тьютор является для ребенка? Есть ли разница между позицией тьютора и позицией учителя для ребенка? В чем она заключается?

Выборка и критерии рекрутинга.

В ходе сбора эмпирических данных было проведено 21 качественное интервью с различными представителями организационного поля «Хорошколы». Использовалась целевая выборка, построенная путем отбора типичных случаев. В данном контексте это значит, что отбирались люди, во-первых, имеющее отношение к разным потокам (классам), а, во-вторых, люди, придерживающиеся максимально различных мнений о специфике тьюторства. Надо отметить, что такой критерий отбора информантов был реализуем благодаря включенности авторов работы в

школьные процессы. Таким образом, в выборку вошли следующие категории информантов: тьюторы — 8 человек; родители учеников — 5 человек; представители администрации — 3 человека; руководители потока/учителя предметники — 3 человека; психологи — 2 человека.

Таким образом, были проведены 21 глубинное полужформализованное интервью, запись которых осуществлялась посредством использования диктофона. Интервью выстраивалось и проводилось с учетом требований к исследовательскому интервью С. Квале [18]. Количество информантов для каждой категории определялось исходя из критерия насыщенности выборки и прироста данных.

Социальный контекст исследования

Школа — один из самых косных и традиционных социальных институтов [9; 13], но конкретно «Хорошкола» создана с ориентацией на самые современные образцы в мировой практике образования. Частное образовательное учреждение «Хорошевская школа» создана в 2013 г. Учредитель Я.В. Греф. В период с 2013 по 2017 гг. действовала только прогимназия (детский сад и начальная школа), директором которой был С.В. Плахотников. 1 сентября 2017 г. открыта Гимназия, набраны 5–8-е классы (в первый учебный год — около 140 учащихся). Директором «Хорошкеры» стала Е.И. Булин-Сokolova. «Хорошкола» — школа полного дня, где ученики находятся с 9 до 18 часов. После 18 часов ученики также могут ходить на занятия дополнительного образования.

Ученики 5–8-х классов не делятся на отдельные классы, а учатся потоком и делятся на микрогруппы по различным

основаниям (уровень владения предметом или собственный выбор). Учителя организационно привязаны к предметным кафедрам. Действует несколько сопровождающих служб: психологическая служба, социальная служба, тьюторская служба, ИТ-служба, служба организации воспитательной работы.

При поступлении в «Хорошколу» каждый ученик встречается с конкретным тьютором, который помогает ученику адаптироваться к новым для него условиям. Каждый тьютор сопровождает до 12 хорошкольников. Тьютор регулярно встречается с каждым хорошкольником во время выделенного в индивидуальном расписании ученика тьюториале. На тьюториале обсуждаются вопросы, связанные с продвижением в решении образовательных задач. Всего за 2017/2018 учебный год в тьюторской службе стабильно работало 14 человек с разным базовым образованием. Состав тьюторской службы уравновешен по полу. Возраст тьюторов — в пределах от 22 до 38 лет.

Важная особенность социальной ситуации исследования — профессиональная позиция тьютора выстраивалась одновременно с создаваемой образовательной средой гимназии. В какой-то мере эта ситуация сейчас типична для частных школ нового типа. В «Хорошколе» принято Положение о тьюторской службе, разработаны должностные инструкции тьютора, описаны процессы тьюторского сопровождения в рамках общего описания процессов «Хорошкеры». Однако, придерживаясь идеи социального интеракционизма, мы понимаем, что реальная социальная позиция в сложной системе социальных отношений — это не всегда то же самое, что прописано в документах и произне-

сено в декларациях. Интервью проводились ближе к завершению учебного года, когда система социальных отношений в «Хорошколе» приобрела относительную стабильность, структурированность и проработанность.

Результаты исследования

По итогам анализа текстов глубинных интервью и анализа социального контекста мы выделили два параметра, оказавших влияние на формирование социальной функции тьюторской службы в «Хорошколе»: предпосылки, имеющие место на момент начала работы структуры; контексты и интеракции, оказывающие влияние на ее трансформации в процессе работы.

К первой категории, обуславливающей начальные основания, относятся три предпосылки. Первой, наиболее важной предпосылкой является новизна института тьюторства для России [20; 21] и отсутствие практического понимания тьюторской деятельности со стороны всех участников образовательных отношений. Таким образом, мы можем говорить о том, что становление института тьюторства в рассматриваемой организации на начальных этапах имело минимум формальных оснований и происходило во многом эволюционным путем, в ходе адаптации к возникающим ситуациям и взаимодействиям.

Смена нескольких руководителей в начале работы организации и демократичный стиль управления руководителя службы в течении 2017/2018 учебного года привели к тому, что тьюторы, сформировавшись как коллектив, конструировали собственную идентичность, характеризующуюся, среди прочего,

высоким уровнем ответственности за свои действия и готовностью к самостоятельному формированию тьюторских практик, заданных возникающими условиями существования организации: «...в отношении тьюторства — мы его создаем сейчас, и то, как мы его создаем, зависит в большей степени только от нас, и соответственно есть некоторые мнения у руководства. Насколько они совпадают, пока сложно понять, потому что мы редко имеем возможность это обсуждать. Но, на мой взгляд, то, что мы сейчас имеем, — все изменения происходят нашими руками, и никто не против того, что мы делаем» (С. — тьютор).

Второй предпосылкой, задавшей вектор дальнейшего развития рассматриваемой системы, является тот факт, что до начала формирования тьюторства в данной школе представление о работе тьютора для многих участников организационного поля ограничивалось знаниями об инклюзивном тьюторстве [2; 14; 17]. Это послужило одной из причин смещения тьюторской деятельности к работе со «сложными случаями».

Третьим аспектом, является ролевой конфликт, созданный в первые несколько недель работы школы, когда в условиях выездного лагеря тьюторы оказались в позиции вожатых, работающих не с академическим процессом и самоопределением ученика в нем, а с организационными и дисциплинарными моментами, что привело к фиксации определенного образа тьютора как для детей, так и для других работников школы.

Переходя к интеракциям, оказавшим влияние на становление института тьюторства в «Хорошколе», необходимо подчеркнуть, что анализ позиции тьютора в структуре школы демонстрирует большую вариативность практик и ро-

левых ожиданий по отношению к тьюторской деятельности, обусловленную несколькими причинами. Как заметил один из информантов: *«Из разных областей, школ, городов, процессов собрали хороших специалистов, которые работают в разных подходах, у которых разный жизненный опыт, которые учились у разных учителей, у которых разные ценности по жизни, которые, может, и связаны с педагогикой, но они очень по-разному воспринимают процесс и много чего по-разному воспринимают, и, тем не менее, все они здесь»* (У. — психолог). Такая гетерогенность педагогического состава обуславливает различные ценностные ориентации работников, которые, в условиях первого года работы школы, являются важным основанием выстраивания рабочих процессов. Иными словами, формирование практик различается в зависимости от представлений участников процесса о его идеальном результате. Наглядно данный факт демонстрируют связи тьюторов с руководителями потока, которые практически не были построены формально и конструировались на основании личных убеждений сторон.

Формирование взаимоотношений тьюторов и родителей происходит также под влиянием возникающих ситуаций. Создание внутреннего регламента взаимодействия с родителями было вызвано конфликтной ситуацией, возникшей в его отсутствие. Важно отметить, что функцией такого регламента в большей степени является формальное «обезопасивание» роли тьютора в сложных ситуациях. На практике же соблюдение регламента общения по электронной почте с периодом ответа в течение трех дней является добровольным, и многие тьюторы переходят к более неформальному общению с родителями по телефону или через мессендже-

ры, что позволяет быстрее реагировать на возникающие запросы.

Вышеупомянутый факт иллюстрирует взаимосвязь формы переговоров и их содержания. Так, тьюторы отмечают, что переход к более неформальной версии коммуникации приводит к расширению спектра взаимодействий тьютора и родителя до вопросов, связанных с бытовыми аспектами и организационными моментами повседневной школьной жизни, напрямую не касающимися тьюторской деятельности. Это, в свою очередь, служит формированию для родителей такой роли тьютора, как «помощник» или даже «няня», являющейся следствием запроса на индивидуальный подход со стороны родителей.

Как работники школы, так и родители отмечают существенные организационные сложности на первых этапах работы школы, связанные с выстраиванием большого количества процессов, многие из которых являются новым опытом в российской системе образования. Несмотря на то, что родители с пониманием относятся к этой ситуации, считая, что *«...все сыро. Но по первому году работы совершенно нельзя судить, школе нужно время»* (Ч. — родитель ученика), закрытость системы, особенно в первые полгода работы, вызвала у родителей опасения.

Так, невозможность родителей коммуницировать напрямую с учителями, наблюдать оценки ребенка, ознакомиться с учебным планом, привела к необходимости для тьюторов, как для главной точки входа родителей в школу, работать с вопросами, поступающими от родителей, вне зависимости от того, находятся ли эти вопросы в компетенции тьютора: *«Я как бы говорю, но от лица школы, и сам еще не совсем где-то верю, понимаю»* (М. — тьютор). Так, одной из

ключевых ролей тьютора в «Хорошколе» стало агрегирование и администрирование потоков информации от родителей, ребенка, учителей, администрации, для удовлетворения потребности родителей наблюдать за работой школы и влиять на ее результат.

Поскольку речь идет о школе полного дня, где ребенок находится на протяжении десяти часов, тьютор исполняет важную для родителей роль человека, наблюдающего в течение дня за ребенком и принимающего на себя часть родительских функций. При этом функции эти могут быть различны в зависимости от возраста ребенка, его особенностей и стиля родительства. Таким образом, задачами тьютора, делегированными родителями в связи с желанием иметь близкого человека рядом с ребенком в течение дня, оказываются бытовая помощь, контроль поведения, психологическая поддержка. Помимо этого, как отметили многие информанты, тьютор, является человеком, способным дать объективную обратную связь о ребенке, показать родителям те его стороны, которые могут быть не видны с позиции родителя.

Поскольку «Хорошкола», будучи частным учебным заведением, тем не менее является проектом, ориентированным не на получение прибыли, а на развитие новой образовательной культуры, создание школьного сообщества, включающего работников, детей и родителей, является, с точки зрения администрации, одной из важных задач. Несмотря на строгий отбор и обязательное собеседование родителей при поступлении в школу, создание общей культуры и принятие общих ценностей требует времени и обоюдной работы. Таким образом, тьютор оказывается проводником школьной идеологии не только для ребенка, но и для семьи,

зачастую осуществляя работу в триаде «ребенок—родитель—тьютор». То есть желание родителей попасть в среду, создаваемую «Хорошколой», требует от них готовности адаптироваться к этой среде и принять ее ценности, что во многом происходит посредством работы тьютора.

Говоря о возвращении культуры общества, необходимо отметить, что само осуществление прямых задач тьюторской деятельности, связанных с движением по индивидуальному образовательному маршруту, постановкой целей и рефлексией, требует возникновения определенной культуры, в том числе и в детском сообществе. Так, ряд информантов отметили, что один из показателей эффективной работы тьютора — желание ребенка идти на встречу с тьютором и делиться личными переживаниями, понимание ребенка, зачем ему нужен тьютор.

Можно сказать, что доверие ребенка к тьютору и наличие неформальной связи между ними, являются необходимым основанием для работы второго, поскольку помощь ребенку в его самоопределении невозможна без знания и понимания его интересов, желаний и возможностей. Установление горизонтальной связи, личного, во многом дружеского контакта в таком случае является задачей и базой для работы тьютора, открывающей доступ к личности ученика и к его проявлениям, недоступным родителям: «... знаешь, вот, как будто, есть море. Вот представь, что все, что происходит с ребенком в школе и в жизни вообще, — это море. Огромное море. И вот изначально в положении писали и объясняли так, что, как будто бы, мы отвечаем за эти два квадратных метра, только за воду в этих двух квадратных метрах (имеется в виду образовательный маршрут и академические результаты, — Прим. авт.). Но это,

же невозможно! Не именно за территорию, а за воду в этих двух квадратных метрах. А это льется туда-сюда, и все взаимосвязано, и невозможно отвечать только за эту воду» (Н. — тьютор). То есть при помощи тьютора осуществляется ряд родительских функций, связанных с воспитанием и духовным наставничеством, что бывает затруднительно при прямой коммуникации родителя и ребенка при «конфликте поколений».

Обсуждение результатов исследования

Профессия тьютора, заключающаяся теоретически в сопровождении ученика на его образовательном маршруте, в «Хорошколе» наделена широким ролевым набором. Помимо ключевой функции коуча, акселератора, работающего с индивидуальным образовательным маршрутом, роль тьютора включает в себя такие роли, как:

- администратор запросов и потоков информации, поступающей от родителей, учеников, учителей, администрации;
- проводник ценностей и идеологии школы, работающий над созданием культуры школьного сообщества;
- помощник/няня/организатор, оказывающий помощь в решении повседневных вопросов, как родителю, так и ребенку;
- наблюдатель, способный дать внешнюю оценку и объективную обратную связь, как ребенку, так и родителю;
- старший товарищ, друг, значимый взрослый;
- личный психолог.

На этапе завершения первого цикла жизни образовательного сообщества новой школы невозможно провести четкие

границу между ролями, сформированными напрямую родительскими запросами, ожиданиями педагогов и администрации, потребностями учеников.

В ситуации формирования сообщества новой школы у тьютора особо выделена роль проводника декларируемых ценностей школы. Данную роль тьютор играет не только по отношению к ребенку, но и по отношению к родителям. Вступая в сообщество, создаваемое школой, он подтверждает свою готовность к принятию ценностей данного сообщества, что требует времени и работы, осуществляемой, в первую очередь, тьютором. Образовательная практика школы во многом менялась в ходе взаимной адаптации применяемых технологий обучения учителей к уникальным ожиданиям родителей, удовлетворяя их потребность в индивидуализации образовательного процесса и личном подходе. Фактически тьюторы оказались во многом в позиции медиатора при естественном расхождении разнообразных родительских ожиданий и реализуемых учительских практик. И многие «недостроенности» в складывающейся социальной общности новой школы оказались делегированы только определяющей роли тьютора.

Выявленная вариативность ролевого набора «усредненного» тьютора «Хорошкола», разнообразие осуществляемых практик, наблюдаемых в тьюторской службе, вызваны тремя факторами.

1. Естественные различия людей, входящих в состав тьюторской службы, обусловленные разными характерами, опытом, вовлеченностью в жизнь школы. Поскольку речь идет о неформальных функциях, тьюторы принимают их добровольно, на основании собственных желаний и возможностей, являющихся индивидуальными.

2. Различие родительских запросов, ожиданий администрации и учителей, потребностей учащихся, формирующее уникальную структуру взаимоотношений «родитель—тьютор—ребенок», и тем самым создающие многообразие тьюторских практик.

3. Ситуация складывания социальной общности гимназии-школы, непосредственные события и форматы работы, которые выстраивались на протяжении первого года жизненного цикла новой школы.

Заключение

Для понимания причин существования локального социального порядка значимо изучения неформальных практик интеракций в формирующемся образовательном сообществе. Большая часть смыслов и практик, организующих тьюторскую деятельность в изучаемом локальном сообществе, является продуктом неформальных коммуникаций, возникших в уникальных контекстах.

Выявлено, что ролевой набор и функционал тьютора в «Хорошколе» не является данностью, свойственной рассматриваемой профессии, а выступает продуктом контекстов и интеракций, формирующих содержание уникального института в условиях формирующихся коммуникаций, событий и жизненного уклада школы.

Сейчас нельзя говорить об окончании данного процесса и завершении формирования рассматриваемой социальной роли в формирующемся образовательном сообществе. Мы предполагаем, что ролевой набор позиций тьютора в данном сообществе станет устойчивым, оформленным не ранее завершения третьего цикла жизни сообщества. Изучение дальнейшего развития наблюдаемого организационного поля может продемонстрировать более глубокое понимание причинно-следственных связей, динамики изменений и механизмов создания локального социального порядка, применимых ко всему институту тьюторства, находящегося на первых этапах становления в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абраменкова В.В.* Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. 416 с.
2. *Архипова С.Н.* Инклюзия: от специального образования к общему // Инклюзивное образование: методология, практика, технологии / Под ред. О.Н. Ертановой, М.М. Гордон. М.: МГППУ, 2011. С. 37–38.
3. *Аръес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с франц. Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
4. *Асмолов А.Г.* Дополнительное образование как зона ближайшего развития в России: от традиционной педагогики к педагогике развития // Внешкольник. 2010. № 9. С. 6–8.
5. *Асмолов А.Г., Семенов А.Л., Уваров А.Ю.* Российская школа и новые информационные технологии: взгляд в следующее десятилетие. М.: Изд-во «НексПринт», 2010. 84 с.
6. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

7. *Блумер Г.* Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология / Под редакцией Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 173–179.
8. *Блумер Г.* Символический интеракционизм / Пер. А. Корбута. М.: Элементарные формы, 2017. 346 с.
9. *Бурдые П., Пассрон Ж.-К.* Воспроизводство: элементы теории системы образования / Пер. Н. Шматко. М.: Просвещение, 2017. 346 с.
10. *Гедгафова Л.М.* Опыт тьюторского обучения в университетах Оксфорда и Кембриджа // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2011. № 1. С. 119–124.
11. *Гидденс Э.* Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
12. *Гордон Э.Е., Гордон Э.Н.* Столетия тьюторства. История альтернативного образования в Америке и Западной Европе. Пер. с англ. под науч. ред. С.Ф. Сироткина, Д.Ю. Гребенкина. Ижевск: ERGO, 2008. 351 с.
13. *Гусев В.А.* Консервативные идеологии // Социологические исследования. 1994. № 11. С. 129–135.
14. *Зыбарева Н.Н.* Тьюторское сопровождение инклюзивного образования [Электронный ресурс]. URL: <https://thetutor.ru/biblioteka/tyutorstvo-v-inklyuzivnom-obrazovanii/tyutorskoe-soprovozhdenie-inklyuzivnogo-obrazovaniya/> (дата обращения: 25.11.2018)
15. Индикаторы образования: 2017: статистический сборник: Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики» / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, И.Ю. Забатурина и др. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 320 с.
16. Исторические истоки и теоретические основы тьюторства [Электронный ресурс]: учеб.-практ. издание: хрестоматийный учебник по дисциплине «Исторические истоки и теоретические основы тьюторства» / Сост. А.В. Медведева, И.Б. Клубина. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2014. URL: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_education/e-publications/2014/medvedeva-av_istoricheskie-istoki-i-teoret-osnovy-tutorstva.pdf (дата обращения: 25.11.2018)
17. *Карпенкова И.В.* Тьютор в инклюзивной школе: сопровождение ребенка с особенностями в развитии. Из опыта работы. М.: ЦППРиК «Тверской», 2010. 88 с.
18. *Квале С.* Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с.
19. *Ковалева Т.М., Кобыща Е.И., Попова (Смолик) С.Ю., Теров А.А., Чередилина М.Ю.* Профессия «тьютор». М.; Тверь: «СФК-офис», 2012. 246 с.
20. *Ковалева Т.М.* Оформление новой профессии тьютора в России // Вопросы образования. 2011. № 2. С. 163–180.
21. *Колосова Е.Б.* Тьютор как новая педагогическая профессия. М: Чистые пруды, 2008. 32 с.
22. *Кон И.С.* Ребенок и общество. М.: Академия, 2003. 336 с.
23. Концепция развития дополнительного образования детей до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 04.09.2014 № 1726-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/ipA1NW42XOA.pdf> (дата обращения: 25.11.2018)
24. *Кули Ч.* Социальная самость. Первичные группы // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 172–179.

25. Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс, 2000. 320 с.
26. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ; Хранитель, 2006. 873 с.
27. Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения. М.: Наука, 1988. 430 с.
28. Михайлова Я.Я., Сивак Е.В. «Научное родительство»? Что волнует родителей и какими источниками информации они пользуются // Вопросы образования. 2018. № 2. С. 8–25.
29. Мухина В.С. Феноменология развития и бытия личности: Избранные психологические труды. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999. 640 с.
30. Обухова Л.Ф., Котляр И.А. Современный ребенок: шаги к пониманию // Психологическая наука и образование. 2010. № 2. С. 5–19.
31. Поливанова К.Н. Детство в меняющемся мире // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5. № 2. С. 5–10.
32. Поливанова К.Н. Современное родительство как предмет исследования [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2015. Т. 7. № 3. С. 1–11. doi:10.17759/psyedu.2015070301
33. Попов Е.Н. Услуги образования и рынок // Экономика образования. 2009. № 2. С. 95–100.
34. Проскуровская И.Д. Опыт реконструкции исторических оснований тьюторства // Философия. Социология. Политология. 2009. № 2. С. 71–81.
35. Родители в системе дополнительного образования детей: ожидания, стратегии поведения, информированность. Информационный бюллетень. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2018. 56 с.
36. Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Дети как жизненная ценность россиян // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 8 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Институт социологии РАН, 2009. С. 390–403.
37. Соколова Е.И. Анализ терминологического ряда «коуч», «ментор», «тьютор», «фасилитатор», «эдвайзер» в контексте непрерывного образования // Непрерывное образование: XXI век. 2013. № 4. С. 1–6.
38. Старостина Ю.А. Феномен форсирования развития дошкольников в современной российской семье: дисс. ... канд. психол. наук. 19.00.13. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017. 199 с.
39. Толстых А.В. Опыт конкретно-исторической психологии личности. СПб.: Алетейя, 2000. 288 с.
40. Толстых Н.Н. Современное взросление // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Том 23. № 4. С. 7–24. doi:10.17759/cpp.2015230402
41. Тьютор [Электронный ресурс] // Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих Редакция 2018. URL: <https://classinform.ru/eksd/kvalifikatsionnye-harakteristiki-dolzhnosti-rabotnikov/v-sfere-obrazovaniia/dolzhnosti-pedagogicheskikh-rabotnikov/tiutor-obj1144.html> (дата обращения: 25.11.2018).
42. Удинховен У., Вазир Р. Новое детство: как изменились условия и потребности жизни детей. М.: Университетская книга, 2010. 200 с.

43. Фрумин И.Д., Поляруш П.П. Частно-государственное партнерство в образовании: уроки международного опыта // Вопросы образования. 2008. № 2 С. 73–107.
44. Чуриков И. Метафора «договорного порядка» как исследовательская перспектива в социологии организаций. М.: ГУ ВШЭ, 2009. 44 с.
45. DeMause L. The History of Childhood. Northvale, New Jersey: Jason Aronson, 1995. 450 p.
46. Hall P. Interactionism and the Study of Social Organization // The Sociological Quarterly. 1987. Vol. 28, № 1. P. 1–22.
47. Mead G.H. Mind, Self and Society. Chicago: University of Chicago Press, 1934. 401 p.
48. Schoonmaker S. Kids in Context: The Sociological Study of Children and Childhoods // Contemporary Sociology. 2006. Vol. 35. Iss. 6. Nov. P. 579–580.
49. Scott W.R. Organizations: rational, natural and open systems. Prentice Hall, Upper Saddle River, New Jersey. 2005. 430 p.
50. Strauss A., Schatzman L., Ehrlich D., Bucher R., Sabshin M. The Hospital and its Negotiated Order // The Hospital in Modern Society / E. Freidson (ed.). N.Y.: FreePress, 1963. P. 147–169.
51. Williams G. Socrates in Stellenbosch and Tutorials in Oxford. Paper presented at the Tutorial Education: History, Pedagogy, and Evolution conference [Электронный ресурс]. Lawrence University, 2007. URL: <http://www.gavinwilliams.org/wp-content/uploads/2014/01/2007-socrates-at-stellenbosch.pdf> (дата обращения 25.11.2018).

The Formation of the Tutor’s Role in the School as an Indicator of Social Expectations from Educating Children in a Private School (on the Example of Horoshkola)

P.O. KRAYNOVA*,
Khoroshevskaya School, Moscow, Russia,
p.kraynova@horoshkola.ru

A.S. OBUHOV**,
NRU HSE, Moscow, Russia,
aobuhov@hse.ru

For citation:

Kraynova P.O., Obuhov A.S. The Formation of the Tutor’s Role in the School as an Indicator of Social Expectations from Educating Children in a Private School (on the Example of Horoshkola). *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 1, pp. 134–151. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100108

* *Kraynova Polina O.* – tutor of the “Horoshevskaya School (Horoshkola)”, Moscow, Russia, p.kraynova@horoshkola.ru

** *Obuhov Alexey S.* – PhD in Psychology, Associate Professor, Leading Expert of the Center for Contemporary Childhood Studies of the Institute of Education of the National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia, aobuhov@hse.ru

Nowadays, attitude towards childhood is changing, the value of individual development of the child is intensifying. The demand for the construction and maintenance of individual educational path is increasing. This creates a demand for new professional duties, including support of the individual educational program delegated to the profession of a tutor. The study aims to identify the social roles of the tutor in the first year of formation of the educational community of a private school. The hypothesis of the study: within the process of active formation of social community of the new school tutor, while interacting with parents, teachers and administration, takes on a number of informal duties associated with individual work with the student in excess of educational tasks. The qualitative research strategy was applied due to the need for in-depth analysis and identification of cause-and-effect relationships and hidden meanings in the system of social interactions. The sample (21 people) included representatives of various social roles: tutors – 8 persons; parents of pupils – 5 persons; representatives of administration – 3 persons; subject teachers – 3 persons; psychologists – 2 persons. Data gathering was carried out by the method of in-depth semi-formalized interview based on the developed research program (40 initial questions). It was revealed that the role-based set of duties of the tutor in the new school is not a given characteristic of the profession in question, but is a product of contexts and interactions that form the content of a unique institution under conditions of emerging communications, events and school's way of life. At the end of the first cycle of life of the educational community of the school a wide range of roles of the tutor was formed, which actualizes the task of professional self-determination of the tutor in the system of social interactions.

Keywords: social attitude, social relationships, social interactionism, occupational role, tutor, school, educational requests, personalization of education, digitalization of life and school.

REFERENCES

1. Abramenkova V.V. Sotsial'naya psikhologiya detstva: razvitie otnoshenij rebenka v detskoj subkul'ture [Social psychology of childhood: the development of the relationship of the child in the children's subculture]. Moscow: Moskovskij psikhologo-sotsial'nyj institut; Voronezh: Izdatel'stvo NPO «MODEHK», 2000. 416 p.
2. Arkhipova S.N. Inklyuziya: ot spetsial'nogo obrazovaniya k obshhemu [Inclusion: from special education to general]. In O.N. Ertanova, M.M. Gordon (ed.). *Inklyuzivnoe obrazovanie: metodologiya, praktika, tekhnologii* [Inclusive education: methodology, practice, technology]. Moscow: MGPPU, 2011, pp. 37–38.
3. Ar'es F. Rebenok i semejnaya zhizn' pri Starom poryadke [Child and family life in the Old order]. Ekaterinburg: Publ. Ural. un-ta, 1999. 416 p.
4. Asmolov A.G. Dopolnitel'noe obrazovanie kak zona blizhajshego razvitiya v Rossii: ot traditsionnoj pedagogiki k pedagogike razvitiya [Additional education as a zone of proximal development in Russia: from traditional pedagogy to development pedagogy]. *Vneshkol'nik* [Out-of-school], 2010, no. 9, pp. 6–8.
5. Asmolov A.G., Semenov A.L., Uvarov A.Y. Rossijskaya shkola i novye informatsionnye tekhnologii: vzglyad v sleduyushhee desyatiletie [Russian school and new information technologies: a look into the next decade]. Moscow: Publ. «NeksPrint», 2010. 84 p.

6. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya [Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: «Medium», 1995. 323 p.
7. Blumer G. Obshhestvo kak simvolicheskaya interaktsiya [Society as a symbolic interaction]. In G.M. Andreeva, N.N. Bogomolova, L.A. Petrovskaya (ed.). *Sovremennaya zarubezhnaya sotsial'naya psikhologiya [Modern foreign social psychology]*. Moscow: Publ. Moskovskogo universiteta, 1984, pp. 173–179.
8. Blumer G. Simvolicheskij interaktsionizm [Symbolic interactionism]. Moscow: Ehlementarnye formy, 2017. 346 p.
9. Burd'e P., Passron Z.-K. Vosproizvodstvo: ehlementy teorii sistemy obrazovaniya [Reproduction: elements of the theory of education]. Moscow: Prosveshchenie, 2017. 346 p.
10. Gedgafova L.M. Opyt t'yutorskogo obucheniya v universitetakh Oksforda i Kembridzha [Experience tutoring at universities in Oxford and Cambridge]. *Vestnik SPbGU*. Ser. 12. 2011, no. 1, pp. 119–124.
11. Sotsiologiya [Sociology]. Moscow: EHditorial URSS, 1999. 704 p.
12. Gordon E.E., Gordon E.N. Stoletiya t'yutorstva. Istoriya al'ternativnogo obrazovaniya v Amerike i Zapadnoj Evrope [Centuries of tutoring. The history of alternative education in America and Western Europe]. In S.F. Sirotkin, D.YU. Grebenkin (ed.). Izhevsk: ERGO, 2008. 351 p.
13. Gusev V.A. Konservativnye ideologii [Conservative ideologies]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 1994, no. 11, pp. 129–135.
14. Zybareva N.N. T'yutorskoe soprovozhdeniye inkluzivnogo obrazovaniya [Elektronnyi resurs] [Tutor support of inclusive education]. URL: <https://thetutor.ru/biblioteka/tyutorstvo-v-inkluzivnom-obrazovanii/tyutorskoe-soprovozhdeniye-inkluzivnogo-obrazovaniya/> (Accessed 25.11.2018)
15. Indikatory obrazovaniya: 2017 : statisticheskij sbornik: Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ehkonomiki» [Education Indicators: 2017: statistical compilation: NRU “Higher School of Economics”]. N.V. Bondarenko, L.M. Gokhberg, I.YU. Zabaturina i dr. Moscow: NIU VSHEH, 2017. 320 p.
16. Istoricheskie istoki i teoreticheskie osnovy t'yutorstva [Elektronnyi resurs] [Historical origins and theoretical foundations of tutoring]. Uchebno-prakticheskoe izdaniye: khrestomatijnyy uchebnyy po distsipline «Istoricheskie istoki i teoreticheskie osnovy t'yutorstva». Sost. A.V. Medvedeva, I.B. Klyubina. Vladivostok: Dal'nevostochnyy federal'nyy universitet, 2014. URL: http://uss.dvfu.ru/struct/publish_center/index.php?p=epublications (Accessed 25.11.2018).
17. Karpenkova I.V. T'yutor v inkluzivnoj shkole: soprovozhdeniye rebenka s osobennostyami v razvitiy. Iz opyta raboty [Tutor in an inclusive school: accompanying a child with special needs. From work experience]. Moscow: TSPPRiK «Tverskoj», 2010. 88 p.
18. Kvale S. Issledovatel'skoe interv'yuy [Research interview]. Moscow: Smysl, 2003. 301 p.
19. Kovaleva T.M., Kobyshha E.I., Popova (Smolik) S.Y., Terov A.A., Cheredilina M.Y. Professiya «t'yutor» [Profession “tutor”]. Moscow; Tver': «SFK-ofis», 2012. 246 p.
20. Kovaleva T.M. Oformleniye novej professii t'yutora v Rossii [Making a new profession tutor in Russia]. *Voprosy obrazovaniya [Educational Studies]*, 2011, no. 2, pp. 163–180.

21. Kolosova E.B. T'yutor kak novaya pedagogicheskaya professiya [Tutor as a new teaching profession]. Moscow: CHistye prudy, 2008. 32 p.
22. Kon I.S. Rebenok i obshhestvo [Child and society]. Moscow: Akademiya, 2003. 336 p.
23. Kontseptsiya razvitiya dopolnitel'nogo obrazovaniya detej do 2020 goda. Utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 04.09.2014 N 1726-r. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://static.government.ru/media/files/ipA1NW42XOA.pdf> (Accessed 25.11.2018).
24. Kuli C. Sotsial'naya samost'. Pervichnye gruppy [Social self. Primary groups]. In V.I. Dobren'kov (ed.). *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': Teksty [American Sociological Thought: Texts]*. Moscow: Izd-vo MGU, 1994. p. 172–179.
25. Kuli C. Chelovecheskaya priroda i sotsial'nyj poryadok [Human nature and social order]. Moscow: Ideya-Press, 2000. 320 p.
26. Merton R. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura [Social Theory and Social Structure]. Moscow: ACT; KHRanitel', 2006. 873 p.
27. Mid M. Kul'tura i mir detstva: Izbrannye proizvedeniya [Culture and the world of childhood: Selected works]. Moscow: Publ. «Nauka», 1988. 430 p.
28. Mikhajlova Y.Y., Sivak E.V. «Nauchnoe roditel'stvo»? CHto volnuet roditel'j i kakimi istochnikami informatsii oni pol'zuyutsya [“Scientific Parenthood”? What parents care about and what sources of information they use]. *Voprosy obrazovaniya [Educational Studies]*, 2018, no. 2, pp. 8–25.
29. Mukhina V.S. Fenomenologiya razvitiya i bytiya lichnosti: Izbrannye psikhologicheskie trudy [Phenomenology of the development and existence of personality: Selected psychological works]. Moscow: Moskovskij psikhologo-sotsial'nyj institut; Voronezh: NPO «MODEHK», 1999. 640 p.
30. Obukhova L.F., Kotliar I.A. Modern Child: on the Way to Understanding. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2010. no. 2, pp. 5–19. (In Russ., abstr. in Engl.)
31. Polivanova K.N. Childhood in a changing world [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaja zarubezhnaia psikhologiya [Journal of Modern Foreign Psychology]*, 2016. Vol. 5, no. 2, pp. 5–10. doi:10.17759/jmfp.2016050201. (In Russ., abstr. in Engl.)
32. Polivanova K.N. Parenting and Parenthood as Research Domains [Elektronnyi resurs]. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru [Psychological Science and Education psyedu.ru]*, 2015. Vol. 7, no. 3, pp. 1–11. doi:10.17759/psyedu.2015070301 (In Russ., abstr. in Engl.)
33. Popov E.N. Uslugi obrazovaniya i rynek [Education services and market]. *Ehkonomika obrazovaniya [Economics of education]*, 2009, no. 2, pp. 95–100.
34. Proskurovskaya I.D. Opyt rekonstruktsii istoricheskikh osnovanij t'yutorstva [The experience of reconstruction of the historical foundations of tutoring]. *Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [Philosophy. Sociology. Political science]*, 2009, no. 2, pp. 71–81.
35. Roditeli v sisteme dopolnitel'nogo obrazovaniya detej: ozhidaniya, strategii povedeniya, informirovannost' [Parents in the system of additional education of children: expectations, behavioral strategies, awareness]. *Informatsionnyj byulleten' [News bulletin]*. Moscow: Natsional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ehkonomiki», 2018. 56 p.
36. Saraliev Z.K., Balabanov S.S. Deti kak zhiznennaya tsennost' rossijan [Children as the life value of Russians]. In M.K. Gorshkov (ed.). *Rossiya reformiruyushhayasya [Russia is reforming]*. Ezhegodnik. Vyp. 8. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2009, pp. 390–403.

37. Sokolova E.I. Analiz terminologicheskogo ryada «kouch», «mentor», «t'yutor», «fasilitator», «ehdvajzer» v kontekste nepreryvnogo obrazovaniya [Analysis of the terminology series “coach”, “mentor”, “tutor”, “facilitator”, “adviser” in the context of continuing education]. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek [Lifelong education: the XXI century]*, 2013, no. 4, pp. 1–6.
38. Starostina Y.A. Fenomen forsirovaniya razvitiya doshkol'nikov v sovremennoj rossijskoj sem'e. Diss. kand. psikh. nauk. [The phenomenon of speeding up the development of preschool children in the modern Russian family. PhD (Psychology) diss.]. Moscow: MGU imeni M.V. Lomonosva, 2017. 199 p.
39. Tolstykh A.V. Opyt konkretno-istoricheskoy psikhologii lichnosti [Experience specifically historical psychology of personality]. St. Petersburg: Aletejya. 2000. 288 p.
40. Tolstykh N.N. Modern maturation. Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2015. Vol. 23, no. 4, pp. 7–24. doi:10.17759/cpp.2015230402 (In Russ., abstr. in Engl.).
41. T'yutor [Elektronnyi resurs] [Tutor]. *Edinyj kvalifikatsionnyj spravochnik dolzhnostej rukovoditelej, spetsialistov i sluzhashhikh. Redaktsiya 2018. [Unified Qualification Directory of Managers, Professionals and Employees 2018]*. URL: <https://classinform.ru/eksd/kvalifikatsionnye-harakteristiki-dolzhnostei-rabotnikov/v-sfere-obrazovaniia/dolzhnosti-pedagogicheskikh-rabotnikov/tiutor-obj1144.html> (Accessed 25.11.2018).
42. Udinkhoven U., Vazir R. Novoe detstvo: kak izmenilis' usloviya i potrebnosti zhizni detej [New childhood: how the conditions and needs of children's life have changed]. Moscow: Universitetskaya kniga, 2010. 200 p.
43. Frumin I.D., Polyarush P.P. CHastno-gosudarstvennoe partnerstvo v obrazovanii: uroki mezhdunarodnogo opyta [Public-private partnership in education: lessons from international experience]. *Voprosy obrazovaniya [Educational Studies]*, 2008, no. 2, pp. 73–107.
44. Chirikov I. Metafora «dogovornogo poryadka» kak issledovatel'skaya perspektiva v sotsiologii organizatsii [The metaphor of the “contractual order” as a research perspective in the sociology of organizations]. Moscow: GU VSHEH, 2009. 44 p.
45. DeMause L. The History of Childhood. Northvale, New Jersey: Jason Aronson, 1995. 450 p.
46. Hall P. Interactionism and the Study of Social Organization. *The Sociological Quarterly*, 1987. Vol. 28, no. 1, pp. 1–22.
47. Mead G.H. Mind, Self and Society. Chicago: University of Chicago Press, 1934. 401 p.
48. Schoonmaker S. Kids in Context: The Sociological Study of Children and Childhoods. *Contemporary Sociology*, 2006. Vol. 35, Iss. 6, pp. 579–580.
49. Scott W.R. Organizations: rational, natural and open systems. Prentice Hall, Upper Saddle River, New Jersey. 2005. 430 p.
50. Strauss A., Schatzman L., Ehrlich D., Bucher R., Sabshin M. The Hospital and its Negotiated Order. In E. Freidson (ed.). *The Hospital in Modern Society*. N. Y.: Free Press, 1963, pp. 147–169.
51. Williams G. Socrates in stellenbosch and tutorials in Oxford. Paper presented at the Tutorial Education: History, Pedagogy, and Evolution conference [[Elektronnyi resurs] Lawrence University, 2007. URL: <http://www.gavinwilliams.org/wp-content/uploads/2014/01/2007-socrates-at-stellenbosch.pdf> (Accessed 25.11.2018).

Амок: актуальность изучения нападений в школах, причины, возможности первичной профилактики

С.В. КНИЖНИКОВА*,
ФГБОУ ВО КубГУ, Краснодар, Россия,
osvita2003@mail.ru

Статья посвящена феномену амока — неистовой ярости, ненависти, выливающейся в массовую расправу над людьми в общественном месте. Изучение амока в нашей стране актуализируется в связи с учащением в последние годы расправ, совершенных учениками в образовательных учреждениях. Установлено, что амок имеет социокультурную и индивидуально-психологическую обусловленность. Амок характеризуется через признаки, стадии, разновидности и причины возникновения, распространения. В качестве релевантного методологического основания исследования амока предлагается отечественная концепция аффекта, дезорганизирующего психику и поведение. Обосновано, что изучение случаев амока требует выявления возможных патологий психики у лица, совершившего нападение, индивидуальных свойств психических процессов, отвечающих за саморегуляцию, а также специфики личностной направленности и социального опыта. Рассмотрены такие факторы амока, как социальная эксклюзия (исключенность из референтной группы) и медианасилие. Описываются направления минимизации ущерба и потенциальные направления первичной психолого-педагогической профилактики амока.

Ключевые слова: амок, расправа, аффект, социальная эксклюзия, медианасилие, социализация подрастающего поколения, медиаобразование.

Введение

Весь 2017 год и в начале 2018 г. в нашей стране то и дело появлялись новости о череде нападений учащихся на

сверстников и педагогов в образовательных учреждениях. Эти события всколыхнули личные воспоминания о том, что при прохождении стажировки в ФРГ в 2004 г. автору статьи был задан вопрос

Для цитаты:

Книжникова С.В. Амок: актуальность изучения нападений в школах, причины, возможности первичной профилактики // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 1. С. 152–168. doi: 10.17759/sps.2019100109

* Книжникова Светлана Витальевна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной педагогики, Кубанский государственный университет (ФГБОУ ВО КубГУ), Краснодар, Россия, osvita2003@mail.ru

немецким социальным педагогом: «А как у вас в России действуют при амоке?». Следует признаться, что в то время пришлось даже ответно спросить значение термина. Спустя 4 года, проходя стажировку в одном из немецких полицейских ведомств, опять пришлось получить подобный вопрос. Оба раза, совершенно ни кривя душой, представителями наших стажировавшихся делегаций давался ответ о нераспространенности данного явления в нашей стране. Почему теперь и у нас то и дело случаются яростные нападения на окружающих в общественных местах, расправы учащихся над сверстниками и педагогами, ужасающие своей жестокостью и последствиями?

Пытаясь разобраться в сложном феномене, следует обратиться к накопленным научным данным, к анализу сведений правоохранителей, биографической информации и психологических портретов нападавших. Изучение случаев амока требует выявления особенностей психических процессов, отвечающих за саморегуляцию, специфики личностной направленности и социального опыта у лиц, совершивших нападение. Особо важен поиск медико-биологических, индивидуально-психологических и социокультурных причин амока и его распространения в последние годы, необходимо описание форм, видов и стадий; актуально рассмотрение амока в контексте социально-психологической проблематики.

Теоретико-методологические основания и методы исследования

Теоретическими основаниями исследования выступили:

— понятийно-терминологическая система, описывающая нападения в обще-

ственных местах (амок, шуттинг, массовая расправа и др.);

— концепции амока как культурологически обусловленного психического состояния [12; 17; 23];

— научные данные зарубежных авторов о яростных убийствах в общественных местах, массовых расстрелах — «Shootings» [27; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39];

— отечественные психологические, психиатрические и юридические воззрения на природу аффекта [2; 6; 7; 15; 18; 20; 21; 25].

Исследование причин нападений опиралось:

— на концепцию социальных эксклюзий как предиктора девиантности и преступности [1; 4; 8];

— концепцию фрустрации [10; 16; 19; 30];

— теории «заражения» девиантностью под влиянием медиапродукции и воздействия медианасилия на социализацию [3; 5; 13; 14; 26; 28].

Многоаспектность и сложность изучаемого феномена потребовала конструкта из взаимно компенсаторных научных подходов: системного, телеологического, этнокультурного, гуманистического, каузального, личностного, деятельностного.

Теоретические методы представлены анализом, синтезом, индукцией, дедукцией, аналогией. Фактологическую базу составили отечественные и зарубежные статистические данные о случаях яростных нападений в общественных местах; соответствующие опубликованные материалы правоохранительных органов и судебных разбирательств; биографические сведения и составленные экспертами психологические портреты личностей нападавших.

Дискуссия об исследуемом феномене

В настоящее время в науке (преимущественно, зарубежной), в журналистских репортажах и материалах правоохранителей по отношению к яростным нападениям используют такие термины, как: «амок», «шуттинг», «школьная стрельба», «слепая ярость», «бешенство», «неистовая ярость». Феноменологическая сложность и терминологическое разнообразие затрудняют подбор однозначного определения и классификации проявлений.

Первоначально под амоком понимались специфические приступы ярости, зафиксированные этнографами среди жителей Малайзии и еще нескольких этносов [12; 17]. Такие приступы неконтролируемой агрессии выражались в сильнейшем моторном и эмоциональном возбуждении, в нанесении увечий и смертельных травм окружающим людям. Обычно завершался приступ суицидом или оборотительным убийством агрессора.

В иностранных словарях встречается различное написание слова: например, в английских — «Амок», «Amock», «Amuck», в немецких — «Амок», «Amoklauf», «Amoklaufen». Термин широко распространился после опубликования С. Цвейгом в 1922 г. художественного произведения под названием «Амок», где с психиатрической тщательностью описано данное психоэмоциональное состояние. На сегодняшний день амок уже совсем не отождествляется с этноспецифическими проявлениями. Так, в Европе сейчас под амоком подразумевают неистовую, на первый взгляд, внезапную и беспричинную агрессию, выражающуюся в массовой расправе над людьми в общественном месте [38]. Американская

психиатрическая ассоциация амок наделяет следующими признаками: предъявление агрессором реалистичных угроз или нанесение окружающим реальных травм, совершение убийств; кратковременное неуправляемое эмоциональное состояние, обусловленное нарушением контроля импульсов; последующая после приступа у агрессора частичная или полная амнезия, а также сильнейшее истощение; высокая вероятность суицидальной попытки у нападавшего сразу после припадка [31]. Заметим, что в американских источниках, не отказываясь от слова «амок», чаще употребляют термин «Shootings» (с английского — «стрельба»), так как при расправах агрессоры обычно используют общедоступное огнестрельное оружие. В связи с актуальностью зарубежная медиапродукция тему амока тоже затрагивает достаточно регулярно.

В отечественных научных источниках информация об амоке очень скудная и представлена в основном лишь дефинициями. Российская психиатрическая школа признает амок сумеречным состоянием сознания либо нарушением сознания после некоторого периода расстройства настроения [23]. А вот современный толковый словарь русского языка дает следующее определение: «внезапно возникающее психическое расстройство, проявляющееся в возбуждении с агрессией и бессмысленными убийствами» [11, с. 36]. Стоит указать и на то, что в юридической практике такие нападения не квалифицируются как террористические акты, так как правоохранители отмечают кардинальные отличия этих двух видов насилия.

При описании сущности акта насилия исследователи подчеркивают, что он выступает своеобразной «разрядкой»

агрессором своего психоэмоционального напряжения [12; 17; 27; 38]. В его поведении можно схематично выделить следующие стадии:

— первоначальная (неврастеническая симптоматика, фобии, снижение самооценки, чувство обиды и обманутости, сниженность настроения);

— стадия накопления отрицательного эмоционального заряда (возникновение всепоглощающей ненависти, дереализация, компенсаторное самовозвеличивание, возникновение мыслей и фантазий о расправе, обычно незамысловатое планирование атаки);

— стадия агрессивного акта в состоянии сильнейшего эмоционального напряжения, возбуждения (реализуется после какого-либо провоцирующего обстоятельства, может быть приурочено к символической дате, стимулируется широким обсуждением в обществе ранее случившегося нападения);

— стадия опустошенности агрессора, ослабленности или амнезии;

— стадия осознания содеянного (возможны страх наказания и отвержения, раскаяние; высокий суицидальный риск).

Анализ имеющихся, преимущественно иностранных, сведений об амоке, описаний биографии нападавших, данных из опубликованных психиатрических и психологических заключений, информации с судебных разбирательств, показывает, что имеется огромная разрозненность в понимании признаков, динамики, разновидностей и причин этого явления. Одни зарубежные ученые пытаются обозначить индивидуально-психологические предикторы ярости у агрессора, другие утверждают, что невозможно составить психологический портрет личности, способной на амок, третьи

развенчивают «мифы об амоке», подчеркивая наличие противоречивых фактов [12; 27; 32; 33; 35; 36; 37]. Например, известный западный исследователь амока П. Лэнгман [34] утверждает, что нерелевантно стандартизировать виды яростных расправ и их причины. А половозрастную, статусную классификацию амоков и их предпосылок называет мифологией, так как среди нападавших встречаются и несовершеннолетние, и взрослые люди, и социальные изгои, и преуспевающие, высокостатусные персоны. Изученные П. Лэнгманом факты показали отсутствие связи агрессивного акта с расой, вероисповеданием, этнической принадлежностью. Единственным основанием дифференциации амока исследователь считает наличие у нападавших психопатий либо шизотипических расстройств и шизофрений.

Многообразные мнения высказываются также о том, является ли приступ ярости внезапным или ему предшествует этап планирования нападения, завершается он полной или частичной амнезией. Разрозненные суждения высказываются о мишенях нападения, т. е. агрессия при амоке направлена против определенных обидчиков или все-таки подвергаются расправе люди, оказавшиеся случайно в тот момент в общественном месте. Ведется спор о том, кого агрессор может воспринимать в качестве обидчиков — конкретных персон или целые социальные группы (школьное окружение, сослуживцев, представителей профессии, этнической принадлежности и т. д.).

Изучение жизненных обстоятельств нападавших показывает, что ими предварительно переживались фрустрирующие ситуации: серия социально обусловленных неудач; длительный моббинг; резкое снижение высокого статуса при публич-

ном позоре; переживались обида, чувство обманутости, сильнейшее разочарование в референтных лицах и идеях. В большинстве жизнеописаний агрессоров обнаруживается накопление подобных переживаний либо их высокая интенсивность. Близкие и знакомые нападавших отмечают следующие особенности: агрессивный акт предваряется стремлением отгородиться от окружающих, часты эскейп-реакции (у молодежи часто посредством погружения в виртуальное пространство); делались высказывания или велось активное обсуждение, поиск в книжных и интернет-источниках человеконенавистнических идей, детальное изучение информации о ранее случавшихся резонансных массовых расправах. Известно, что у нападавших, регулярно пребывавших в виртуальной среде, наблюдалось некое самовозвеличивание (вероятно, выступающее компенсацией реальной несостоятельности, фрустрированности).

Исследователи яростных нападений сходятся в следующем [12; 17; 32; 37]:

— амок имеет социокультурную и индивидуально-психологическую детерминированность;

— амок предваряется переживанием острой ненависти после длительных или высокоинтенсивных фрустрирующих ситуаций.

А вот отмеченные противоречия значительно снимаются, если обратить внимание на тот факт, что эмоциональная составляющая амока демонстрирует удивительное сходство с явлением, которое в отечественной психиатрии, психологии, юриспруденции называется «аффект».

В традициях отечественной науки постоянно обосновывается необходимость дополнительного изучения аффекта. Тем не менее уже накоплен достаточно солид-

ный объем исследовательских данных об этом феномене. Не затрагивая юридическое понимание аффекта (аспекты вменяемости-частичной вменяемости-невменяемости, трактовки как смягчающего ответственность обстоятельства), остановимся на психиатрических и психологических точках зрения. Аффектом признается «... эмоциональный процесс взрывного характера, характеризующийся кратковременностью и высокой интенсивностью, сопровождающиеся резко выраженными двигательными проявлениями и изменениями в работе внутренних органов. От чувств, настроений и эмоций аффекты отличаются интенсивностью и кратковременностью, а также тем, что всегда возникают в ответ на уже возникшую ситуацию» [2, с. 211].

Признанный специалист в области судебно-психологической экспертизы М.М. Коченов выделяет два вида аффекта: патологический и физиологический [14]. Они различаются по факторам, специфике первоначальной стадии, динамике, воздействию на сознание и деятельность.

Так, патологический аффект детерминируется сочетанием конфликтной, фрустрирующей, психотравмирующей ситуации с нервно-психической недостаточностью; характеризуется внезапностью, кратковременностью, высокоинтенсивной эмоциональностью, проявлениями автоматизированности в движениях. При этом виде аффекта наблюдается полное выключение сознания, а после аффективного взрыва у агрессора наступает амнезия и часто глубокий сон.

Физиологический же аффект детерминируется сочетанием конфликтной, фрустрирующей, психотравмирующей ситуации и субъективного восприятия этой ситуации как безвыходной. Ученые

отмечают, что такой вид аффекта может возникнуть сразу же после психотравмирующего происшествия, но может и быть результатом накопления отрицательных эмоций из-за претерпевания многократных психотравмирующих действий социума [6; 15; 18; 21]. В таком случае говорят о «кумулятивном», «накопительном», «капельном», «отсроченном», «отложенном» аффекте. В целом, физиологический аффект характеризуется кратковременностью, высокоинтенсивной эмоциональностью, утратой гибкости поведения с проявлениями автоматизма. Помрачение сознания отсутствует, однако существенно снижен контроль действий. Такой аффект может предваряться потенциальной готовностью к расправе, может наличествовать план расправы (как правило, простой), реализация расправы может символизироваться.

Таким образом, выделяются три механизма аффекта: механизм накопления (аккумуляции); механизм внезапного реагирования на интенсивный, сильный раздражитель; механизм отсроченного реагирования на аффектогенную ситуацию при активизации ранее сформированных очагов негативного эмоционального возбуждения [15]. Разграничение видов и механизмов аффекта позволяет проводить и дифференциацию случаев амока.

Отечественная концепция аффекта также дает понимание, почему амок, шуттинг, так часто совершается несовершеннолетними. По мнению М.М. Коченова, детско-юношеские возрастные особенности стимулируют аффективные реакции на конфликтные, фрустрирующие, психотравмирующие ситуации, так как дети и подростки более возбудимы, сильнее зависимы от внешних оценок, серьезно обеспокоены своим статусом среди свер-

стников, но при этом их система самоконтроля не развита в полной мере [15].

Таким образом, если амок рассматривать вне отечественной концепции аффекта, то сложнее увидеть закономерности, систематизировать факторы и установить разновидности.

Причины распространения амока в современном российском обществе: социально- психологический и педагогический аспекты

Уже отмечалось, что амок имеет социокультурную и индивидуально-психологическую обусловленность. Не будем останавливаться на нападениях, совершенных психически больными лицами, предметом нашего рассмотрения будут лишь амоки, совершенные условно нормальными людьми. Подчеркнем, что при описании таких случаев амока, биографий и психологических портретов нападавших, чаще всего встречаются такие слова: ненависть, насилие, психотравмирующие ситуации, фрустрация, агрессивность. Следует задуматься, почему и у наших соотечественников фрустрирующие ситуации стали порождать неукротимую ярость и чудовищную ненависть, утоляемые лишь нанесением существенного ущерба окружающим и убийствами.

Во-первых, обратим внимание на фрустрирующее воздействие и сильнейшую аффектогенность социальной эксклюзии (исключенности). Криминогенность и девиантогенность социальной эксклюзии исследуется достаточно давно за рубежом. Длительная или внезапная исключенность из референтных групп прослеживается в судьбах многих, совершивших амок. Это и «исключенные»

потомки мигрантов, так и не сумевшие приобрести социальный статус, приближенный к статусу коренных европейцев (амок в г. Мюнхене, ФРГ, 2016 г.). Это и подростки, исключенные из сообщества сверстников и подвергаемые травле, издевательствам (многочисленные последователи стрелков из школы «Колумбайн», США, 1999). Теперь и в нашей стране все явственнее опасность массово распространившейся социальной эксклюзии [1; 4; 8].

Без всякого пафоса вспомним, что социализация в советском обществе протекала с максимальной ориентацией на инклюзию каждого в коллектив (октябрьский—пионерский—комсомольский—партийный, творческий, спортивный и т. п.). Проблему исключенности пытались решить всеми способами — от помощи неуспевающему ученику со стороны отличника до взятия на поруки коллективом. Системообразующими социальными ориентирами выступали коллективистские принципы, подразумевающие заботу о другом человеке и о коллективе в целом, а высшей ценностью признавалась жизнь.

Сегодня мы видим иную картину. Воспеваемые и культивируемые в последние годы индивидуалистические ценности сформировали совершенно новое поколение. Оно воспринимает окружающий мир с точки зрения своего персонального комфорта, «внутривидовой борьбы» со «слабыми» за материальные блага. Расцвела вседозволенность, лукаво называемая «свободой». Массово распространился моббинг (буллинг, травля, издевательства), повсеместно практикуемый в учебных средах, профессиональных коллективах, социальных сетях [1; 4; 5; 8; 9; 13; 19; 24; 26; 32; 33; 37]. Таким образом, и в нашем обществе теперь по-

стоянно присутствует один из самых весомых аффектогенных факторов и, соответственно, причин амока.

Во-вторых, на увеличение количества амоков определенным образом влияет медианасилие. В исследованиях отечественных и зарубежных ученых обнаружена взаимосвязь популярности медианасилия и распространения реального насилия [3; 5; 13; 26; 29; 36; 39]. А известный американский исследователь амока Д. Келлнер [32] утверждает, что его причина кроется в медиакультуре, «одержимой оружием» и восхваляющей «мужскую ярость». При этом постмодернистское осмеяние в медиакультуре макросоциальных традиционных ценностей (добра к ближнему, заботы об окружающих, справедливости и др.) подпитывает распространение человеконенавистнических идей, растабуировало убийство. Тем не менее, насилие в современных фильмах, мультфильмах, музыкальных видеоклипах, книгах представлено как способ решения затруднений или достижения желаемого, как возможность самоутверждения. Большая часть таких медиапродуктов, как компьютерные игры, строятся на проигрывании насильственных моделей поведения. Игровая репетиция убийств в виртуальном мире постепенно перемещается в реальность. Например, сейчас популяризуется игра-квест «Амок», где игрокам обещают реалистичность заданий, «подлинный страх и чистый адреналин» (см.: <https://a-a-ah.ru/amok>).

Имеются точки зрения, которые видят косвенное, опосредованное воздействие медианасилия на виктимную социализацию подрастающего поколения [9; 22]. Есть и сведения о влиянии увлеченности медиапродуктами, насыщенными насильственными сюжетами, на

формирование мнения о приемлемости реального насилия [5; 13; 26; 32]. У совершивших амок обнаружены подобные «разрешающие» установки на насилие [32; 33; 34; 36].

Установлено, что медианасилие вызывает следующие эффекты: эффект формирования равнодушного отношения к насилию среди окружающих; эффект тревожного, фобического ожидания насилия от окружающих; эффект растормаживания изначальных ценностно-смысловых патологий; эффект неполноценного формирования или ослабления нравственно-волевого регулирования; эффект разжигания интереса к тематике насилия; суггесто-подражательный эффект [3; 5; 13; 26; 28].

С педагогической точки зрения, растормаживающий эффект и эффект недоразвития/ослабления регулирования могут повлечь последствия, похожие на этноспецифические проявления амока в Малайзии. Нечто подобное происходит в процессе социализации подрастающего поколения — там детям вплоть до половозрелости разрешаются, а иногда поощряются, агрессивные действия. Демонстрация злости, нанесение ударов близким, грубые высказывания детей не наказываются и воспринимаются как нормальные [12]. Ребенок в сензитивные периоды не развивает способность контролировать свою агрессию и, сталкиваясь с фрустрацией в зрелом возрасте, демонстрирует высокую склонность к аффектам. Это, вероятно, ведет к многочисленным эксцессам, и амок стал числиться к этнической специфике. Эту версию подтверждают исследования Д.Р. Дэйвитца [цит. по: 16; 30], показавшие, что те дети, которых родители осознанно приучали к волевому контролю над эмоциями, к спокойному и конструк-

тивному взаимодействию с окружающими, демонстрировали меньшую агрессивность при фрустрации, нежели дети, с которыми такая работа не велась. На необходимость использования ресурса подобной педагогической работы в профилактике аффектов указывают и психиатры [15], и юристы [18; 25].

Наиболее быстрыми и очевидными являются деструктивные влияния медианасилия посредством реализации эффекта подражания. Этот эффект замечен как исследователями агрессии, самого медианасилия, так и исследователями амока. Именно этот эффект обуславливает высокий риск повторов амока после широкомасштабного муссирования в СМИ уже произошедшего случая нападения — высока вероятность рецидива в течение двух недель [39].

Оговоримся, что большая часть эффектов медианасилия (а именно: эффект формирования равнодушного отношения к насилию среди окружающих, растормаживания изначальных ценностно-смысловых патологий, эффект неполноценного формирования или ослабления нравственно-волевого регулирования, эффект разжигания интереса к тематике насилия) может считаться причиной амока. А вот эффект подражания, на наш взгляд, не стоит считать полноценной причиной, он, скорее, молниеносно формирует повод для реализации накопленных деструкций.

Завершая данный раздел статьи, еще хотелось бы акцентировать внимание на сходстве феноменов амока (по сути, гомицида) и суицидального поведения (суицида). Различия есть в объекте агрессии, в направленности разрушительных тенденций при фрустрации, психотравмирующих обстоятельствах. Похожие черты наличествуют в факторах, дина-

мике этих явлений, в подверженности «заражению» из медиапродукции [14; 29]. Ранее уже отмечалось, что у лиц, совершивших амок, после агрессивного акта отмечается высокий риск суицида. Таким образом, ученым еще предстоит найти объяснения этим параллелям, а государственным и общественным деятелям следует подготовить действенные советы для СМИ по освещению случаев амока, подобные «Рекомендациям по распространению в СМИ информации о случаях самоубийства» (2016 г.).

Минимизация ущерба и профилактика амока

Следующей насущной задачей является поиск способов и средств предупреждения и минимизации разрушительных проявлений аффекта, реализуемых в амоке. Очевидно, что необходима разработка тактик и стратегий эффективного реагирования на подобные случаи. Например, в США, где нападения случаются достаточно часто, ведутся дебаты об ограничении использования населением оружия, об усилении контроля над лицами, владеющими или имеющими доступ к оружию. А в марте 2018 г. там прошли многотысячные митинги школьников, студентов, родителей, педагогов, общественных деятелей против распространения оружия (митинги велись под лозунгами «Марш за наши жизни», «never again» — «никогда больше», «разоружите ненависть», «enough» — «довольно»). Подобные меры вызывают сомнения — действительно, доступность огнестрельного оружия является стимулирующим обстоятельством, но не основной причиной. Широко доступных средств умерщвления предостаточно —

от хозяйственных колюще-режущих предметов и инструментов до бытовых ядов и воспламеняющихся жидкостей. Все это в руках злоумышленника способно привести к ущербу, травмам, жертвам; потому ограничение оборота огнестрельного оружия вряд ли сильно исправит ситуацию.

Следующее предлагаемое направление работы относительно амока заключается в обеспечении максимальной безопасности в общественных местах: установка пропускных систем и блокираторов наезда, тщательный контроль над вносимыми предметами и веществами, оборудование пунктов отражения атаки и т. п.

Третье направление связано с обучением населения адекватному реагированию на нападение с целью сведения ущерба к минимуму. В тех же США все школы обязаны разработать и согласовать с силовыми ведомствами свои планы действий в случае амока, шуттинга. Затем в соответствии с планами проводятся «учебные тревоги», где ученики, педагоги и персонал тренируют действия при гипотетическом нападении. Долгие годы планируемые действия сводились к так называемому локдауну, т. е. попытке скрыться и заблокироваться от нападающего в ближайшем помещении. В последнее время такие действия подвергаются критике, так как нападавшие часто знакомы с запланированной тактикой и заранее придумывают агрессивный акт против заблокированной группы лиц, что обуславливает неотвратимость расправы над не имеющими выхода беззащитными людьми. Поэтому, в качестве альтернативы локдауну, предлагаются меры, аналогичные противопожарным — обеспечение наибольших возможностей беспрепятственно покинуть опасное по-

мещение или общественное место. Озвучиваются также предложения по вооружению учителей и школьного персонала.

Имеются предложения по развитию мониторинга интернет-пространства для выявления лиц, интересующихся человеконенавистническими идеями, размещающих на своих персональных страницах агрессивные манифесты, демонстрирующих приверженность насилию. Подобная работа может оказаться действительно эффективной, так как юное поколение и люди среднего возраста массово представлены в виртуальных социальных сетях и достаточно активно размещают о себе информацию, позволяющую составить психологический портрет, выявить интересы, сигнализирующие о явном социально-психологическом неблагополучии. П. Лэнгман [34] зафиксировал, что многие нападавшие предварительно через свои интернет-странички оповещали о наличии агрессивных устремлений, цитировали высказывания известных тиранов и убийц, размещали ролики о насилии или ранее совершенных нападениях, публиковали «инструкции» по нападению. Проведение интернет-мониторинга возможно обеспечить как государственными, так и общественными усилиями. Ранее мы публиковали сведения о подобном уже реализованном мониторинге суицидального контента, представленного на персональных страницах школьников и студентов [14]. Выявление суицидоопасного контента (высказывания; обозначение статуса; подбор оформления, роликов и музыки; участие в группах и др.) велось силами студентов специальности «Педагогика и психология девиантного поведения» с помощью специально разработанной матрицы с отслеживаемыми тревожными параметрами. В настоящее время ведется

разработка диагностического материала, ориентированного на поиск симптомов возможного амока через мониторинг виртуальных социальных сетей.

Также следует сориентировать школьников, студентов на оповещение взрослых и компетентных специалистов о замеченных настораживающих признаках у своего сверстника. При этом важно обеспечить полную анонимность учащимся, сообщившим о вероятной угрозе, так как имелись прецеденты первоочередных расправ над бдительными учениками.

Еще стоит отметить рекомендации бывших или действующих военных, полицейских (опять же, иностранцев). Советы даются преимущественно родителям школьников и касаются покупки пуленепробиваемых вставок в рюкзак, развития у ребенка бдительности в общественных местах, тренировок действий в экстренных ситуациях и поиска путей спасения. Советчики подчеркивают, что таким обучением должны заниматься именно в семье. Подобная массовая тренировка в образовательном учреждении считается даже вредоносной в связи с тем, что нападающие тоже ее пройдут и смогут предугадать действия спасающихся.

В качестве профилактических мер П. Лэнгман [34] предлагает: обеспечение общедоступной качественной психологической помощи; тщательную фиксацию признаков надвигающегося амока через выявление насилия в семье и моббинга в образовательной среде; выявление специалистами симптоматики психологических травм, психических болезней, психозов.

Д. Келлнер [32] видит возможным предупреждение при создании следующих условий: усиленный контроль над распространением оружия; обеспечение

безопасности в образовательных учреждениях и местах массового скопления людей; оптимизация образовательной среды через обеспечение психологического комфорта учеников и педагогов; поддержка педагогических программ, пропагандирующих мир и социальную справедливость; проецирование через медиапродукцию конструктивных образов мужественности и мирного урегулирования конфликтов.

По нашему глубокому убеждению, отечественная система образования вполне может и должна содействовать профилактике амоков. Важна разработка и внедрение всевозможных психолого-педагогических технологий формирования у подрастающего поколения стремлений к взаимной заботе и поддержке, программ разноуровневой и разновозрастной подготовки к конструктивному совладанию с фрустрирующими ситуациями, с неудачами. Перспективно развитие идеи В.К. Вилюнаса об обучении человека «канализировать аффект» [7, с. 48], а также идеи С.Л. Рубинштейна о том, что целенаправленное обучение человека пониманию своего эмоционального состояния и его потенциальных последствий может не допустить, чтобы «зародившийся аффект прорвался в сферу действия» [20, с. 580]. Особо стоит сосредоточиться на нейтрализации девиантогенных эффектов медианасилия, продолжая активно развивать медиаобразование, готовить подрастающее поколение к обеспечению своей личной медиабезопасности, формировать ассертивность и критическое мышление. Очевидно, необходима консолидация превентивных усилий педагогов, психологов, психиатров, правоохранителей, разработчиков медиапродукции.

Выводы

Понятия «амок», «шуттинг», «расправа в общественном месте», «массовое убийство в состоянии аффекта» принадлежат к одному семантическому полю. Ученым предстоит работать над методологической проблемой неоднозначности в формулировании термина, что потребует интеграции усилий представителей нескольких наук и сфер практической деятельности.

Амок имеет социокультурную и индивидуально-психологическую обусловленность. Таким образом, изучение случаев амока требует выявления возможных патологий психики у лица, совершившего нападение, индивидуальных свойств психических процессов, отвечающих за саморегуляцию, а также специфики личностной направленности и социального опыта.

Для анализа и систематизации факторов, закономерностей, разновидностей амока наиболее релевантной представляется отечественная концепция аффекта, т. е. эмоционального состояния, которое интенсивно дезорганизует психику и поведение под воздействием угрозы ключевым ценностям личности. Совершение амока детерминируется несколькими «механизмами аффекта»: механизмом постепенного накопления (аккумуляции) отрицательного эмоционального заряда, активируемым каким-либо событием, поводом; механизмом внезапного реагирования на однократный очень сильный, интенсивный раздражитель; механизмом активизации ранее сформированных негативных эмоциональных переживаний и отсроченного реагирования на аффектогенную ситуацию.

Совершение амока предваряется острой ненавистью и жадой расправы

на почве переживания длительной или высокоинтенсивной фрустрирующей аффектогенной ситуации.

Одной из основных причин распространения амока являются различные формы социальной эксклюзии (исключенности из референтной группы), виктимизирующие личность. В детской, подростково-молодежной среде особую опасность формирует широкое распространение травли (моббинга, буллинга) в учебных группах и виртуальном пространстве.

Еще одной весомой причиной является девиантогенное воздействие на население (особенно юное) медианасилия, обладающего следующими социально-психологическими эффектами: эффект растормаживания изначальных личностных агрессивных характеристик, эффект недоразвития или ослабления нравственно-волевого самоконтроля, эффект фобического ожидания насилия от

окружающих, эффект равнодушного отношения к реальному насилию, эффект закрепления интереса к медианасилию, суггесто-подражательный эффект.

Усиление воздействия вышеназванных факторов в российском обществе позволяет прогнозировать, к сожалению, увеличение количества совершаемых амок, особенно детьми и молодежью.

Основными направлениями уменьшения разрушительных последствий амока представляются: тщательный контроль над средствами массового умерщвления, обеспечение безопасности в общественных местах, обучение населения адекватному реагированию на атаку, мониторинг виртуальной среды с целью выявления назревающего амока. В аспекте первичной профилактики востребованы психолого-педагогические разработки, нейтрализующие вышеназванные факторы амока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмазов Б.Н. Социальное отчуждение. Психолого-педагогический аспект. М.: Дата Сквер, 2010. 168 с.
2. Аффект: практика судебной психолого-психиатрической экспертизы: хрестоматия [Электронный ресурс] / Авторы-составители Ф.С. Сафуанов, Е.В. Макушкин. М.: Генезис, 2016. URL: <https://readli.net/affekt-praktika-sudebnoy-psihologo-psihiatricheskoj-ekspertizy> (дата обращения 03.04.2018)
3. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. 512 с.
4. Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. № 3—4. С. 5—17.
5. Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ: пер. с англ. М.: Вильямс, 2004. 432 с.
6. Будякова Т.П. Виктимологические аргументы в пользу легализации отложенного (отсроченного) аффекта // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 2. С. 16—22.
7. Вилонас В.К. Аффект // Большой психологический словарь / Сост. Б.Г. Мещераков, В.П. Зинченко. М.: «Прайм-Еврознак», 2002. С. 48.
8. Гиллинский Я.И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-

- Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2004. № 6. С. 69–77.
9. *Ениколопов С.Н.* Психологические проблемы агрессивного поведения детей // Воспитание и обучение детей младшего возраста. 2013. № 1. С. 5.
10. *Ермолаева Л.И.* Фрустрация как социально-психологический феномен: дис. ... канд. психол. наук. М., 1993. 140 с.
11. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 1: А–О. М.: Русский язык, 2000. 1209 с.
12. *Каплан Г., Сэдок Б.* Клиническая психиатрия. Т. 1. М.: Медицина, 1994. 672 с.
13. *Книжникова С.В.* Медианасилие: «бить или не бить?» // Народное образование. 2014. № 5. С. 193–199.
14. *Книжникова С.В.* «Эффект Вертера»: подражательные суициды среди подростков и молодежи // Педагогика. 2017. № 1. С. 76–82.
15. *Коченов М.М.* Судебно-психологическая экспертиза. М., 1977. 100 с.
16. *Левитов Н.Д.* Фрустрация как один из видов психических состояний // Вопросы психологии. 1967. № 6. С. 118–130.
17. *Морозов П.В.* Роль культуральных факторов в формировании классификаций психических заболеваний // Психиатрия и психофармакотерапия. 2006. Т. 8. № 3. С. 19–22.
18. *Мухачева И.М.* Уголовно-правовая и психологическая характеристика аффекта // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7 (68). С. 118–126.
19. *Оршанская М.В.* Влияние фрустраций на социализацию подростков : дисс. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург, 2004. 219 с.
20. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер-ком, 1999. 720 с.
21. *Ситковская О.Д.* Аффект: криминально-психологическое исследование. М.: Юрлитинформ, 2001. 240 с.
22. *Солдатова Г.У., Ртищева М.А., Серёгина В.В.* Онлайн-риски и проблема психологического здоровья детей и подростков // Академический вестник Академии социального управления. 2017. № 3 (25). С. 29–37.
23. *Стоиценов Й.А., Стоиценова М.Й., Коева П.Й. и др.* Амок (Амок) // Психиатрический энциклопедический словарь. К.: МАУП, 2003. 1200 с.
24. *Тарасова С.Ю., Осницкий А.К., Ениколопов С.Н.* Социально-психологические аспекты буллинга: взаимосвязь агрессивности и школьной тревожности [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2016. Т. 8. № 4. С. 102–116. doi:10.17759/psyedu.2016080411
25. *Тухбатуллин Р.Р.* Умышленные преступления против жизни и здоровья, совершенные в состоянии аффекта: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2005. 22 с.
26. *Федоров А.В.* Права ребенка и проблема насилия на российском экране. Таганрог: Кучма, 2004. 414 с.
27. *Böckler N., Seeger T., Sitzer P., Heitmeyer W.* School Shootings. International Research, Case Studies, and Concepts for Prevention. New York, Heidelberg, Dordrecht, London: Springer, 2013. 543 p.
28. *Cantor J.* The Unappreciated V-Chip // Violence in Film & Television / Torr J.D. (Ed.). San Diego, Ca: Greenhaven Press, Inc, 2002. P. 171–178.

29. *Coleman L.L.* The Copycat Effect. New York: Paraview Pocket-Simon & Schuster. 2004. 308 p.
30. *Davitz J.R.* The communication of emotional meaning. New York: McGraw-Hill. 1964. 214 p.
31. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. Appendix I. Outline for Cultural Formulation and Glossary of Culture-Bound Syndromes // American Psychiatric Association. Text Revision (DSM-IV-TR). Washington, DC. 2000. Vol. 4. P. 899.
32. *Kellner D.* Guys and Guns Amok: Domestic Terrorism and School Shootings from the Oklahoma City Bombing to the Virginia Tech Massacre. Boulder, CO: Paradigm Publishers. 2008. 221 p.
33. *Klein J.* The Bully Society School Shootings and the Crisis of Bullying in America's Schools. NYU Press, 2013. 318 p.
34. *Langman P.* School Shooters: Understanding High School, College, and Adult Perpetrators. Rowman & Littlefield Publishers, 2015. 272 p.
35. *Lieberman J.A.* School Shootings: What Every Parent and Educator Needs to Know to Protect Our Children. Citadel; Paperback Rev Upd, 2008. 384 p.
36. *Muschert G.W., Sumiala J.* School Shootings. Mediatized Violence in a Global Age. Emerald Group Publishing, 2012. 353 p.
37. *Newman K.S., Fox C., Harding D., Mehta J., Roth W.* Rampage: The Social Roots of School Shootings. New York: Basic Books, 2004. 416 p.
38. *Scheithauer H., Bondü R.* Amoklauf und School Shooting. Bedeutung, Hintergründe und Prävention. Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. 121 p.
39. *Towers S., Gomez-Lievano A., Khan M., Mubayi A., Castillo-Chavez C.* Contagion in Mass Killings and School Shootings // PLoS ONE. 2015. Vol. 10 (7): e0117259. doi:10.1371/journal.pone.0117259

Amok: Relevance of School Attacks Exploring, Causes, and Primary Prevention Possibilities

S.V. KNIZHNIKOVA *,
Kuban State University, Krasnodar, Russia,
osvita2003@mail.ru

The article is devoted to the phenomenon of amok – towering rage, hatred leading to mass violence against people in public places. The study of amok in our country is updated

For citation:

Knizhnikova S.V. Amok: Relevance of School Attacks Exploring, Causes, and Primary Prevention Possibilities. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 1, pp. 152–168. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100109

* *Knizhnikova Svetlana Vitalievna* – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Lecturer of the Chair of General and Social Pedagogy, Kuban State University, Krasnodar, Russia, osvita2003@mail.ru

because violence committed by students in educational institutions are becoming more frequent over the last years. It is established that amok has sociocultural and individual psychological dependence. Amok is characterized by symptoms, stages, varieties and causes of occurrence and distribution. As the relevant methodological foundation of amok study we offer a domestic conception of affect that disrupt the psyche. It is proved that the study of amok cases requires the identification of possible psyche pathologies of a person who committed an attack, his individual properties of mental processes which are responsible for self-regulation, as well as specifics of personal orientation and social experience. Such amok factors as social exclusion (shut-out from the reference group) and media violence are considered. The article describes some directions to minimize the damage and potential areas of primary psychological-pedagogical amok prevention.

Keywords: amok, shootings, violence, affect, social exclusion, media violence, young generation socialization, media education.

REFERENCES

1. Almazov B.N. Social'noe otchuzhdenie. Psihologo-pedagogicheskij aspekt [Social Disengagement. Psychological and pedagogical aspect]. Moscow: Publ. Data Skver, 2010. 168 p.
2. Affekt: praktika sudebnoj psihologo-psihiatricheskoj ehkspertizy [Elektronnyj resurs] [Affect: Practice of Adjudicative Psychological and Psychiatric Examination]: Hrestomatiya / Avtory-sostaviteli F.S. Safuanov, E.V. Makushkin. Moscow: Publ. Genezis, 2016. URL: <https://readli.net/affekt-praktika-sudebnoj-psihologo-psihiatricheskoy-ehkspertizy> (Accessed 03.04.2018).
3. Berkovic L. Agressiya: prichiny, posledstviya i kontrol' [Aggression: Causes, Consequences and Control]. Sankt-Peterburg: Publ. Prajm-Evroznak, 2001. 512 p.
4. Borodkin F.M. Social'nye ehksklyuzii [Social Exclusions]. *Sociologicheskij zhurnal [Sociological Journal]*, 2000, no. 3–4, pp. 5–17.
5. Brajant D., Tompson S. Osnovy vozdejstviya SMI [The Basics of Media Exposure]. Moscow: Publ. Vil'yams, 2004. 432 p.
6. Budyakova T.P. Viktimologicheskie argumenty v pol'zu legalizacii otlozhennogo (otsrochennogo) affekta [Victimological Arguments in Favor of Legalization of Deferred (Delayed) Affect]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal [Russian Journal of Criminology]*, 2014, no. 2, pp. 16–22.
7. Vilyunas V.K. Affekt [Affect]. *Bol'shoj psihologicheskij slovar' [Bol'shoj psihologicheskij slovar']*. Sost. Meshcheryakov B.G., Zinchenko V.P. M., 2002, p. 48.
8. Gilinskij Y.I. «Isklyuchennost'» kak global'naya problema i social'naya baza prestupnosti, narkotizma, terrorizma i inyh deviacij [“Exclusion” as a Global Problem and Social Base of Crime, Drugs Terrorism and other Deviations]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo Yuridicheskogo instituta General'noj prokuratury RF [Proceedings of the St. Petersburg Law Institute of the Prosecutor General of the Russian Federation]*, 2004, no. 6, pp. 69–77.
9. Enikolopov S.N. Psihologicheskie problemy agressivnogo povedeniya detej [Psychological problems of children's aggressive behavior]. *Vospitanie i obuchenie detej mladshogo vozrasta [Early Childhood Care and Education]*, 2013, no. 1, p. 5.

10. Ermolaeva L.I. Frustraciya kak social'no-psihologicheskij fenomen. Dis. kand. psihol. nauk [Frustration as a Socio-psychological Phenomenon. PhD (Psychology) diss.]. Moscow, 1993. 140 p.
11. Efremova T.F. Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj [New Russian Language Dictionary . Defining-word-formation]. T. 1: A – O. Moscow: Publ. Russkij yazyk, 2000.
12. Kaplan G., Sehdok B. Klinicheskaya psichiatriya [Clinical Psychiatry]. T. 1. Moscow: Publ. Medicina, 1994. 672 p.
13. Knizhnikova S.V. Medianasilie: «bit' ili ne bit'?» [Media Violence: “to Beat or not to Beat?»]. *Narodnoe obrazovanie [National Education]*, 2014, no. 5, pp. 193–199.
14. Knizhnikova S.V. «Ehffekt Vertera»: podrazhatel'nye suicidy sredi podrostkov i molodezhi [The Werther Effect: Imitation Suicides among Adolescents and Young Adults]. *Pedagogika [Pedagogy]*, 2017, no. 1, pp. 76–82.
15. Kochenov M.M. Sudebno-psihologicheskaya ehkspertiza [Judicial-psychological Examination]. Moscow, 1977. 100 p.
16. Levitov N.D. Frustraciya kak odin iz vidov psihicheskikh sostoyanij [Frustration as a Type of Mental State]. *Voprosy psihologii*, 1967, no. 6, pp. 118–130.
17. Morozov P.V. Rol' kul'tural'nyh faktorov v formirovanii klassifikacij psihicheskikh zabolevanij [Cultural Factors Role in the Formation of Mental Diseases Classifications]. *Psihiatriya i psihofarmakoterapiya [Psychiatry and psychopharmacotherapy]*, 2006. Vol. 8, no. 3, pp. 19–22.
18. Muhacheva I.M. Ugolovno-pravovaya i psihologicheskaya harakteristika affekta [Criminal and Psychological Characteristics of an Affect]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Actual Problems of Russian Law]*, 2016, no. 7 (68), pp. 118–126.
19. Orshanskaya M.V. Vliyanie frustracij na socializaciju podrostkov. Dis. kand. psihol. nauk [Frustrations Impact on Adolescents Socialization. PhD (Psychology) diss.]. St. Petersburg, 2004. 219 p.
20. Rubinshtejn S.L. Osnovy obshchej psihologii [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg: Piter-kom, 1999. 720 p.
21. Sitkovskaya O.D. Affekt: kriminal'no-psihologicheskoe issledovanie [Affect: Criminal-psychological Study]. Moscow: Yurlitinform, 2001. 240 p.
22. Soldatova G.U., Rtishcheva M.A., Seryogina V.V. Onlajn-riski i problema psihologicheskogo zdorov'ya detej i podrostkov [Online risks and psychological health problems of children and teenagers]. *Akademicheskij vestnik Akademii social'nogo upravlenija [Academic Bulletin of the Academy of social management]*, 2017, no. 3 (25), pp. 29–37.
23. Stoimenov J.A., Stoimenova M.J., Koeva P.J. i dr. Amok (Amok) [(Amok) Amok]. *Psihiatricheskij ehnciklopedicheskij slovar' [Psychiatric Encyclopedic Dictionary]*. Kiev: Publ. MAUP, 2003. 1200 p.
24. Tarasova S.Ju., Osnitsky A.K., Enikolopov S.N. Social-psychological Aspects of Bullying: Interconnection of Aggressiveness and School Anxiety [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru [Psychological Science and Education psyedu.ru]*, 2016. Vol. 8, no. 4, pp. 102–116. doi:10.17759/psyedu.2016080411 (In Russ., abstr. in Engl.).

25. Tuhbatullin R.R. Umyshlennyye prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya, sovershennyye v sostoyanii affekta. :Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Intentional Crimes Against Life and Health Committed in a State of Affect. PhD (Law) Thesis]. Moscow, 2005. 22 p.
26. Fedorov A.V. Prava rebenka i problema nasiliya na rossijskom ehkrane [Child's Rights and the Problem of Violence on the Russian Screen]. Taganrog: Kuchma, 2004. 414 p.
27. Böckler N., Seeger T., Sitzer P., Heitmeyer W. School Shootings. International Research, Case Studies, and Concepts for Prevention. New York, Heidelberg, Dordrecht, London: Springer. 2013. 543 p.
28. Cantor J. The Unappreciated V-Chip. In: Torr, J.D. (Ed.). Violence in Film & Television. San Diego, Ca: Greenhaven Press, Inc. 2002, pp. 171–178.
29. Coleman Loren L. The Copycat Effect. New York: Paraview Pocket-Simon & Schuster, 2004. 308 p.
30. Davitz, Joel R. The communication of emotional meaning. New York: McGraw-Hill, 1964. 214 p.
31. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. Appendix I. Outline for Cultural Formulation and Glossary of Culture-Bound Syndromes (2000). *American Psychiatric Association. — Text Revision (DSM-IV-TR)*. Washington, DC, 2000. Vol. 4, pp. 899.
32. Kellner D. Guys and Guns Amok: Domestic Terrorism and School Shootings from the Oklahoma City Bombing to the Virginia Tech Massacre. - Boulder, CO: Paradigm Publishers. 2008. 221 p.
33. Klein J. The Bully Society School Shootings and the Crisis of Bullying in America's Schools. NYU Press. 2013. 318 p
34. Langman P. School Shooters: Understanding High School, College, and Adult Perpetrators. Rowman & Littlefield Publishers, 2015. 272 p.
35. Lieberman J.A. School Shootings: What Every Parent and Educator Needs to Know to Protect Our Children. Citadel; Paperback Rev Upd, 2008. 384 p.
36. Muschert G.W., Sumiala J. School Shootings. Mediatized Violence in a Global Age. Emerald Group Publishing, 2012. 353 p.
37. Newman K.S., Fox C., Harding D., Mehta J., Roth W. Rampage: The Social Roots of School Shootings. New York: Basic Books, 2004. 416 p.
38. Scheithauer H., Bondü R. Amoklauf und School Shooting. Bedeutung, Hintergründe und Prävention. Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. 121 p.
39. Towers S., Gomez-Lievano A., Khan M., Mubayi A., Castillo-Chavez C. Contagion in Mass Killings and School Shootings. *PLoS ONE*. 2015. Vol. 10(7): e0117259. doi:10.1371/journal.pone.0117259

Мнение и установки университетского сообщества к донорству в биобанк

Н.А. АНТОНОВА*,
ФГБОУ ВО РГПУ имени А.И. Герцена, ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ,
Санкт-Петербург, Россия,
antonova.natalia11@gmail.com

К.Ю. ЕРИЦЯН**,
ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия,
ksenia.eritsyan@gmail.com

Л.А. ЦВЕТКОВА***,
ФГБОУ ВО РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия,
ltsvetkova@herzen.spb.ru

Сегодня и в России, и во всем мире значительные усилия предпринимаются в создании биобанков — специализированных хранилищ биологических материалов для научно-исследовательских и медицинских целей. Успешное функционирование биобанков напрямую зависит от готовности людей к донорству. В России имеются фрагментарные эмпирические изучения данного феномена. Целью исследования стало изучение установок к донорству в биобанк российского населения, а также оценка социально-психологических факторов готовности к донорству. В двух исследованиях, реализованных по кросс-секционному плану, приняли участие 542 студента и 254 научно-педагогических работника вуза. Студенческая молодежь (74%) и научные работники вуза (52%) демонстрируют позитивные установки в отношении потенциального донорства в биобанк.

Для цитаты:

Антонова Н.А., Ерицян К.Ю., Цветкова Л.А. Мнение и установки университетского сообщества к донорству в биобанк // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 1. С. 169–181. doi: 10.17759/sps.2019100110

* Антонова Наталья Александровна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ имени А.И. Герцена); Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), Санкт-Петербург, Россия, *antonova.natalia11@gmail.com*

** Ерицян Ксения Юрьевна — кандидат психологических наук, научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), Санкт-Петербург, Россия, *ksenia.eritsyan@gmail.com*

*** Цветкова Лариса Александровна — доктор психологических наук, член-корреспондент РАО, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ имени А.И. Герцена), Санкт-Петербург, Россия, *ltsvetkova@herzen.spb.ru*

Регрессионный анализ показал, что значимо реже склонны декларировать готовность к донорству в биобанк научно-педагогические работники вуза и лица, не информированные о биобанке, те, для которых при принятии решения о донорстве важными факторами являются мнение родственников или друзей, наличие оплаты за донорство и тип запрашиваемого биологического материала.

Ключевые слова: *просоциальное поведение, биобанк, донорство, установки, готовность, студенты, научно-педагогические работники, кросс-секционный план.*

Введение

Просоциальное поведение сегодня рассматривают как термин, описывающий широкий спектр действий, целью которых является получение выгод каким либо лицом или группой лиц, а не самим актором. В отличие от понятия альтруистического поведения, просоциальное поведение не отвечает на вопрос о мотивации совершающего действие. Какой бы она ни была, если действие приводит к положительным последствиям для других людей и общества в целом, оно будет расценено как просоциальное [7]. С прагматичной точки зрения именно исход поведения, а не его мотивация может быть для общества более значимым.

Среди многообразия феноменов просоциального поведения, пожалуй, одним из наиболее изученных является донорство крови и ее компонентов. Длительный опыт изучения феномена донорства крови позволил детально изучить социально-психологическую детерминацию данного вида поведения, установки и нормы в отношении него среди разных групп населения [2; 8]. Однако развитие технологического и научного прогресса приводит к существованию новых форм социальных практик, призванных служить на благо науке и обществу в целом. Новый для России феномен — донорство биологического материала в биобанк — интересен с позиции социальных наук,

поскольку не вполне понятен его социальный и психологический контексты. Можно ли рассматривать психологический смысл донорства в биобанк как разновидность донорства в более широком его понимании, ведь его польза для других людей далеко не столь очевидна? Или же тут действуют какие-либо другие механизмы?

Биобанк (биологический банк) — это специализированное хранилище биологических материалов (например, образцов крови, слюны, мочи, ДНК, костного мозга, клеточных культур, органов) и ассоциированной с ними информации (физические, поведенческие, социально-психологические характеристики) для научных и медицинских целей. Биобанки являются важным ресурсом здравоохранения, поскольку актуальны для медико-биологических исследований, решения задач доказательной медицины, разработки новых методов диагностики и лечения и других целей [16; 17]. В эру персонализированной медицины биобанки все чаще рассматривают как ключевую ресурсную базу для биомедицинских исследований и разработки новых лекарств.

История существования биобанков насчитывает примерно 30 лет [3]. В современной России данная отрасль находится на этапе своего становления. О.Н. Резник с соавторами в обзорной статье приводят данные централизо-

ванного информационного ресурса «Global Bank Directory, Tissue Banks, and Biorepositories», согласно которому в мире существует чуть менее 1000 биобанков, большинство из которых расположены в США (513) или Европейских странах (270). На территории РФ сегодня насчитывается лишь 4 действующих биобанка. Тем не менее, в очевидном отставании от мировых лидеров в области биобанкинга (США и стран Европы), по мнению авторов, «... заложено преимущество, позволяющее впоследствии использовать готовые решения без необходимости разрабатывать принципиально новые подходы» [3, с. 127].

Выделяется два основных пересекающихся типа биобанков, ориентированных: а) на популяционные исследования (популяционные биобанки), б) исследование болезней (клинические) [4]. Для первых донорами могут являться все проживающие на территории лица, для вторых — страдающие конкретными заболеваниями или имеющие какие-либо конкретные клинические особенности. Работа биобанков, как популяционных, так и клинических, напрямую связана с готовностью людей жертвовать свои биологические материалы для исследования и хранения. Таким образом, наличие добровольных доноров является краеугольным камнем системы биобанкирования [12]. Фактически в каждой стране, в которой развивалась данная система, были предприняты попытки оценить готовность различных групп населения к данному виду донорства и факторы, его обуславливающие.

Однако до настоящего времени в России имеются фрагментарные научные данные об исследовании донорства в биобанк [1; 9; 18]; отсутствие такой информации, безусловно, может стать фактором

риска для широкого распространения системы биобанкирования в обществе. В нашем фактически единственном на сегодняшний день эмпирическом исследовании на территории России в 2014 г. были изучены установки студенческой молодежи к донорству в биобанк. Результаты исследования продемонстрировали относительно высокий уровень готовности российской молодежи к донорству в биобанк (74%); крайне ограниченное влияние ценностных ориентаций на готовность к донорству; отсутствие влияния социально-демографических переменных на готовность к донорству при наличии ряда гендерных различий относительно важных характеристик биобанка с точки зрения студентов [18].

Эмпирическое исследование

Целью настоящего исследования стало изучение установок и готовности к донорству в биобанк среди российского населения на примере научно-педагогических работников вуза. **Задачами** исследования явились: а) сопоставление данных о готовности студенческой молодежи и научно-педагогических работников университета к донорству в биобанк; б) оценка универсальности выявленных социально-психологических факторов готовности к донорству в биобанк.

Методы.

Сбор данных был проведен в рамках двух исследований.

1. Мониторинговое исследование образа жизни и здоровья студентов Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) в октябре 2014 г. Подробная информация о методических аспектах исследования представлена в

статье Л.А. Цветковой с соавторами [16]. Выборка исследования составила 542 студента: среди опрошенных были 163 (30,1%) юношей и 379 (69,9%) девушек; средний возраст составил $19,5 \pm 2$ года.

2. Исследование научно-педагогических работников СПбГУ, реализованное в сентябре 2016 г. Сбор данных проводился методом интернет опроса. Приглашения к участию в исследовании высылались на корпоративную электронную почту сотрудников СПбГУ. Объем выборки составил 254 человека, из них мужчин — 146 (57,5%). Средний стаж работы сотрудников в университете составил 17 лет ($\sigma=12,9$). Среди опрошенных в должности профессора работали 16,1% респондентов, доцента — 45,7%, старшего преподавателя — 16,5%, ассистента — 9,4%; в должности научных сотрудников — 11%, в других должностях — 1,2%. В исследовании приняли участие 19,3% докторов наук, 63,8% кандидатов наук и 16,9% научно-педагогических работников университета без степени. Подавляющее большинство респондентов (89,4%) имели опыт участия в научно-исследовательских работах по научным грантам/проектам.

В рамках данной статьи были проанализированы сопоставимые индикаторы анкет двух исследований, наиболее соответствующих целям настоящей работы. Это информированность и установки к донорству в биобанк — знакомство с термином, представление о готовности стать донором для биобанка и оценка значимости различных факторов при принятии такого решения. Определение биобанка, используемое в опроснике, звучало следующим образом: «Биобанк — это специализированное хранилище биологических материалов, например образцов крови, слюны, мочи, ДНК, для научных

и медицинских целей». Респондентам было адресовано следующее обращение: «Представьте, что Вам предложили сдать образцы Вашей крови (мочи или слюны и т. д.), которые в дальнейшем будут использоваться для изучения природы различных заболеваний».

Статистическая обработка данных заключалась в расчете процентных распределений значений и мер центральной тенденции. Для сравнения двух выборок мониторинговых исследований использовался тест Колмогорова—Смирнова. Для оценки наличия связи между ключевой переменной, характеризующей готовность к донорству в биобанк, и ее гипотетизируемыми факторами, была использована бинарная логистическая регрессия. Все переменные, показавшие наличие значимой связи с готовностью к донорству в бинарной модели на уровне значимости $<0,1$ были включены в лог-регрессионную модель. Статистический анализ был проведен с использованием SPSS version 16.

Результаты

Информированность о биобанкинге. Научно-педагогические работники статистически значимо лучше по сравнению со студентами осведомлены о биобанкинге: 37% против 21% ($p \leq 0,001$). Информированность научно-педагогических работников оказалась не связана ни с полом, ни с занимаемой должностью, ни с ученой степенью, ни со стажем работы в университете, ни с опытом участия в научно-исследовательской работе и областью знаний.

Представление о готовности к донорству в биобанк. Большинство студентов (73,9%) позитивно отнеслись бы к пред-

ложению передать какие-либо свои биологические образцы в биобанк, в том числе каждый пятый (22,9%) абсолютно уверен в том, что сделал бы это, если бы представилась такая возможность. Абсолютно отвергают для себя возможность донорства 5,4% опрошенных (рис.).

Научно-педагогические работники имеют менее выраженную готовность к донорству в биобанк по сравнению со студентами ($p \leq 0,001$). Согласились бы сдать образцы биоматериала лишь половина научно-педагогических работников (52,4%), однозначно отказались бы от такой возможности 10,6% опрошенных сотрудников вуза.

Анализ структуры факторов готовности к донорству в биобанк выявил незначительные отличия у студентов и научно-педагогических работников вуза. Наиболее важной информацией, необходимой респондентам для принятия решения о донорстве, является информация о

конкретной цели исследования (1,5 баллов – у студентов и 1,6 баллов – у ученых, где 0 баллов – min, 2 балла – max, $p = n/\text{зн.}$) (табл. 1). Следует отметить, что наибольшее значение у научно-педагогических работников имеет фактор важности отсутствия процедурных рисков (1,7). Однако провести сравнение по данному индикатору не представляется возможным, поскольку он не учитывался при опросе студентов. Другими значимыми факторами являются (по степени убывания): методы исследования, возможность передать образцы анонимно, а также тип предполагаемого к забору биологического материала (кровь, слюна и т. д.). Статистических различий в описанных выше факторах между двумя подгруппами обнаружено не было.

Для большинства опрошенных ни наличие оплаты за донорство, ни то, из каких средств финансируется исследование, не являются существенными факто-

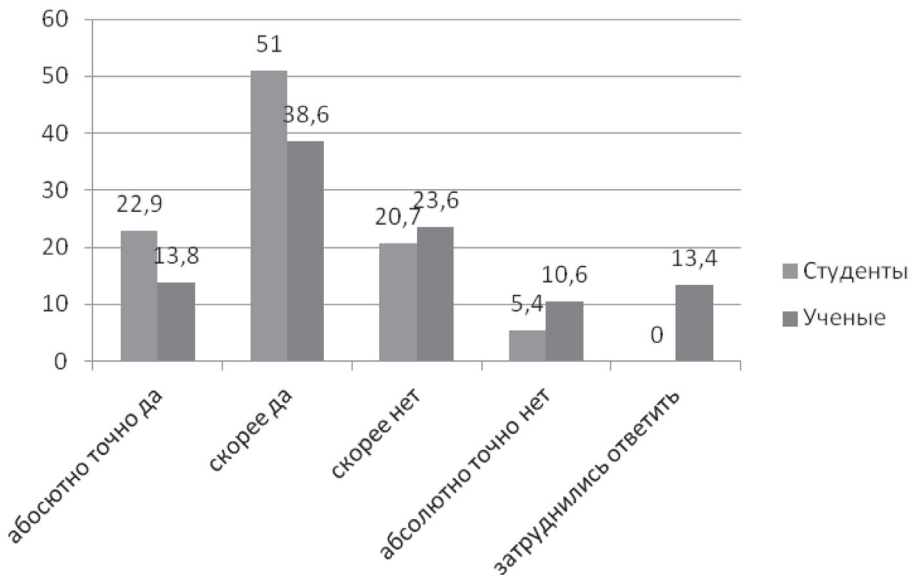

Рис. Представление студентов и ученых вуза о готовности к донорству в биобанк, %

рами. Однако для студентов факт материальной оплаты за донорство является статистически более важным фактором при принятии решения о донорстве в биобанк ($p \leq 0,001$), а источник финансирования исследования – менее важным ($p \leq 0,001$) по сравнению с научно-педагогическими работниками.

Небольшая часть студентов (4,5%) также упомянула иные важные для них факторы при принятии решения о донорстве в биобанк, в основном это безопасность процедуры забора биоматериала и возможность получить обратную связь по результатам обследования.

Барьеры готовности к донорству в биобанк. В настоящем исследовании мы гипотезировали наличие связи между готовностью к донорству в биобанк и социально-демографическими характеристиками, а также информированностью о биобанке и субъективной значимостью информации необходимой для принятия решения о донорстве в биобанк.

Исследование не подтвердило наличие каких-либо социально-демографических характеристик, являющихся предиктивными для готовности к донорству в биобанк (таб. 2). Ни пол, ни возраст, ни область обучения и работы (естественно-научные и социо-гуманитарные факультеты) значимо не связаны с готовностью к донорству. Наиболее предиктивным фактором отказа от донорства является принадлежность к группе научно-преподавательского состава университета ($AOR=4.2$, $p \leq 0,001$) – данный фактор в 3,6 раз увеличивает вероятность ответа «нет/затрудняюсь ответить» на вопрос о готовности передать образцы в биобанк. Предварительная информированность о биобанке также статистически значимо является предиктивным фактором донорства: те, кто до опроса не слышал о существовании биобанков, в 2,5 раза реже выражали готовность к донорству ($AOR=2,5$; $p \leq 0,001$). Кроме того, в многомерной модели значимые связи сохранились лишь с несколькими

Таблица 1

Структура факторов готовности к донорству в биобанк

Типы информации при принятии решения о донорстве в биобанк	Научно-педагогические работники, М (0 – min, 2 – max)	Студенты, М (0 – min, 2 – max)	Kolmogorov–Smirnov Z	Значимость, p=
Процедурные риски	1,7	-	-	-
Конкретная цель исследования	1,5	1,6	1,085	0,190
Методы исследования	1,1	1,2	0,848	0,468
Анонимность сдачи	1,1	1,1	0,854	0,459
Тип биологического материала	1,0	1,0	0,268	1,000
Источник финансирования исследования	0,9	0,6	2,091	0,000
Мнение родственников или друзей	0,5	0,5	0,370	0,999
Оплата за донорство	0,4	0,7	3,978	0,000

типами информации, важной для принятия решения о донорстве. Значимо реже склонны декларировать готовность к донорству в биобанк лица, для которых важно мнение родственников или друзей (AOR=3,4; $p \leq 0,001$), наличие оплаты за донорство (AOR=1,9; $p=0,013$), тип запрашиваемого биологического материала (AOR=1,5; $p=0,03$).

В целом модель обладает невысокой предиктивной способностью, позволяя предсказать 18,5% дисперсии зависимой переменной (Nagelkerke R Square – 0.185).

Обсуждение результатов

Как современная молодежь (студенты), так и научные работники вуза де-

монстрируют позитивные установки в отношении потенциального донорства в биобанк.

В нашем исследовании одним из наиболее существенных барьеров формирования позитивных установок к донации в российский биобанк для обеих подгрупп выступает низкая информированность о биобанке. Для распространения системы биобанкирования в обществе и формирования позитивных установок к донации следует повышать уровень информированности населения о биобанках. В то же время, среди тех, кто впервые услышал о существовании биобанков во время опроса, практически каждый второй (48% по всей выборке, или 58% студентов и 40% ученых) сообщил, что согласился бы стать донором. Таким образом, для определенной части населения отсутствие

Таблица 2
Многомерная модель барьеров готовности к донорству в биобанк

Переменные	Отношение шансов скорректированное (AOR)	95% ДИ		Уровень значимости
		Низкий	Высокий	
Принадлежность к группе: научно-педагогические работники	4,21	2,94	6,02	0,000
Не слышали или не уверены, что слышали когда-либо про биобанк	2,54	1,66	3,87	0,000
Что для Вас было бы важно при принятии решения о донорстве в биобанк? – Тип биологического материала (очень важно)	1,52	1,04	2,22	0,030
Что для Вас было бы важно при принятии решения о донорстве в биобанк? – Наличие оплаты за донорство (очень важно)	1,94	1,15	3,28	0,013
Что для Вас было бы важно при принятии решения о донорстве в биобанк? – Мнение родственников или друзей (очень важно)	3,36	1,91	5,89	0,000

предварительной информации о какой-либо социальной практике, ее распространенности и других характеристиках не препятствует формированию позитивной установки к ней. Обусловлено ли это общей установкой на просоциальность, доверием к науке и медицине или иными причинами, еще предстоит выяснить.

Другим значимым фактором, позитивно связанным с готовностью к донорству, является принадлежность к студенчеству. Несмотря на то, что студенты были менее осведомлены о существовании биобанков, они выражали значимо большую готовность стать донорами. Можно предположить, что студенчество как период жизни может характеризоваться в целом большей готовностью и/или стремлением к освоению нового опыта, вне зависимости от его социальной значимости. Так, в систематическом обзоре факторов донорства крови любопытство было позитивно связано с опытом донорства [6].

Наиболее важным фактором принятия решения о потенциальном донорстве для обеих подгрупп выступает цель исследования, для которого биобанк собирает данные. Дальнейшее развитие данного направления исследований обусловлено необходимостью изучения того, какие именно научные задачи и почему могут быть связаны с большей или меньшей готовностью населения передавать свои образцы для исследования. В то же время, согласно обзорным данным D. Budimir с коллегами [10], многие потенциальные доноры, зачастую не понимая цели работы биобанка и исследования, тем не менее с энтузиазмом готовы становиться донорами. Интересным также представляется результат о важности для научно-педагогических работников информации о том, кто финансирует исследование.

Представляется, что данная информация может выступать для потенциальных участников как дополнительный показатель ценности научного результата (качества научного исследования) или давать знание о том, как полученный результат будет использован в дальнейшем и кто будет его благополучателем.

Другими значимыми факторами готовности донорства в биобанк в нашем исследовании стали одобрение представителей ближайшего социального окружения, наличие материальной оплаты за донорство, а также тип запрашиваемого биологического материала. Таким образом, решение о донорстве, вероятно, респонденты не планируют принимать самостоятельно, а мнение «значимых других» является стимулирующим при принятии решения о донорстве в биобанк. Учитывая необходимость одобрения при принятии решения о донорстве со стороны ближайшего социального окружения для части потенциальных доноров, можно предложить в качестве эффективной стратегии рекрутирования потенциальных доноров предоставление им возможности предварительного знакомства с формой информированного согласия. Полученные в исследовании данные также согласуются с данными зарубежных исследований, выполненных W. Lipworth с коллегами [15], где одним из ведущих факторов позитивных установок к донорству в биобанк выступает материальная компенсация. Тем не менее, так называемый вопрос benefit sharing (совместного использования выгод) на сегодняшний день является дискутируемым вопросом в биобанкировании. С высокой долей согласованности многие авторы полагают, что донорство в биобанк не следует оплачивать, а все негативные реакции необходимо нивели-

ровать путем информирования доноров об исследовательском процессе и значимости получения новых знаний для общества в целом, стимулируя тем самым желание внести свой вклад в науку [11]. По результатам зарубежных исследований [14], физический дискомфорт от укола иглой препятствует формированию позитивных установок по отношению к донорству. В нашем случае можно предположить, что зависимость решения от того, какой тип материала предполагается к забору, также может быть связана с ожиданием физического дискомфорта от процедуры забора биоматериала.

Ограничения

Настоящее исследование имеет следующие ограничения. Оно проводилось на материале специфической субпопуляции общего населения — представителей университетского сообщества, имеющих высокий уровень образования с академической направленностью. Как показывают результаты западных исследований, высокий образовательный уровень однозначно повышает уровень готовности к донорству в биобанк [13].

Кроме того, как и в большинстве исследований данной тематики, существенным ограничением является используемая целевая переменная — установка, или отношение к донорству. Известно, что установки к поведению являются важным фактором намерения совершить действие, которое, в свою очередь, не является идеальным предиктором реального поведения [5]. Поэтому мы должны понимать, что в реальности доля лиц, согласившихся и фактически передавших биоматериалы в биобанк, может быть значительно ниже. Так, например,

в эмпирическом исследовании С.И. Lee с соавторами 66% женщин выразили готовность стать донорами биобанка рака груди, но лишь 54,6% ими стали [14].

Заключение

Настоящее исследование показало, что на сегодняшний день социально-психологические установки общего населения (по крайней мере, его изученной подгруппы — представителей университетского сообщества) не препятствуют развитию биобанкинга в России. Данное исследование является одной из первых в России попыток эмпирической оценки установок к донорству в биобанк среди российского населения, включая молодежь. Важность продолжения изучения факторов готовности к донорству, на наш взгляд, не теряет своей актуальности, поскольку их знание обеспечивает жизнеспособность биобанков в долгосрочной перспективе, не позволяя снижать уровень готовности к донорству в результате, например, негативного влияния СМИ (формирование мифов и пр.). Необходимы дальнейшие качественные исследования для прояснения общепсихологического и социального контекстов донорства в биобанк, призванные помочь ответить на вопрос: чем опосредовано потенциальное и реальное донорство в биобанк — позитивными установками к науке в целом, к медицинской науке, в частности, непосредственно к донорству как форме просоциального поведения или чем-то другим? Результаты данного исследования могут быть учтены при разработке плана и технологии набора потенциальных доноров в биобанк, при процедуре подготовки информированного согласия для доноров.

Финансирование

Сбор данных выполнен при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №14-50-00069, «Трансляционная биомедицина в СПбГУ», направление «Создание и использование биобанка для комплексного биомедицинского исследования основ здоровья и долголетия человека», Санкт-Петербургский государственный университет). Анализ данных и подготовка публикации выполнены при финансовой поддержке НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зинченко Ю.П., Рыжов А.Л., Тхостов А.Ш., Брызгалина Е.В.* Проблемы оценивания психологических характеристик доноров биобанка: научные и практические аспекты // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. №. 3. С. 140–151.
2. *Крушельницкая О.Б., Маринова Т.Ю., Милёхин А.В.* Отношение молодежи к своему здоровью и к донорству крови // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 1. С. 126–143. doi:10.17759/sps.2017080108
3. *Резник О.Н., Кузьмин Д.О., Скворцов А.Е., Резник А.О.* Биобанки — неопенимый ресурс трансплантации. История, современное состояние, перспективы // Вестник трансплантологии и искусственных органов. 2016. Т. 18. №. 4. С. 123–132. doi:10.15825/1995-1191-2016-4-123-132
4. *Трофимов Н.А.* Отрасль биобанков в ближайшем будущем // Наука за рубежом. 2012. Т. 13. С. 1–13.
5. *Armitage C.J., Conner M.* Efficacy of the theory of planned behaviour: A meta-analytic review // British Journal of Social Psychology. 2001. Vol. 40. №. 4. P. 471–499.
6. *Bagot K.L., Murray A.L., Masser B.M.* How can we improve retention of the first-time donor? A systematic review of the current evidence // Transfusion Medicine Reviews. 2016. Vol. 30. № 2. P. 81–91.
7. *Batson C.D.* A history of prosocial behavior research // Handbook of the history of social psychology / A. W. Kruglanski, W. Stroebe (Eds.). New York, NY, US: Psychology Press. 2012. P. 243–264.
8. *Bednall T.C., Bove L.L., Cheatham A., Murray A.L.* A systematic review and meta-analysis of antecedents of blood donation behavior and intentions // Social Science and Medicine. 2013. Vol. 96. P. 86–94. doi:10.1016/j.socscimed.2013.07.022
9. *Bryzgalina E.V., Ryzhov A.L., Tikhomandritskaya O.A., Tkhostov A.S., Zinchenko Y.P.* Biobanking — a new environment for psychological research and applications // Psychology in Russia: State of the Art. 2017. № 10. P. 163–177.
10. *Budimir D., Polašek O., Marušić A., Kolčić I., Zemunik T., Boraska V., ... Rudan I.* Ethical aspects of human biobanks: a systematic review // Croatian Medical Journal. 2011. Vol. 52. № 3. P. 262–279.
11. *Engels E.M.* Biobanks as basis for personalised nutrition? Mapping the ethical issues // Genes Nutrition. 2007. Vol. 2. P. 59–62. doi:10.1007/s12263-007-0006-9
12. *Hansson M.G.* Ethics and biobanks // British Journal of Cancer. 2009. Vol. 100. P. 8–12. doi:10.1038/sj.bjc.6604795
13. *Hoeyer K.* The ethics of research biobanking: a critical review of the literature // Biotechnology and Genetic Engineering Reviews. 2008. Vol. 25. № 1. P. 429–452.

14. Lee C. I., Bassett L.W., Leng M., Maliski S.L., Pezeshki B.B., Wells C.J., ... Naeim A. Patients' willingness to participate in a breast cancer biobank at screening mammogram // Breast Cancer Research and Treatment. 2012. Vol. 136. № 3. P. 899–906.
15. Lipworth W., Forsyth R., Kerridge I. Tissue donation to biobanks: a review of sociological studies // Sociology of Health and Illness. 2011. Vol. 33. № 5. P. 792–811.
16. Riegman P.H., Morente M.M., Betsou F., de Blasio P., Geary P. Marble Biobanking for better healthcare // Molecular Oncology. 2008. Vol. 2. № 3. P. 213–222.
17. Thompson S.G., Willeit P. UK Biobank comes of age // The Lancet. 2015. Vol. 386 (9993). P. 509–510.
18. Tsvetkova L.A., Eritsyayn K.Y., Antonova N.A. Russian students' awareness of and attitudes toward donating to biobanks // Psychology in Russia: State of the Art. 2016. № 9 (2). P. 30–38. doi:10.11621/pir.2016.0203

Attitudes towards Biobank Donation Among University Community

N.A. ANTONOVA*,
Herzen University; NRU HSE, St. Petersburg, Russia,
antonova.natalia11@gmail.com

K.Y. ERITSYAN**,
NRU HSE, St. Petersburg, Russia,
ksenia.eritsyan@gmail.com

L.A. TSVETKOVA***,
Herzen University, St. Petersburg, Russia,
ltsvetkova@herzen.spb.ru

Worldwide significant efforts are invested in building biobanks—specialized facilities for storing biological materials for research and medical purposes. The successful functioning of biobanks depends directly on people's willingness to donate their biological materials. Fragmentary empirical studies of people's attitudes toward donations to biobanks have been undertaken in Russia. The goal of this study was to measure at-

For citation:

Antonova N.A., Eritsyayn K.Y., Tsvetkova L.A. Attitudes towards Biobank Donation Among University Community. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 1, pp. 169–181. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100110

* *Antonova Natalia A.* — Ph.D. in Psychology, Senior Researcher, Herzen State Pedagogical University of Russia; National Research University "Higher School of Economics", St. Petersburg, Russia, antonova.natalia11@gmail.com

** *Eritsyayn Ksenia Y.* — Ph.D. in Psychology, Researcher, National Research University "Higher School of Economics", St. Petersburg, Russia, ksenia.eritsyan@gmail.com

*** *Tsvetkova Larisa A.* — Ph.D. in Psychology, Corresponding Member of RAE, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, ltsvetkova@herzen.spb.ru

titudes toward biobank donation among Russians population and to evaluate potential sociopsychological factors that play a role in a person's readiness to become a donor. Data from 542 students and 254 scientific staff at St. Petersburg State University were collected from group-administered paper-and-pencil and online surveys respectively. Both students (74%) and scientific staff (52%) indicated a relatively high level of readiness to become biobank donors. Regression analysis showed that refusal to be a biobank donor was correlated significantly with being university scientific staff vs. students, no previous awareness about biobank, need for relative's or friend's opinion before decision making, presence of payment for donation and type of requested biological material

Keywords: *prosocial behavior, biobank, public attitude, willingness to donate, students, university staff, cross-sectional study.*

Funding

Data collection was supported by grant Russian Science Foundation (project No14-50-00069), St. Petersburg State University. Data analysis and publication was also supported by National Research University Higher School of Economics.

REFERENCES

1. Zinchenko Yu.P., Ryzhov A.L., Tkhostov A.Sh., Bryzgalina E.V. Problemy otsenivaniya psikhologicheskikh kharakteristik donorov biobanka: nauchnye i prakticheskie aspekty [Problems of evaluating the psychological characteristics of biobank donors: scientific and practical aspects]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal [Russian Psychological Journal]*, 2016. Vol. 13, no. 3, pp. 140–151.
2. Krushelnitskaya O.B., Marinova T.Y., Milekhin A.V. Young people's attitudes towards their health and blood donation. *Sotsial'naiia psikhologiia i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2017. Vol. 8, no. 1, pp. 126–143. doi:10.17759/sps.2017080108 (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Reznik O.N., Kuz'min D.O., Skvortsov A.E., Reznik A.O. Biobanki – neotsenimyi resurs transplantatsii. Istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy [Biobanks are an invaluable transplantation resource. History, current state, prospects]. *Vestnik transplantologii i iskusstvennykh organov [Russian Journal of Transplantology and Artificial Organs]*, 2016. Vol. 18, no. 4, pp. 123–132. doi:10.15825/1995-1191-2016-4-123-132
4. Trofimov N.A. Otrasl' biobankov v blizhaishem budushchem [Biobanks industry in the near future]. *Nauka za rubezom [Global Science Review]*. 2012. Vol. 13, pp. 1–13.
5. Armitage C.J., Conner M. Efficacy of the theory of planned behaviour: A meta-analytic review. *British journal of social psychology*, 2001. Vol. 40, no. 4, pp. 471–499.
6. Bagot K.L., Murray A.L., Masser B.M. How can we improve retention of the first-time donor? A systematic review of the current evidence. *Transfusion medicine reviews*, 2016. Vol. 30, no. 2, pp. 81–91.
7. Batson C.D. A history of prosocial behavior research. In A.W. Kruglanski & W. Stroebe (Eds.). *Handbook of the history of social psychology*. New York, NY, US: Psychology Press, 2012, pp. 243–264.

8. Bednall T.C., Bove L.L., Cheetham A., Murray A.L. A systematic review and meta-analysis of antecedents of blood donation behavior and intentions. *Social science and medicine*, 2013. Vol. 96, pp. 86–94.
9. Bryzgalina E.V., Ryzhov A.L., Tikhomandritskaya O.A., Tkhostov A.S., Zinchenko Y.P. Biobanking – a new environment for psychological research and applications. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2017, no. 10, pp. 163–177.
10. Budimir D., Polašek O., Marušić A., Kolčić I., Zemunik T., Boraska V., ... Rudan I. Ethical aspects of human biobanks: a systematic review. *Croatian medical journal*, 2011. Vol. 52, no. 3, pp. 262–279.
11. Engels E.M. Biobanks as basis for personalised nutrition? Mapping the ethical issues. *Genes Nutrition*, 2007. Vol. 2, pp. 59–62. doi:10.1007/s12263-007-0006-9
12. Hansson M.G. Ethics and biobanks. *British Journal of Cancer*, 2009. Vol. 100, pp. 8–12. doi: 10.1038/sj.bjc.6604795
13. Hoeyer K. The ethics of research biobanking: a critical review of the literature. *Biotechnology and Genetic Engineering Reviews*, 2008. Vol. 25, no. 1, pp. 429–452.
14. Lee C.I. et al. Patients' willingness to participate in a breast cancer biobank at screening mammogram. *Breast cancer research and treatment*, 2012. Vol. 136, no. 3, pp. 899–906.
15. Lipworth W., Forsyth R., Kerridge I. Tissue donation to biobanks: a review of sociological studies. *Sociology of health & illness*. 2011. Vol. 33, no. 5, pp. 792–811.
16. Riegman P.H., Morente M.M., Betsou F., de Blasio P., Geary P., Marble Biobanking for better healthcare. *Molecular Oncology*, 2008. Vol. 2, no. 3, pp. 213–222.
17. Thompson S.G., Willeit P. UK Biobank comes of age. *The Lancet*, 2015. Vol. 386 (9993), pp. 509–510.
18. Tsvetkova L.A., Eritsyanyan K.Y., Antonova N.A. Russian students' awareness of and attitudes toward donating to biobanks. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2016, no. 9 (2), pp. 30–38. doi:10.11621/pir.2016.0203

Спрос на тренинговые услуги по командообразованию в современных российских организациях

Д.А. ЗВЕРЕВ*,
ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
dzverev@hse.ru

В.А. ШТРОО**,
ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
vstroh@hse.ru

В статье описываются результаты прикладного эмпирического исследования, направленного на изучение представлений о содержании услуги по командообразованию и особенностей спроса на эту услугу со стороны современных российских организаций. Исследование было проведено в рамках общего исследовательского проекта по разработке модели оценки эффективности социально-психологического тренинга формирования рабочих групп (команд). По итогам проведенного опроса экспертов — директоров по управлению персоналом и руководителей отделов обучения и развития персонала двухсот российских организаций — были выделены и охарактеризованы четыре основных запрашиваемых вида тренинга командообразования. Как показал последующий более глубокий анализ, каждый из выделенных видов социально-психологического тренинга может быть охарактеризован с точки зрения актуализации определенных процессов групповой динамики. Исследование позволило сформулировать предположения о взаимосвязях процессов групповой динамики и социально-психологической эффективности рабочих групп различного типа, которые стали гипотезами основного этапа исследовательского проекта. Полученные в нашем прикладном исследовании результаты могут быть расценены как уникальные и пригодны для использования в практических целях эффективного формирования рабочих групп (команд) в организациях. Кроме того, результаты имеют методическую ценность для подготовки специалистов в области управления персоналом и организационной психологии.

Для цитаты:

Зверев Д.А., Штроо В.А. Спрос на тренинговые услуги по командообразованию в современных российских организациях // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 1. С. 182–198. doi: 10.17759/sps.2019100111

* Зверев Дмитрий Антонович — преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), Москва, Россия, dzverev@hse.ru

** Штроо Владимир Артурович — кандидат психологических наук, профессор, заведующий кафедрой организационной психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), Москва, Россия, vstroh@hse.ru

Ключевые слова: рабочая группа, команда, групповая динамика, социально-психологический тренинг, формирование рабочих групп, командообразование.

Введение

Формирование рабочих групп (команд) является одним из наиболее востребованных на текущий момент направлений консалтинговых услуг [9], однако сегодня этот рынок характеризуется высокой степенью неоднородности как привлекаемых теоретических моделей, так и используемых методов. Напомним, что в советской социальной психологии субъектами эффективного решения задач организаций традиционно считались трудовые коллективы. Коллектив рассматривался как высшая стадия развития малой социальной группы. Был накоплен значительный материал для анализа его социально-психологических особенностей и эффективности. Соответственно формировались и практические запросы.

После распада СССР число исследований коллектива значительно снизилось, на их место пришло изучение рабочей группы как таковой. Так, многие исследователи отмечают, что понятие «команда» является собирательным для всех нацеленных на выполнение задания *рабочих групп*, участники которых должны скооперироваться, чтобы достичь общей цели [8]. Поэтому в этой статье для всех производственных коллективов и управленческих команд в организациях мы используем собирательный термин «рабочая группа».

Основным социально-психологическим методом повышения эффективности вновь создаваемых или уже существующих рабочих групп является «социально-психологический тренинг формирования рабочих групп» (СПТ-ФРГ). Мы намеренно избегаем использования широко распространенного в России термина «командообразование» (производного от английского термина *teambuilding*) в формулировке тематического содержания тренинга. Во-первых, потому что речь идет о целенаправленном, т. е. искусственном, формировании особого рода связей и отношений между членами команды, в отличие от естественного процесса «образовывания»¹. Во-вторых, более точный перевод слова *building* звучит как «строительство», «сооружение», т. е. все-таки означает внешнее (искусственное) воздействие.

В связи с изменением общего подхода к изучению феномена рабочей группы возникает необходимость в изучении спроса современных организаций на внешние услуги по формированию у себя рабочих групп (команд) разного рода и масштаба. Возникает потребность углубленного анализа практической востребованности и методического обеспечения услуг по формированию рабочих групп в современных российских организациях.

¹ При этом необходимо отдать должное более ранним концептуальным построениям, в которых граница искусственного и естественного в работе с малой группой проводилась между образованием и развитием: «Командообразование и развитие команды представляются как параллельные процессы, где один из них («командообразование») соподчиняется другому («развитие команды»). Здесь «развитие команды» определяется как естественный процесс, обычно происходящий без присутствия консультанта или тренера и длящийся годами..., а «командообразование» — как активный процесс, позволяющий влиять на процесс развития команды и выступающий в качестве его технологического инструмента» [3, с. 8–9].

Исследовательский подход

Мы исходим из того, что социально-психологический тренинг формирования рабочих групп прежде всего направлен на конструктивное и активное раскрытие потенциала процессов групповой динамики. Именно *актуализация этих процессов и их разворачивание, а также особенности каждого из них оказывают наиболее существенное влияние на эффективность тренинга формирования рабочих групп*, т. е. на то, какие именно эффекты проявятся (будут достигнуты) в группе в конечном итоге. В дальнейшем это должно привести к повышению организационной эффективности группы и организации в целом.

В данной работе под групповой динамикой мы понимаем процессы, происходящие в малой группе по мере ее развития и изменения, а также причинно-следственные связи, объясняющие эти явления. Следовательно, в программу тренинга формирования рабочих групп необходимо включать техники и приемы, направленные на актуализацию и оптимизацию процессов групповой динамики, совмещая их с его основным содержанием. Перечень таких процессов мы обосновали в предыдущей работе [4].

Опишем особенности **процессов групповой динамики**, необходимых для эффективного формирования рабочих групп, и укажем на некоторые инструменты, которые могут помочь тренеру (консультанту) управлять процессами в рамках тренинга формирования рабочих групп. При этом нельзя забывать о том, что в случае, если ведущий группы не работает целенаправленно с процессами групповой динамики, могут возникать *групповые защитные механизмы*, которые с высокой долей вероятности нега-

тивно скажутся на групповых результатах [12; 13].

Групповая идентификация. С нашей точки зрения, идентификация с рабочей группой является основой, без которой невозможно развитие других позитивных групповых феноменов в организации. Групповой идентичности мы вслед за коллегами отводим одно из ведущих значений [7]. Существуют исследования, которые указывают на то, что для возникновения этого феномена достаточно собрать людей в одном месте и в одно время [11]. Однако в естественных группах степень единства крайне редко бывает ярко выраженной. Исключения возможны лишь при удачном стечении обстоятельств.

Групповое сплочение. Групповая сплоченность (от англ. *group cohesion*) — тенденция группы осознавать себя единым целым на основании общих целей [15, с. 1370]. Уровень сплоченности группы тесно связан с особенностями неформальной структуры группы, с доверием к партнерам и воспринимаемой ими возможностью реализации своих способностей и личностных свойств. Сплоченные группы воспринимаются сторонними наблюдателями как группы, имеющие некий общий дух, проявляющийся в явной общности членов группы, их дружеской расположенности друг к другу. Сплоченность, характеризующаяся прочностью и устойчивостью межличностных взаимоотношений, может оказывать заметное влияние на основные характеристики функционирования группы: производительность труда, продуктивность, организационную лояльность и вовлеченность, состояние трудовой дисциплины, текучесть кадров.

Выработка групповых норм. В исследованиях механизмов образования,

функций и особенностей проявления групповых норм указывается на их слабую осознанность членами рабочих групп. Выделяются отдельные категории групповых норм: нормы общения, нормы открытости, нормы деятельности и др. [10]. Каждый член группы осознанно или неосознанно чувствует некоторое влияние группы, ощущает меру собственной ценности для группы, которую стремится удержать [4]. Поэтому в числе приемов, направленных на работу с процессом группового давления, необходимо использовать вынесение самых распространенных, но не заданных вслух вопросов на общую дискуссию, включение в обсуждение при голосовании мнения меньшинства, общую рефлексию групповой деятельности [6].

Дифференциация групповых ролей.

Групповые роли – особенности поведения людей в группе, обусловленные в большей степени их личностными качествами и ситуацией, нежели формальным статусом и профессиональной принадлежностью [1]. Под статусом человека в группе понимается его общественный вес, популярность, степень влияния, власти. Формальный статус члена группы определяется в официальных документах (правилах, уставах, регламентах), носит функциональный, инструментальный характер и подразумевает комплекс обязанностей и прав для каждой статусной позиции.

Групповое лидерство. Очень часто эффективность деятельности рабочей группы связывают с эффективностью деятельности ее лидеров. В частности, Т.Ю. Базаров выделяет лидерство как один из важнейших процессов в групповой деятельности [2]. В ходе работы тренинговой группы, когда ситуация обучения требует проявления инициативы от

одного или нескольких участников, являются лидеры – один или несколько, проявившие себя в полной или недостаточной мере. Это явление обусловлено тем, что деятельность группы должна быть единой направленной, в противном случае двигаться к поставленным целям становится сложно.

Групповое принятие решений. Неэффективное групповое принятие решения может затруднять деятельность группы или приводить к внутренним конфликтам. Согласно мнению М. Аншел, эффективная рабочая группа постоянно и осознанно добивается поставленных целей, поддерживая высокий уровень удовлетворенности и лояльности игроков команды, которого не добиться без эффективного решения конфликтов [14]. Задача тренера в таком случае – предотвратить возникновение деструктивных конфликтов и создать максимально эффективный контекст группового решения с точки зрения учета интересов всех членов рабочей группы.

Помимо процессов групповой динамики в формировании рабочих групп необходимо учитывать обусловленные особенностями совместной деятельности тип рабочей группы. По этой причине мы опираемся на типологию рабочих групп, в основе которой лежат дихотомические шкалы, характеризующие деятельность участников рабочих групп (табл. 1).

Так, Ю.М. Жуков, А.В. Журавлев, Е.Н. Павлова предлагают различать рабочие группы в организациях по двум критериям: диапазон деятельности членов и взаимозаменяемость членов [5]. *Диапазон деятельности* понимается авторами как объем познаний, возможностей, определяющий пределы функциональных обязанностей членов группы. Другими словами, чем шире диапазон деятельности,

тем с большим спектром задач различной вариативности может справляться рабочая группа. *Взаимозаменяемость членов* понимается как возможность одних членов группы выполнять групповые задачи других и наоборот. В рабочей группе с высокой взаимозаменяемостью каждый выполняет, по сути, одну и ту же работу и может быть легко заменен другим членом, в то время как в рабочей группе с низкой взаимозаменяемостью каждый участник является исполнителем специфичного процесса деятельности, что затрудняет воспроизведение этой деятельности другим членом.

Дизайн исследования

Целью нашего прикладного социально-психологического исследования является анализ рынка услуг по формированию рабочих групп (командообразованию) с точки зрения возможности систематизации существующих реальных запросов на эти услуги в соотношении с процессами групповой динамики. В первую очередь мы обратились к анализу

сервисных предложений в сети Интернет. На примере некоторых предложений вполне возможно составить общее представление о текущем состоянии этой области тренинговых услуг. Мы проанализировали сорок открытых источников на специализированных сайтах и сгруппировали обнаруженные коммерческие предложения в четыре категории.

Так, в Сети представлены бизнес-предложения тренинга формирования рабочих групп в категории «*совместный досуг*» (11 источников). В таких рекламных объявлениях потенциальным заказчикам предлагают провести для своих организаций необычные формы совместного корпоративного праздника. Пример такого предложения представлен на рис. 1.

Однако в значительно большей мере в Сети представлены бизнес-предложения тренинга формирования рабочих групп категории «*корпоративное соревнование*» (16 источников). В рамках подобных предложений проводится множество форм групповых поединков, гонок и прочего. Пример такого предложения представлен на рис. 2.

Таблица 1

Типы рабочих групп по критериям диапазона деятельности и взаимозаменяемости членов

Тип рабочей группы	Диапазон деятельности	Взаимозаменяемость членов
«Команда выполнения задач ² »	Узкий	Низкая
«Команда специалистов»	Узкий	Высокая
«Команда перемен»	Широкий	Низкая
«Управленческая команда»	Широкий	Высокая

² Исходное название — «команда для решения задач», однако мы склоняемся к названию «команда выполнения задач», так как в переводе с английского языка «решение задач» (англ. *task performance или solving problems*) может толковаться как рассмотрение сложных организационных вопросов, в то время как группа данного типа выполняет типовые каждодневные задачи организации.

Реже, по частоте встречаемости (5 источников), в Сети представлены предло-

жения тренинга формирования рабочих групп категории «психологический тре-

КОРПОРАТИВНЫЙ БОДИБИЛДИНГ

1 100 ... 2000 ⌚ 30 минут - 1 час
 📄 Взаимодействие

Тимбилдинг – флешмоб. Участники тимбилдинга воспроизведут гигантский логотип компании, а квадрокоптер запишет головокружительное видео. Такой вирусный контент подойдет для праздников и рекламы вашей компании!

КОСМИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ

1 30 ... 200 ⌚ 2-3 часа 📄 Соревнование

Постройте ракету своими руками и посмотрите в иллюминатор настоящего космического корабля!

[УЗНАТЬ БОЛЬШЕ](#)

Рис. 1. Пример предложения тренинга формирования рабочих групп категории «совместный досуг» в сети интернет

Организация тимбилдинга на природе и в помещении

Что такое **Вызов Принят**:

- Готовый тимбилдинг под ключ
- Мобильно: мы там, где вам удобно
- **Стоимость: от 190 000 руб.**

Организация тимбилди...

ВИДЕО-ПРЕЗЕНТАЦИЯ

- Уникальные сценарии **тимбилдинга**
- Эксклюзивная корпоративная **спартакиада**
- Самый необычный **Family Day**
- Лучшая тактика **продвижения бренда**
- Инструмент **патриотического воспитания**

Имя Телефон [ЗАКАЗАТЬ ЗВОНОК](#)

Рис. 2. Пример предложения тренинга формирования рабочих групп категории «корпоративное соревнование» в сети интернет

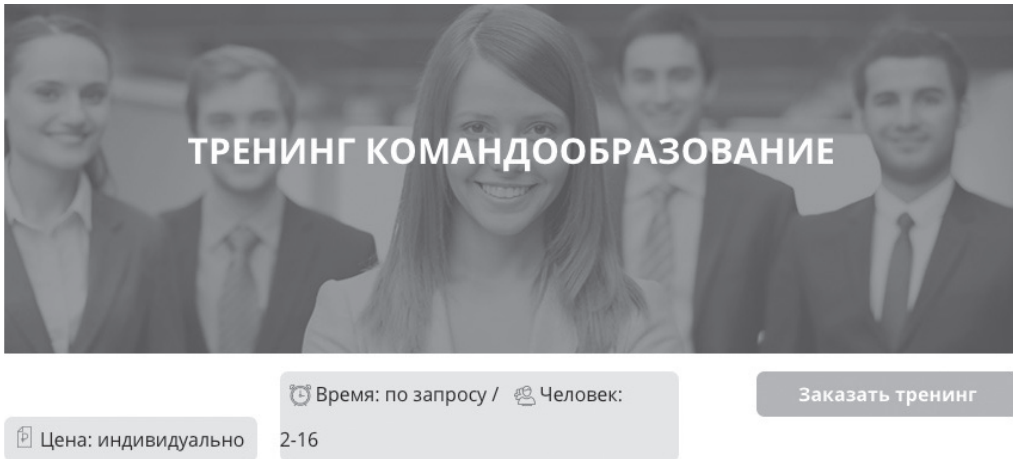
нинг». Подобные тренинги направлены на улучшение психологического климата, решение групповых конфликтов, помощь в реализации потенциала членов групп в организациях. Пример такого предложения представлен на рис. 3.

В Сети можно найти также предложения тренинга формирования рабочих групп, предназначенного для наиболее ценных сотрудников организаций, как правило, высокого управленческого уровня. Эту категорию предложений мы назвали «совместное решение бизнес-задач» (8 источников). Такой тренинг направлен на совершенствование коммуникационных навыков, лидерства в организации, развитие ее стратегии и сплочение вокруг ее амбициозных пла-

нов. Пример такого предложения представлен на рис. 4.

Проведенный нами экспресс-анализ предложений в Сети подтвердил необходимость проведения прикладного эмпирического исследования потребностей организаций в тренинговых услугах по формированию рабочих групп и их систематизации.

Таким образом, в течение 2013–2014 гг. в формате полуструктурированного интервью нами был организован и проведен опрос директоров по управлению персоналом и руководителей отделов обучения и развития персонала различных российских организаций. Выборку исследования составили представители 200 организаций: 132 руково-

ТРЕНИНГ КОМАНДООБРАЗОВАНИЕ

Цена: индивидуально

Время: по запросу / Человек: 2-16

Заказать тренинг

Тренинг командообразование – это целенаправленное формирование эффективного взаимодействия людей в команде, через улучшение социального окружения, позволяющего членам команды реализовать их потенциал согласно существующим стратегическим целям.

Основные задачи и цель тренинга командообразования

Улучшить психологический климат в коллективе, научить сотрудников эффективному общению, т.е. более эффективно решать коллективные задачи. А также:

Рис. 3. Пример предложения тренинга формирования рабочих групп категории «психологический тренинг» в сети интернет

дителя отделов обучения и развития персонала и 68 директоров по управлению персоналом. Из них 73% женщин и 27% мужчин, возраст — от 25 до 56 лет, стаж работы в организации на позиции руководителя отдела обучения и развития персонала или директора по персоналу — более полугода.

Опрос происходил по телефону в соответствии со структурой, приведенной в табл. 2. Респонденты отвечали на вопросы о потребностях их организаций в услугах по формированию рабочих групп,

известных им методах, призванных обеспечить этот результат, а также об их последствиях для организации. Вопросы для исследования отбирались на основании того, насколько полученные на них ответы могут помочь осуществить систематизацию услуг по формированию рабочих групп на отечественном рынке тренинговых услуг.

Ответы респондентов на вопросы «Какие меры по формированию рабочих групп предпринимаются внутри организации?» и «Какие меры по формирова-

ЛИДЕРСТВО В УПРАВЛЕНЧЕСКОМ КОМАНДЕ

ФОРМИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОМАНДЫ

ЭФФЕКТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В КОМАНДЕ

Тренинги командообразования

Одной из важнейших задач современного менеджмента, обеспечивающей значительное повышение эффективности работы, выступает улучшение продуктивного взаимодействия между сотрудниками. При этом для развития бизнеса важно, чтобы сплочение сотрудников компании, работающих на общий результат, и повышение результативности командной деятельности произошли в кратчайшие сроки. Для реализации этих целей проводятся специальные командообразующие тренинги, способные при минимальных затратах компании обеспечить превосходный результат и наладить эффективное командное взаимодействие в любом коллективе.

Рис. 4. Пример предложения тренинга формирования рабочих групп категории «совместное решение бизнес-задач» в сети интернет

Таблица 2

Структура телефонного опроса директоров по управлению персоналом и руководителей отделов обучения и развития персонала

№	Блок (раздел) интервью
1	Представление
2	Знакомство с респондентом
3	Ознакомление респондента с целью и особенностями опроса
4	Вопрос 1: Какие меры по формированию рабочих групп предпринимаются внутри организации?
5	Вопрос 2: Какие меры по формированию рабочих групп организации вы реализовывали с помощью подрядчиков?
6	Вопрос 3: Каковы положительные результаты мер по формированию рабочих групп в вашей организации?
7	Вопрос 4: Существуют ли негативные последствия мер по формированию рабочих групп в вашей организации? Какие?

нию рабочих групп организации вы реализовывали с помощью подрядчиков?» проливают свет на основные потребности организаций в методах формирования рабочих групп.

Основные результаты опроса

Первым шагом по итогам анализа содержания ответов респондентов нами была составлена итоговая матрица наиболее часто употребляемых ответов респондентов, она приведена в табл. 3.

На втором шаге представления российских специалистов по управлению персоналом о мерах по формированию рабочих групп в организации были сгруппированы в четыре основных типа запроса на проведение тренинга формирования рабочих групп. Названия этих типов были сформулированы нами, исходя из содержательного анализа и обобщения ответов респондентов. Они являются конечным продуктом осмысления сужде-

ний респондентов по каждой категории. Таким образом, на основании содержательного анализа ответов респондентов нами было выделено четыре «популярных» (т. е. наиболее часто запрашиваемых) вида тренинга формирования рабочих групп (командообразования):

1. *«Воодушевление»*. Тренинг, в ходе которого участников мероприятия развлекают профессиональные аниматоры, призывая к групповым, т. е. просто совместным (или реализуемым одновременно всеми) действиям.

2. *«Испытание»*. Тренинг, в ходе которого группа должна преодолеть различные препятствия (сюда относятся, например, и так называемые «веревочные курсы»).

3. *«Притирка»*. Тренинг, в ходе которого осуществляется совместный анализ и оптимизация взаимоотношений в рабочей группе.

4. *«Совместное решение»*. Группа нацеливается на достижение общего бизнес-результата (стратегическая сессия,

Таблица 3

Результаты анализа ответов респондентов по итогам исследования спроса на тренинговые услуги для формирования рабочих групп в российских организациях

Категории запросов	Наиболее частые ответы респондентов	Доля ответов респондентов
«Совместный досуг»	Тимбилдинг, день рождения компании, конец финансового года, корпоративный пикник, веселые старты, застолье с коллегами, настольные игры в офисе	31%
«Корпоративное соревнование»	Командная тропа, веревочные курсы, соревнование между отделами, веселые старты, тренинг сплочения, командный курс	27%
«Психологический тренинг»	Тренинг конфликтологии, нормализация психологического климата, тренинг развития команды, тренинг коммуникаций, тренинг командной сыгровки, командообразование	26%
«Совместное решение бизнес-задач»	Стратегическая сессия, тренинг лидерства, фасилитационная сессия, корпоративная конференция, выездное мероприятие для топ-менеджмента	16%

отработка инструкций, специализированное обучение и другое).

На третьем шаге мы рассмотрели социально-психологическое содержание каждого из выделенных видов запрашиваемого тренинга командообразования в контексте ведущих процессов групповой динамики. Соотношение целей и содержательного наполнения каждого из видов популярных запросов представлено в табл. 4.

Вид тренинга формирования рабочих групп № 1, «Воодушевление». Участники опроса, отвечая на вопросы интервью, определяли этот вид тренинга в таких понятиях, как: «тимбилдинг», «корпоративный тимбилдинг», «день рождения компании», «корпоративные Веселые старты», «организационная сессия на открытом воздухе», «корпоративный пикник», «корпоратив», «общее мероприятие» и т. п. Исходя из ответов респондентов, можно заключить, что данный способ формирования рабочей группы направлен на поднятие общего эмоционального фона в уже существующем коллективе. О подобных мероприятиях сообщили 62 респондента (31%). Среди ответов встречается множество

указаний на то, что формат является скорее событийным, чем тренинговым или учебным. Дополнительно укажем, что данные мероприятия всегда вызвали в организациях значительный интерес и повышенное внимание сотрудников.

Вид тренинга формирования рабочих групп № 2, «Испытание». Участники опроса определяли этот вид тренинга в таких понятиях, как: «тимбилдинг», «командная тропа по станциям», «соревнование между отделами», «веревочные курсы», «командные курсы» и т. п. Исходя из комментариев респондентов, можно заключить, что данный вид тренинга формирования рабочих групп направлен на поднятие уровня групповой сплоченности и общего эмоционального фона. О запросе на подобные мероприятия упомянули 54 респондента (27%). Среди их ответов встречаются комментарии, отмечающие ценность данного тренинга, его значительный вклад в сплоченность организации, а также возникновение в результате него «чувства локтя».

Вид тренинга формирования рабочих групп № 3, «Притирка». Участники опроса, отвечая на вопросы исследования, так

Таблица 4

Виды тренинга формирования рабочих групп по итогам опроса

Цель	Направлен на улучшение эмоционального фона	Направлен на улучшение эмоционального фона и повышение групповой сплоченности	Направлен на улучшение эмоционального фона, групповой сплоченности и обучение навыкам групповой работы	Направлен на повышение эмоционального фона, групповой сплоченности, обучение навыкам групповой работы и решение бизнес-задач
Упомянутые названия	Тимбилдинг, корпоратив, мероприятие, выезд на природу	Сплочение, веревочный курс, веселые старты, испытания, соревнования, командный курс	Тренинг формирования команды, тренинг коммуникаций, решение конфликтов, психологическая атмосфера	Стратегическая сессия, фасилитация, конференция, работа в команде, планирование, тренинг лидерства

определяли этот вид тренинга: «тимбилдинг по развитию команды», «тренинг по конфликтам в команде», «нормализация психологического климата в команде», «психологические упражнения», «тренинг навыков обратной связи в команде», «тренинг коммуникации в команде», «тренинг командной сыгровки», «тренинг сплочения и развития групповых навыков», «обучение работе в команде», «развитие навыков групповой работы», «тренинг формирования командных навыков для команды топ-менеджеров» и т. п. Исходя из ответов респондентов, можно заключить, что данный вид тренинга формирования рабочих групп направлен на обучение навыкам командной работы, поднятие уровня групповой сплоченности, а также общего эмоционального фона. О запросе на подобные мероприятия заявили 54 респондента (26%). В их ответах много указывает на осознание конкретной задачи мероприятия, чаще всего это помощь рабочей группе, испытывающей проблемы, решение конфликтов или выстраивание эффективного взаимодействия.

Вид тренинга формирования рабочих групп № 4, «Совместное решение». Участники опроса так определяли этот вид тренинга: «стратегическая сессия», «обучение по развитию лидерских навыков», «оценка навыков командной работы», «стратегическая сессия по планированию», «фасилитационная сессия», «командообразование проектных команд», «командообразование группы операционного управления для решения проблем оптимизации затрат» и т. п. Исходя из комментариев респондентов, можно заключить, что данный вид тренинга формирования рабочих групп направлен на решение важных бизнес-задач организации, обучение навыкам групповой работы, поднятие уровня сплоченности, а также общего эмоционального

фона. О запросе на подобные мероприятия заявили 32 респондента (16%). В ответах респондентов прослеживается, что данное мероприятие в наибольшей степени направлено на высший и, в некоторых случаях, средний уровень менеджмента в организациях. Участники позитивно отзываются о результатах тренинга и отмечают его эффективность.

На четвертом шаге исследования был осуществлен анализ ответов специалистов на вопросы о положительных и отрицательных последствиях проведенных мероприятий. Ответы на вопрос «Каковы положительные результаты мер по формированию рабочих групп в вашей организации?» позволяют проследить спектр положительных последствий целенаправленного формирования рабочих групп в организациях. В подавляющем большинстве случаев респонденты указывали на достижение поставленных целей мероприятия:

- поднятие общего эмоционального фона (по итогам тренинга «Воодушевление»);
- повышение уровня групповой сплоченности и общего эмоционального фона (по итогам тренинга «Испытание»);
- развитие навыков командной работы, повышение уровня групповой сплоченности и общего эмоционального фона (по итогам тренинга «Притирка»);
- достижение определенного бизнес-результата (принятие стратегических решений, анализ деятельности организации, поиск новых идей развития и др.), развитие навыков групповой работы, поднятие уровня групповой сплоченности и общего эмоционального фона (по итогам тренинга «Совместное решение»).

Ответы респондентов на четвертый вопрос «Существуют ли негативные последствия мер по формированию рабочих групп в вашей организации? Какие?» позволяют увидеть отрицательные

последствия нацеленного формирования рабочих групп в организациях. В их числе были приведены в качестве примеров:

- физические травмы и конфликты (по итогам тренинга «Воодушевление»);
- травмы и порча имущества (амуниции) участников (по итогам тренинга «Испытание»);
- конфликты между участниками (по итогам тренинга «Притирка»);
- неэффективная трата времени участников и ресурсов организации (по итогам тренинга «Совместное решение»).

Обсуждение результатов

На основании общего анализа результатов опроса можно сделать вывод о том, что на сегодня существует несколько необходимых организациям видов тренинга командообразования. При этом каждый из тренингов может (должен) быть направлен на достижение определенных, довольно специфических целей. Далек не каждый из проведенных тренингов (упомянутых в нашем опросе) можно назвать полноценным социально-психологическим тренингом формирования рабочих групп, большинство из них скорее носят фрагментарный характер и позволяют достичь размытых и труднооценимых результатов.

Все перечисленные выше процессы групповой динамики в той или иной мере актуализируются фактически в каждом из упомянутых видов тренинга. Однако лежащие в их основе программы значительно различаются между собой, причем по описанию проведенных мероприятий становится возможным определить доминирующие в них процессы групповой динамики, т. е. те процессы, работе с которыми было отведено наибольшее время в рамках программы.

Часто целью корпоративных мероприятий (вид тренинга № 1) становится формирование «единого духа», принятие участниками целей, ценностей и принципов организации, что, несомненно, направлено на формирование чувства единства и, в том числе, приводит к принятию организационных норм поведения, таких как манера обращения, приемлемые формы поведения, корпоративная политика взаимодействия внутри и вне организации и др. На таких мероприятиях участник не может остаться равнодушным, не включенным в общий процесс, не испытывать эмоциональный подъем. В атмосфере общего праздника он начинает позитивно воспринимать групповые нормы и ценности, как минимум, открыто не выступает против них. По этим причинам мы полагаем, что ведущими процессами групповой динамики тренинга «Воодушевление» являются *групповая идентификация* и *нормообразование*.

В ситуации совместных испытаний, серьезных физических и/или интеллектуальных групповых нагрузок (вид тренинга № 2) участники вольно или невольно образуют некое групповое единство. Им приходится действовать совместно и сообща, порой жертвовать собственными интересами ради общегрупповых, но также ощущать, что другие члены группы готовы помочь им самим. Поэтому мы полагаем, что ведущими процессами групповой динамики тренинга «Испытание» являются *групповая идентификация*, *нормообразование* и *групповое сплочение*.

Руководителей организаций волнуют вопросы лидерства и эффективного распределения ролей, чаще всего на уровне среднего и высшего уровней менеджмента. Для развития рабочих групп в таких случаях применяются разнообразные психо-

технические упражнения с последующим глубоким анализом, получением обратной связи и проработкой ситуаций (вид № 3). Тренер в данном контексте модерирует конструктивное формирование лидерства в группе, а также своевременное распределение ролей, им разбираются многочисленные игровые ситуации с целью анализа эффективности их реализации и вклада каждого участника в итоговый результат. На основании этого мы полагаем, что ведущими процессами групповой динамики тренинга «Притирка» являются *групповая идентификация, нормообразование, групповое сплочение, лидерство и дифференциация ролей*.

Современные организации должны иметь ясную стратегию и быть готовыми гибко изменять и дополнять ее под воздействием изменяющихся обстоятельств. Это требует определенных умений и установок, которые могут быть сформированы в тренинге (вид тренинга № 4). Любая бизнес-задача, которую приходится реализовывать группе на таком тренинге, требует определения и учета особенностей организации, мнений каждого, эффективного управления оценкой решений, совместного согласования планов действий. Чем сложнее задача, тем более значимым становится процесс группового принятия решений. Это позволяет нам предположить, что ведущими процессами групповой динамики тренинга «Совместное решение» являются *групповая идентификация, нормообразование, групповое сплочение, лидерство, дифференциация ролей и групповое принятие решений*.

Еще одним важным результатом стало то, что *каждый из выделенных видов тренинга в абсолютном большинстве случаев был рассчитан на особую, т. е. отличную от других видов тренинга, аудиторию*. Так, в тренинге «Воодушевление» принимали

участие практически все члены организации без исключения, в тренинге «Испытание» очень часто участниками становились отделы и другие структурные единицы организаций, «Притирка» чаще всего проводилась для среднего уровня менеджмента, а «Совместное решение», как мы уже отметили выше, было предназначено для высшего руководства организации.

Таким образом, возник исследовательский интерес к поиску связей между видами тренинга формирования рабочих групп, с одной стороны, и различными типами рабочих групп в коммерческой организации, с другой стороны. Для этого мы использовали выявленные виды тренинга формирования рабочих групп и типологию рабочих групп Ю.М. Жукова, А.В. Журавлева и Е.Н. Павловой («команда выполнения задач», «команда специалистов», «команда перемен» и «управленческая команда»).

Данное предположение позволило нам сформировать возможную типологию рабочих групп, видов тренинга формирования рабочих групп и характеристик процессов групповой динамики (табл. 5).

Выводы и заключение

Полученные в ходе нашего исследования результаты позволяют предложить систематизацию запросов на формирование рабочих групп (команд) с учетом таких факторов, как тип рабочих групп в организации и ведущие процессы групповой динамики в них. Таким образом, проведенный анализ спроса на услуги формирования рабочих групп приводит нас к следующим выводам.

Во-первых, можно выделить четыре вида тренинга формирования рабочих

групп, востребованных на российском рынке тренинговых и консалтинговых услуг («Воодушевление», «Испытание», «Притирка» и «Совместное решение»).

Во-вторых, в запросах на каждый вид тренинга формирования рабочих групп отчетливо прослеживаются преимущественно актуализируемые процессы групповой динамики. Для тренинга «Воодушевление» такими процессами групповой динамики являются групповая идентификация и нормообразование. Для тренинга «Испытание» – групповая идентификация, нормообразование и групповое сплочение. Для тренинга «Притирка» – групповая идентификация, нормообразование, группо-

вое сплочение, дифференциация ролей и лидерство. Для тренинга «Совместное решение» – групповая идентификация, нормообразование, групповое сплочение, дифференциация ролей, лидерство и групповое принятие решений.

Эти результаты вносят вклад в комплексное понимание социально-психологического тренинга как особой области психологической практики, процессов групповой динамики, а также практической работы по формированию рабочих групп различного типа. Предлагаемая модель может быть использована для разработки научно-обоснованных программ социально-психологического тренинга по формированию рабочих групп.

Таблица 5

Типология рабочих групп в соответствии с видами тренинга формирования рабочих групп и процессами групповой динамики

Тип рабочей группы	Вид тренинга формирования рабочей группы	Ведущие процессы групповой динамики
«Команда выполнения задач» (узкий диапазон деятельности, низкая взаимозаменяемость членов)	«Воодушевление» (направлен на улучшение эмоционального фона)	Групповая идентификация, нормообразование
«Команда специалистов» (узкий диапазон деятельности, высокая взаимозаменяемость членов)	«Испытание» (направлен на улучшение эмоционального фона и повышение групповой сплоченности)	Групповая идентификация, нормообразование, групповое сплочение
«Команда перемен» (широкий диапазон деятельности, низкая взаимозаменяемость членов)	«Притирка» (направлен на улучшение эмоционального фона, повышение групповой сплоченности и обучение навыкам групповой работы)	Групповая идентификация, нормообразование, групповое сплочение, лидерство, дифференциация ролей
«Управленческая команда» (широкий диапазон деятельности, высокая взаимозаменяемость членов)	«Совместное решение» (в первую очередь направлен на решение бизнес-задач, также направлен на улучшение эмоционального фона, повышение групповой сплоченности и обучение навыкам групповой работы)	Групповая идентификация, нормообразование, групповое сплочение, лидерство, дифференциация ролей, групповое принятие решений

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А.* Зарубежная социальная психология XX столетия. Теоретические подходы. М.: Аспект Пресс, 2001. 288 с.
2. *Базаров Т.Ю., Рыбкин И.В., Пыркова Т.С.* Управленческие команды и их формирование // Современный кадровый менеджмент / Под ред. Т.Ю. Базарова. Вып. 1. М.: ИПК госслужбы, 1998. С. 51–67.
3. *Безрукова Е.Ю.* Информационно-методическое обеспечение процесса командообразования: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1998. 22 с.
4. *Елисеенко А.С., Зверев Д.А.* Технология симулятивного тренинга для развития системного мышления и развития управленческих команд [Электронный ресурс] // Организационная психология. 2013. Т. 3. № 3. С. 97–112. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (дата обращения: 28.09.2018)
5. *Жуков Ю.М., Журавлев, А.В., Павлова, Е.Н.* Психологическое сопровождение обучения привнесению автоматизированных систем управления // Международный научный журнал. 2009. № 5. С. 69–80.
6. *Иванова Н.Л., Зверев Д.А.* Обучение предпринимателя и его команды в связи с кризисами самоопределения и роста // Психология обучения. 2014. № 12. С. 94–108.
7. *Иванова Н.Л., Томас М.* Проблема социальной идентичности в исследовании организаций: основные подходы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 3. С. 89–102.
8. *Кениг О., Шаттенхофер К.* Введение в групповую динамику. М.: Институт консультирования и системных решений, 2014. 176 с.
9. *Леонгардт В.А.* Маркетинговый подход к развитию рынка услуг бизнес-образования в России [Электронный ресурс] // Управление экономическими системами. 2011. Т. 29. № 5. URL: <http://uecs.ru/marketing/item/451-20> (дата обращения: 28.09.2018).
10. *Мингалеева Г.А., Шихирев П.Н.* Групповые установки в совместной деятельности производственных бригад // Социально-психологические проблемы бригадной формы организации труда / Отв. ред. Е.В. Шорохова, А.Л. Журавлев. М.: Наука, 1987. С. 110–119.
11. *Почебут Л.Г., Чикер В.А.* Индустриальная социальная психология. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. 184 с.
12. *Штроо В.А.* Защитные механизмы: от личности к группе // Вопросы психологии. 1998. № 4. С. 54–61.
13. *Штроо В.А.* Исследование групповых защитных механизмов // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. С. 5–15.
14. *Anshel M.H.* Sport psychology: From theory to practice. В. Cummings, 2003.
15. *Trandafirescu G.* Particular aspects concerning cohesion of the athlete group at football teams // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2015. Т. 180. P. 1369–1373.

Study of the demand for teambuilding training services in contemporary russian organizations

D.A. ZVEREV*,
NRU HSE, Moscow, Russia, dzverev@hse.ru

W.A. STROH**,
NRU HSE, Moscow, Russia, vstroh@hse.ru

In the period 2013–2014, a study was conducted on the market of services for the formation of work groups, taking into account the types of work groups and processes of group dynamics occurring in socio-psychological training. For the basic typology of work groups authors used the Y.M. Zhukov, A.V. Zhuravlev, E.N. Pavlova model. Based on the results of a specially conducted expert survey aimed at identifying the needs of organizations in the formation of work groups, four main types of training for the formation of work groups were identified and characterized, they were named: “Inspiration”, “Challenge”, “Adjusting” and “Joint decision”. As the analysis showed, each type of training is aimed at actualizing certain processes of group dynamics. The survey of the conducted empirical research made it possible to draw a conclusion about the interrelations of the development of the processes of group and socio-psychological management of work groups of various types. The results of this work are unique and can be used for practical purposes to effectively form work groups in organizations. In addition, they represent a methodological value for the training of specialists in the field of management and organizational psychology.

Keywords: team, group dynamics, work groups formation, socio-psychological training, teambuilding.

REFERENCES

1. Andreeva G.M., Bogomolova N.N., Petrovskaya L.A. Zarubezhnaya sotsial'naya psikhologiya XX stoletiya. Teoreticheskie podkhody [Foreign social psychology of the XX century. Theory approaches]. Moscow: Aspekt Press, 2001. 288 p.
2. Bazarov T.Yu., Rybkin I.V., Pyrkova T.S. Upravlencheskie komandy i ikh formirovanie [Management teams development]. In: T.Yu. Bazarov (ed.). *Sovremennyy kadrovyy menedzhment* [Contemporary hr-management]. Vyp. 1. M.: IPK gosszluzhby, 1998, pp. 51–67.

For citation:

Zverev D.A., Stroh W.A. Study of the demand for teambuilding training services in contemporary russian organizations. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019. Vol. 10. no. 1, pp. 182–198. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100111

* Zverev Dmitry A. – Lecturer, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia, dzverev@hse.ru

** Stroh Wladimir A. – PhD (psychology), Professor, Head of the Department of Organizational Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia, vstroh@hse.ru

3. Bezrukova E.Yu. Informatsionno-metodicheskoye obespecheniye protsessa komandooobrazovaniya. Avtoref. diss. kand. psihol. nauk [Information and methodological support team building process. PhD (Psychology). Thesis]. Moscow, 1998. 22 p. (In Russ.)
4. Eliseenko A.S., Zverev D.A. Tekhnologiya simulyativnogo treninga dlya razvitiya sistemnogo myshleniya i razvitiya upravlencheskikh komand [Elektronnyi resurs] [Simulation training technology for the development of system thinking and the development of management teams]. *Organizatsionnaya psikhologiya* [Organizational psychology], 2013. Vol 3, no. 3, pp. 97–112. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (Accessed 28.09.2018). (In Russ., Abstr. in Engl.)
5. Zhukov Y.M., Zhuravlev A.V., Pavlova E.N. Psikhologicheskoe soprovozhdenie obucheniya pri vnedrenii avtomatizirovannykh sistem upravleniya [Psychological support of training when implementing automated control systems]. *Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal* [International scientific journal], 2009, no. 5, pp. 69–80. (In Russ., abstr. in Engl.)
6. Ivanova N.L., Zverev D.A. Obuchenie predprinimatelya i ego komandy v svyazi s krizisami samoopredeleniya i rosta [Training of the entrepreneur and his team in connection with the crises of self-determination and growth]. *Psikhologiya obucheniya* [Learning psychology], 2014, no. 12, pp. 94–108. (In Russ., abstr. in Engl.)
7. Ivanova N.L., Tomas M. Problema sotsial'noj identichnosti v issledovanii organizatsij: osnovnye podkhody [Problem of social identity in the organizational study: general approaches]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Issues of state and municipal management], 2010, no. 3, pp. 89–102. (In Russ., abstr. in Engl.)
8. Koenig O., Schattenhofer K. Vvedenie v gruppovuyu dinamiku [Introduction to Group Dynamics]. Moscow: Institute of Counseling and System Solutions, 2014. 176 p.
9. Leongardt V.A. Marketingovyj podkhod k razvitiyu rynka uslug biznes-obrazovaniya v Rossii [Elektronnyi resurs] [Marketing approach to the development of market of business services for education in Russia]. *Upravlenie ehkonomicheskimi sistemami* [Economic systems management], 2011, no. 5. URL: <http://uecs.ru/marketing/item/451-20> (Accessed 28.09.2018). (In Russ., abstr. in Engl.)
10. Mingaleeva G.A., Shikhirev P.N. Gruppye ustanovki v sovместной deyat'nosti proizvodstvennykh brigad [Group installations in the joint activity of production teams]. In E.V. Shorohova, A.L. Zhuravlev (ed.). *Sotsial'no-psikhologicheskie problemy brigadnoj formy organizatsii truda* [Socio-psychological problems of the brigade form of labor organization]. Moscow.: Nauka, 1987, pp. 110–119.
11. Pochebut L.G., Chiker V.A. Industrial'naya sotsial'naya psikhologiya [Industrial social psychology]. St. Petersburg: Publishing house S.-Petersburg University, 1997. 184 p.
12. Stroh W.A. Zashhitnye mekhanizmy: ot lichnosti k gruppe [Protective mechanisms: from person to a group]. *Voprosy psikhologii* [Voprosy psikhologii], 1998, no. 4, pp. 54–61. (In Russ., abstr. in Engl.)
13. Stroh W.A. Issledovanie gruppovykh zashhitnykh mekhanizmov [Study of group defense mechanisms]. *Psikhologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2001, no. 1, pp. 5–15. (In Russ., abstr. in Engl.)
14. Anshel M.H. Sport psychology: From theory to practice. B. Cummings, 2003.
15. Trandafirescu G. Particular Aspects Concerning Cohesion of the Athlete Group at Football Teams. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 2015. Vol. 180, pp. 1369–1373.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
SCIENTIFIC LIFE

**XVI Международная встреча интернационального сообщества
психологов дорожного движения
(Каунас, 29–30 ноября 2018 г.)**

Т.В. КОЧЕТОВА*,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
kochetovatv@gmail.com

Настоящая публикация представляет собой краткий отчет о прошедшей 29–30 ноября 2018 г. XVI Международной встрече психологов дорожного движения в Каунасе. В тексте отчета представлены основные идеи докладов и презентации как специалистов-психологов Литвы, так и представителей других стран. Тематика выступлений охватывала различные области современной психологии дорожного движения — от оценки практик и подходов к работе с водителями-нарушителями до компетенций специалиста в области психологии дорожного движения.

XVI Международная встреча интернационального сообщества психологов дорожного движения — Traffic Psychology International (TPI) — состоялась 29–30 ноября в университете имени Витольда Великого (Каунас, Литва). Особенностью данной встречи было одновременное участие ведущих специалистов Литвы, работающих в сфере транспортной безопасности, и членов Traffic

Psychology International из Австрии, Бельгии, Великобритании, Венгрии, Германии, Нидерландов, России, Словакии, Украины, Финляндии, Чехии, Эстонии.

Основной целью встречи стал обмен опытом специалистов, имеющих в своих странах богатый опыт психологических практик работы с водителями-нарушителями, и обсуждение насущных вопросов и проблем становления системы

Для цитаты:

Кочетова Т.В. XVI Международная встреча интернационального сообщества психологов дорожного движения (Каунас, 29–30 ноября 2018 г.) // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 1. С. 199–201. doi: 10.17759/sps.2019100112

* *Кочетова Татьяна Викторовна* — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления факультета социальной психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, kochetovatv@gmail.com

превенции и реабилитации водителей в Литве, консолидации литовских специалистов в области безопасности дорожного движения.

Так, *Кристина Чалупка-Риссер* и *Ральф Риссер* выступили с сообщением, где подробно осветили историю развития первых реабилитационных курсов в разных странах, направленных на работу с водителями, нарушающими Правила дорожного движения, а также раскрыли структуру и основные подходы к организации работы психолога с водителями-нарушителями в современной Австрии. Основной акцент был сделан на специфике работы с водителями, нарушающими скоростной режим.

Людо Клупеллс представил в деталях специфику работы дорожного психолога с нарушителями-рецидивистами в Бельгии. Фокус внимания в его сообщении был сосредоточен на психологической характеристике водителей, имеющих многократные (повторяющиеся) нарушения Правил дорожного движения и дорожного законодательства Бельгии, приемах и способах реабилитационной работы психолога с ними. Продолжил знакомство с психологическими практиками в области дорожной безопасности Бельгии *Хельмут Вернер Парис*, который представил программу «Безопасность 2.0». Он рассказал, какие критерии качественного психологического анализа дорожно-транспортных происшествий представлены в этой программе, привел примеры кейсов, используемых для выработки навыков безопасного поведения различных участников дорожно-транспортной среды, и определил ориентиры для прогнозирования их поведения, выстроенного на основе психологической оценки.

Томас Вагнер в своем сообщении, посвященном обзору инструментов меди-

ко-психологического ассесмента водителей в Германии, уделил особое внимание исследованиям психологических особенностей водителей, практикующих вождение в нетрезвом состоянии. Он подробно рассказал об этапах совместной работы врачей и психологов с водителями, нарушающими дорожное законодательство страны, и процедуре оценки пригодности к управлению транспортным средством.

Важный «вектор» современной психологии дорожного движения представил *Матуш Шуха*, который рассказал о некоторых содержательных моментах программ обучения специалистов по реабилитации водителей (на примере водителей, практикующих вождение в нетрезвом состоянии) в Чехии. Продолжила тему обучения специалистов в области дорожной безопасности *Вероника Куречкова* — психолог транспортного исследовательского центра Чехии. Она рассказала о базовых стандартах подготовки психологов дорожного движения, требованиях к их квалификации с точки зрения компетентностного подхода.

И, наконец, были представлены результаты комплексного исследования индивидуально-психологических особенностей и установок начинающих водителей, склонных к нарушению Правил дорожного движения в Литве. Авторами исследования — *Расой Маркшайтуте*, *Лаурой Шейбокайте*, *Акси Ендриулайтине*, *Кристиной Жардескайте-Матулайтине* и *Жастиной Савинскийте* — был выделен набор личностных черт, которые могут обуславливать склонность к различным нарушениям дорожного поведения водителей, а также затронуты вопросы индивидуального подхода к их реабилитации.

В выступлениях местных экспертов в области дорожной безопасности не-

однократно звучали слова поддержки в пользу необходимости внедрения различных психологических практик в работе с водителями, нарушающими законодательство, обучения безопасному поведению на дороге, говорилось о роли психологии дорожного движения в снижении уровня дорожно-транспортного травматизма.

Оценивая итоги XVI Международной встречи интернационального сообщества психологов дорожного движения в Каунасе, можно сказать, что она прошла на высоком профессиональном уровне и послужила основой для определения возможных векторов развития психологии дорожного движения в Литве.

XVI Traffic Psychology International Meeting (Kaunas on November 29–30, 2018)

T. V. KOCHETOVA*,
Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
kochetovatv@gmail.com

This publication is a brief overview of the XVI Traffic Psychology International Meeting in Kaunas on November 29–30, 2018. The text of the overview presents the main ideas of the reports and presentations of psychologists and specialists of Road Safety from Lithuania and representations of traffic psychologists from other countries. The topics of the presentations covered various fields of Traffic Psychology: from evaluating approaches and practices on work with driver-offenders to the competence of a specialist of Traffic Psychology.

For citation:

Kochetova T. V. XVI Traffic Psychology International Meeting (Kaunas on November 29–30, 2018). *Sotsial'naiia psikhologĭia i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 1, pp. 199–201. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/sps.2019100112

* *Kochetova Tatiana V.* — PhD in Psychology, Assistant professor, Chair of Psychology of Management, Department of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, kochetovatv@gmail.com

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

Принцип ситуационизма в современной социальной психологии

Рецензия на книгу Т. Гиловича и Л. Росса «Наука мудрости».

Москва: Индивидуум, 2019. 368 с.

Е.П. БЕЛИНСКАЯ*,
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
elena_belinskaya@list.ru

Рецензируемая книга обобщает достижения социальной психологии за последние несколько десятилетий в области социального познания. Внимание авторов обращено к анализу ситуационных факторов, которые определяют ошибки социальной перцепции, формируют социальные стереотипы и предубеждения, а также влияют на выбор различных форм социального поведения.

Ключевые слова: социальное познание, ситуационное влияние, ошибки социальной перцепции, субъективная интерпретация реальности.

Жанр новой книги известных американских социальных психологов — Томаса Гиловича и Ли Росса «Наука мудрости»¹ не так уж просто определить [1]. Само название задает рамку популяризации, да и авторы, вроде бы, обращаются к широкому читателю: неслучайно ее подзаголовком является столь вос-

требованное сегодня очередное утилитарное «как» — в данном случае «как обратить себе на пользу важнейшие открытия социальной психологии». Однако с самого начала чтения мягкая ирония создателей над любыми попытками простых объяснений и безусловных рекомендаций становится очевидной: вос-

Для цитаты:

Белинская Е.П. Принцип ситуационизма в современной социальной психологии. Рецензия на книгу Т. Гиловича и Л. Росса «Наука мудрости». М.: Индивидуум, 2019. 368 с. // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 1. С. 202–205. doi: 10.17759/sps.2019100113

* Белинская Елена Павловна — доктор психологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия, elena_belinskaya@list.ru

¹ Ли Росс и Томас Гилович знакомы отечественному читателю по двум книгам: Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии (М.: Аспект Пресс, 1999) и Бельски Г., Гилович Т. Почему умные люди не умеют управлять своими деньгами — и как это исправить (М.: Альпина Паблишер, 2010).

пользоваться предлагаемым знанием сможет лишь тот, кто готов к восприятию сложного и нередко парадоксального мира социального поведения современного человека. В обращении именно к потенциальной мудрости читателя (а не к его эффективности, продуктивности, запредельному личностному росту или столь же безграничной осознанности) — не свежий «маркетинговый» ход на рынке психологической литературы, но ценностная позиция авторов: с их точки зрения, лишь мудрый человек «способен выходить за рамки того, что сейчас известно» [1, с. 30]. Эта книга, очевидно, будет интересна специалистам — они найдут в ней четкую и емкую теоретико-методологическую позицию, отражающую принципы ситуационного подхода, который по праву венчает логику когнитивизма в социальной психологии. Она будет очень полезна тем, кто только начинает свой профессиональный путь, студентам и молодым исследователям, — Т. Гилович и Л. Росс сумели в небольшом объеме текста представить увлекательную панораму социально-психологических экспериментов последних десятилетий, подчеркивающих иллюзию человеческой объективности при восприятии социального мира, и, заметим, что их результаты изложены без лишнего академизма и одновременно сопровождаются необходимыми библиографическими ссылками. Психологи, работающие в тех или иных областях социальной практики — от образования до менеджмента, — обнаружат, что вечная проблема «соединения» теоретического знания и прикладных задач вполне решается: значительная часть книги посвящена широкому кругу социальных проблем, в разработке которых убедительно использованы достижения социальной психологии (от поиска путей обретения повседневного счастья и способов преодоления конфликтных ситуаций до организованных воздействий в целях повышения школьной успе-

ваемости и предотвращения климатических изменений). Но при этом любой, склонный к познанию себя и мира, читатель найдет в «Науке мудрости» ответы на одно из основных человеческих «почему» — «почему люди поступают так, как поступают, и почему нам всем непросто выйти за рамки ограниченного видения событий?» [1, с. 45]. Если коротко, то это книга об ограничениях процесса познания и о человеческом бессилии перед властью обстоятельств, и одновременно — о наших возможностях и силе жить, меняясь и изменяя мир. Она рассчитана «на образованного читателя и стимулирует к размышлениям, но специального психологического образования не требует» [1, с. 9], — как замечает в своем блестящем предисловии научный редактор книги В.С. Магун.

Будучи в целом посвящена психологии социального познания, работа Т. Гиловича и Л. Росса соединяет в себе две содержательные линии: достижения «обыденной социальной психологии», ориентированной на «понимание мыслей, чувств, предпочтений и поступков обычного человека» [1, с. 30], и актуальные исследования процесса принятия решений, предпринятые в рамках поведенческой экономики.

Первая часть книги («Столпы мудрости») состоит из пяти глав, отражающих соответственно пять центральных социально-психологических идей, в максимальной степени определяющих современное состояние этой области знания. В первой из них («Иллюзия объективности») речь идет о нашей необъективности в восприятии социального мира, — ведь согласно «принципу наивного реализма» мы не только предполагаем, что наше восприятие соответствует реальности, но и думаем, что воспринимаем мир точнее, чем остальные, а также о возможных причинах этого (история открытия Л. Россом «эффекта ложного консенсуса» не только подробно описана, но и развернуто

проиллюстрирована современным экспериментальным материалом). Во второй главе («Сила обстоятельств») авторы сосредотачивают свое внимание на тех ситуационных факторах, нередко слабых и не всегда замечаемых, которые, тем не менее, оказывают сильное влияние на социальное поведение, заставляя нас мыслить предубежденно (заметим, что отдельный интерес в ней представляют отсылки к концепции Курта Левина и реинтерпретация известного эксперимента Ст. Милгрэма). Третья глава, посвященная закономерностям субъективной интерпретации реальности («Что как называется»), содержит многочисленные данные о роли языка и дискурсивного контекста в возникновении переживаний и, соответственно, определяющих выбор человеком тех или иных вариантов своего социального поведения. Анализ тесной взаимосвязи аффектов и действий, предпринятый в четвертой главе («Первичность поведения»), не только обращает читателя к современному прочтению проблемы эмоций в социальной психологии, но и заставляет вновь задуматься о трагических уроках XX столетия, в частности, об известном тезисе о «банальности зла». Авторы заканчивают эту главу надеждой, что «те, кто мудрее, осознают, что рационализация зла и бездействие перед лицом зла — не меньшая угроза человечеству, чем варварские намерения злоумышленников» [1, с. 178]. Последняя, пятая, глава первой части («Замочные скважины, линзы и фильтры») содержит результаты исследований и экспериментов, демонстрирующих те закономерности в обработке информации, которые могут приводить к тенденциозности суждений о социальных объектах и явлениях, причем значительная ее часть описывает, «как сделать замочную скважину шире» [1, с. 198] — т. е. относиться критически к транслируемой с помощью масс-медиа информации, искать альтернативные информацион-

ные источники, не доверять безоговорочно своей интуиции и т. п.

Вторая часть («Прикладная мудрость») представляет собой реализацию изложенных в первой части принципов современной социальной психологии в отношении поиска решений четырех, более чем не тривиальных, задач социальной практики: изучения основ человеческого благополучия («Наука счастья»), закономерностей преодоления конфликтов («Почему мы не можем просто ладить друг с другом»), повышения школьной неуспеваемости, особенно если речь идет о детях из социально-депривированных групп населения («Тяжелая проблема для Америки»), и человеческих возможностях противостоять изменению климата на планете («Еще более тяжелая проблема для всего мира»). Т. Гилович и Л. Росс убедительно показывают, что столь разные по содержанию практические задачи могут быть объединены в своих прикладных решениях опорой на общие теоретические позиции, а именно — на представления о важной роли ситуационных воздействий, пониманием субъективных искажений реальности и нашей фактической неспособностью их заметить, знанием о взаимосвязи между человеческими убеждениями и поведением. Столь фундаментальный подход не мешает авторам одновременно отвечать на многие, вполне конкретные и интересующие каждого «почему». Почему приобретение впечатлений больше связано с ощущением счастья, чем приобретение вещей? Почему в ситуации конфликта мы ожидаем, что первым на компромисс пойдет оппонент? Почему девушки, которые учатся не хуже юношей, реже выбирают в качестве профессии математику? Почему мы в большей мере склонны к экологичному поведению, если знаем, что наши соседи уже ведут себя подобным образом? За столь разными феноменологическими вариантами социального

поведения, с точки зрения авторов, стоит как минимум одна общая причина, а именно — существующая в нашей голове определенная «рамка социального сравнения», ведь «самые важные вещи в жизни человека связаны с другими людьми» [1, с. 28], и потому основная задача социальной психологии состоит в попытках конкретизации этой связи в разных обстоятельствах и ситуациях.

В заключение подчеркнем, что в этой постоянной обращенности к Другому,

явно или неявно присутствующей в книге, состоит, на наш взгляд, не только естественный для социальных психологов фокус интерпретации, но и ценностная позиция авторов, для которых очевидно, что «наиболее важные достижения в психологии опираются не только на научный, но и на моральный фундамент» [1, с. 25], на определенный моральный императив, столь необходимый сегодня в мире, полном динамичной неопределенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гилович Т., Росс Л.* Наука мудрости. М.: Индивидуум, 2019. 368 с.: ил.

The principle of situationism in modern social psychology Review of the book by T. Gilovich and L. Ross “The Science of wisdom”² (Moscow: Individual, 2019. 368 p.)

E.P. BELINSKAYA*,
Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia,
elena@belinskaya@list.ru

The book summarizes the achievements of social psychology in the last few decades in the field of social cognition. The authors’ attention is drawn to the analysis of situational factors that determine the errors of social perception, form social stereotypes and prejudices, as well as influence the choice of various forms of social behavior.

Keywords: *social cognition, situational influence, errors of social perception, subjective interpretation of reality.*

REFERENCES

1. Gilovich T., Ross L. The Science of wisdom. Moscow: Individual, 2019. 368 p.

For citation:

Belinskaya E.P. The principle of situationism in modern social psychology. Review of the book by T. Gilovich and L. Ross “The Science of wisdom”. Moscow: Individual, 2019. 368 p. *Sotsial'naiia psikhologiiia i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 1, pp. 202–205. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/sp.2019100113

* *Belinskaya Elena P.* — Doctor in psychology, professor, Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia, elena@belinskaya@list.ru

² Оригинальное название книги — «The wisest one in the room».

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207

Тел.: +7 (495) 608-16-27

+7 (495) 632-95-44

Факс +7 (495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390 Москва, Шелепихинская наб., 2А, к. 409

Тел. +7 (499) 244-07-06 (доб. 233)

e-mail: *k-409rio@list.ru*

Корректор *Р.К. Лопина*

Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409

Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)

e-mail: *k-409rio@list.ru*

Technical editor *R.K. Lopina*

Maker-up *M.A. Baskakova*